

Tartu Semiotics Library 13

Σημειωτική

BEGINNINGS
OF THE SEMIOTICS
OF CULTURE

Edited by
Silvi Salupere
Peeter Torop
Kalevi Kull

UNIVERSITY OF TARTU
PRESS

TARTU SEMIOTICS LIBRARY 13

Series editors:

Kalevi Kull

Silvi Salupere

Peeter Torop

Advisory board:

Tatiana Chernigovskaja (St Petersburg State University, Russia)

Robert E. Innis (University of Massachusetts Lowell, USA)

Frederik Stjernfelt (Aarhus University, Denmark)

Jaan Valsiner (Clark University, USA)

Ekaterina Velmezova (Lausanne University, Switzerland)

Vilmos Voigt (Eötvös Loránd University, Hungary)

Tartu Semiootika Raamatukogu 13

Тартуская библиотека семиотики 13

Kultuurisemiootika algus

Начала семиотики культуры

BEGINNINGS OF THE SEMIOTICS OF CULTURE

Edited by
Silvi Salupere
Peeter Torop
Kalevi Kull

UNIVERSITY OF TARTU
PRESS

Book series *Tartu Semiotics Library* editors:
Kalevi Kull, Silvi Salupere, Peeter Torop

Address of the editorial office:
Department of Semiotics
University of Tartu
Jakobi St. 2
Tartu 51014, Estonia

<http://www.ut.ee/SOSE/tsl.html>

Copyright: University of Tartu, 2013

ISSN 1406-4278

ISBN 978-9949-32-323-4

University of Tartu Press
www.tyk.ee

Preface

A landmark of Tartu semiotics for nearly half of a century now is the semiotics of culture. The semiotic study of cultures was at the centre of interest in Juri Lotman's group, and in the Tartu-Moscow semiotics school in general.

In 1973, the collective manifesto *Theses on the Semiotic Study of Cultures* was written under the leadership of Juri Lotman together with his Moscow colleagues Vjacheslav Ivanov, Vladimir Toporov, Aleksandr Pjatigorskij, and Boris Uspenskij. This marked the real birth of the research field called the *semiotics of culture*.

The intensive work of the 1960s on the semiotic approach to the study of texts, at first literary texts and later other kinds of cultural texts, and the discussions at the Tartu Semiotics Summer Schools in Kääriku (Salupere 2012), led to the formation of an understanding of the possibility for an integral approach to culture from the semiotic point of view. It is marked by the use of the term *semiotics of culture* that came into use since 1970.

In the introduction to the 4th Summer School on Semiotics that took place in Tartu and Kääriku in August 1970, Juri Lotman formulated explicitly the tasks of the semiotics of culture, using this name of the field (Lotman 1970). In the same year, Lotman and Uspenskij used the term in their abstract for a conference in Tbilisi (Lotman, Uspenskij 1970), followed by their article on the topic (Lotman, Uspenskij 1971).

In 1973, at the proposal of Juri Lotman, a collective formulation of the principles of this field called 'semiotics of culture' was made. To write these *Theses* was Lotman's idea. The text was compiled when the group gathered in Uspenskij's apartment in Moscow, at Jugo-Zapadnaja. The authors included the core members of the Tartu-Moscow semiotics school – J. M. Lotman, V. V. Ivanov, V. N. Toporov, A. M. Pjatigorskij, and B. A. Uspenskij. Lotman also wanted to include Roman Jakobson, who worked at that time at the Massachusetts Institute of Technology, but it is not clear whether this message reached him (Ivanov 1994: 488; 1999: 248; Velmezova, Kull 2011: 300). The *Theses* were written for the 7th International Congress of Slavists that took place in 1973 in Warsaw.¹ The writing process was rather quick – Uspenskij had to take the text to Warsaw.

¹ Roman Jakobson also attended the Warsaw meeting in 1973 (Rudy 1999: 100).

The *Theses* were published in 1973, almost simultaneously in Russian (in Poland for the Congress proceedings) and in English² (in the Netherlands for a book published by Mouton). Subsequently, the *Theses* have been translated into French (1974), Italian (1979), German (1986), Estonian (1998), Portuguese (2003), and Spanish (2006). Below, we provide the list of republications and translations of this text. A thorough analysis of the *Theses* has been produced by Irene Portis-Winner and Thomas Winner (1976).

In 1979, a *Postscriptum to Theses* written by Juri Lotman and Boris Uspenskij, was published in an Italian collection (Lotman, Uspenskij 1979; republished under a slightly changed title in 2006). This text, compiled at the request of the editor of that volume,³ was not published in Russian, although it was published later in Portuguese (Lótman, Uspiénski 2003) and Spanish (Lotman, Uspenski 2007) in a translation from Italian.⁴

The 2013 Tartu Semiotics Summer School (the 8th in the general sequence⁵) takes place again at Kääriku and is dedicated to the development of semiotics of culture, under the title “Autocommunication in Semiotic Systems: 40 years after the *Theses* on the Semiotic Study of Culture”. On this occasion, we republish here (1) the introduction to the 4th Summer School, written by J. Lotman, also in translation into English and Estonian, (2) the *Theses* in three languages (these were also published in vol. 1 of *Tartu Semiotics Library*, in 1998; here the translations are slightly corrected), and (3) the *Postscriptum to theses* (in English, translated from Italian, since we could not establish the Russian original of this text). The background and the further role of these texts is described in the accompanying article by Peeter Torop and Silvi Salupere.⁶

Silvi Salupere
Peeter Torop
Kalevi Kull

² This was Lotman's first paper that was published in English (see the complete bibliography of Lotman's works in English in Kull, Kalevi 2011. Juri Lotman in English: Bibliography. *Sign Systems Studies* 39(2/4): 343–356.).

³ The volume includes postscriptums also to some other texts republished in that book.

⁴ In 1992, Lotman wrote “Theses towards a semiotics of Russian culture” as a study programme for the Department of Russian Culture in the Institute of World Culture at Moscow State University (published in Russian and in English – Lotman 1994a; 1994b), and focused on some specific characteristics of Russian cultural history. See also Torop 1999.

⁵ This is the second after the revival of Tartu Semiotics Summer Schools. The previous one (the 7th) took place at Palmse, in 2011, on the topic of semiotic modelling. The first six were held in 1964, 1966, 1968, 1970, 1974, and 1986 (see also Kull, Salupere *et al.* 2011; Kull, Lindström *et al.* 2011; Salupere 2012).

⁶ *Acknowledgements.* We thank Tanel Pern, Remo Gramigna and Tyler Bennett for their help in improving translations. This volume is related to the project IUT2-44 (Semiotic modelling of self-description mechanisms: Theory and applications), and the Centre of Excellence in Cultural Theory (supported by the European Union through the European Regional Development Fund).

References

I General

- Ivanov, Vjacheslav V. 1994. = Иванов, В. В. 1994. Из следующего века. In: Кошелев, А. Д. (ed.), Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. Москва: Гнозис, 486–490.
- Ivanov, Vjacheslav V. 1999. Буря над Ньюфаундлендом: Из воспоминаний о Романе Якобсоне. In: Baran, Henryk; Gindin, Sergej; Grinzer, Nikolai; Nikolaeva, Tat'jana; Rudy, Stephen; Shumilova, Elena (eds.), *Roman Jakobson: Texts, Documents, Studies*. Moscow: Russian State University for Humanities, 219–253.
- Kull, Kalevi; Lindström, Kati; Lotman, Mihhail; Maran, Timo; Salupere, Silvi; Torop, Peeter 2011. Editors' comment. *Sign Systems Studies* 39(2/4): 9–11.
- Kull, Kalevi; Salupere, Silvi; Torop, Peeter; Lotman, Mihhail 2011. The institution of semiotics in Estonia. *Sign Systems Studies* 39(2/4): 314–342.
- Lotman, Juri 1970 = Лотман, Ю. М. 1970. Предложения по программе IV Летней школы по вторичным моделирующим системам. In: Тезисы докладов IV Летней школы по вторичным моделирующим системам, 17–24 авг. 1970 г. Тарту: Тартуский государственный университет, 3–7.
- Lotman, Juri 1994a. Тезисы к семиотике русской культуры. In: Кошелев, А. Д. (ed.), Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. Москва: Гнозис, 407–416.
- Lotman, Yury 1994b. Theses towards a semiotics of Russian culture. *Elementa* 1(3): 219–227.
- Lotman, Juri M.; Uspenskij, Boris A. 1970. = Лотман, Ю. М.; Успенский, Б. А. 1970. Семиотика культуры. In: Информационные процессы, эвристическое программирование, проблемы нейрокибернетики, моделирование автоматами, распознавание образов, проблемы семиотики (Материалы V Всесоюзного симпозиума по кибернетике, Тбилиси, 25–29 окт. 1970 г.). Тбилиси, 307–308.
- Lotman, Juri M.; Uspenskij, Boris A. 1971. = Лотман, Ю. М.; Успенский, Б. А. 1971. О семиотическом механизме культуры. *Sign Systems Studies* (Труды по знаковым системам) 5: 144–166.
- Portis Winner, Irene; Winner, Thomas G. 1976. The semiotics of cultural texts. *Semiotica* 18(2): 101–156.
- Rudy, Stephen 1999. Roman Jakobson: A chronology. In: Baran, Henryk; Gindin, Sergej; Grinzer, Nikolai; Nikolaeva, Tat'jana; Rudy, Stephen; Shumilova, Elena (eds.), *Roman Jakobson: Texts, Documents, Studies*. Moscow: Russian State University for Humanities, 83–103.
- Salupere, Silvi 2012. Tartu Summer Schools of Semiotics at the time of Juri Lotman. *Chinese Semiotic Studies* 6: 303–311.
- Torop, Peeter 1999. Cultural semiotics and culture. *Sign Systems Studies* 27: 9–23.
- Velmezova, Ekaterina; Kull, Kalevi 2011. Interview with Vyacheslav V. Ivanov about semiotics, the languages of the brain and history of ideas. *Sign Systems Studies* 39(2/4): 290–313.

II Bibliography of the publications of the *Theses on the semiotic study of cultures*

In Russian:

- Иванов, В. В.; Лотман, Ю. М.; Пятигорский, А. М.; Топоров, В. Н.; Успенский, Б. А. 1973. Тезисы к семиотическому изучению культур (в применении к славянским текстам). In: Maýenowa, Maria Renata (ed.), *Semiotyka i struktura tekstu. Studia poświęcone VII Międzynarodowemu kongresowi slawistów: Warszawa 1973*. Wrocław: Ossolineum, Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 9–32.
- Иванов, В. В.; Лотман, Ю. М.; Пятигорский, А. М.; Топоров, В. Н.; Успенский, Б. А. 1998. Тезисы к семиотическому изучению культур (в применении к славянским текстам). In: Pärli, Ülle (ed.), *Theses on the Semiotic Study of Cultures*. (Tartu Semiotics Library, 1.) Tartu: Tartu University Press, 9–32.
- Лотман, Ю. М.; Иванов, Вяч. Вс.; Пятигорский, А. М.; Топоров, В. П.; Успенский, Б. А. 2010. Тезисы к семиотическому изучению культур (в применении к славянским текстам). In: Лотман, Ю. М., *Семиосфера*. (Лотман, М. Ю., ed.) Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 504–525.

In English:

- Uspenskij, B. A.; Ivanov, V. V.; Toporov, V. N.; Pjatigorskij, A. M.; Lotman, Ju. M. 1973. Theses on the semiotic study of cultures (as applied to Slavic texts). In: Eng, Jan van der; Grygar, Mojmir (eds.), *Structure of Texts and Semiotics of Culture*. The Hague, Paris: Mouton, 1–28.
- Lotman, Jurij M.; Uspenskij, B. A.; Ivanov, V. V.; Toporov, V. N.; Pjatigorskij, A. M. 1975. Theses on the semiotic study of cultures (as applied to Slavic texts). In: Sebeok, Thomas A. (ed.), *The Tell-Tale Sign: A Survey of Semiotics*. Lisse (Netherlands): The Peter de Ridder Press, 57–84.
- Lotman, Ju. M.; Uspenskij, B. A.; Ivanov, V. V.; Toporov, V. N.; Pjatigorskij, A. M. 1975. *Theses on the Semiotic Study of Cultures (as Applied to Slavic Texts)*. Lisse (Netherlands): The Peter de Ridder Press, 29 p.
- Uspenskij, B. A.; Ivanov, V. V.; Toporov, V. N.; Pjatigorskij, A. M.; Lotman, Ju. M. 1998. Theses on the semiotic study of cultures (as applied to the Slavic texts). In: Pärli, Ülle (ed.), *Theses on the Semiotic Study of Cultures*. (Tartu Semiotics Library, 1.) Tartu: Tartu University Press, 33–60.
- Uspenskij, B. A.; Ivanov, V. V.; Toporov, V. N.; Pjatigorskij, A. M.; Lotman, Ju. M. 2003. Theses on the semiotic study of cultures (as applied to Slavic texts). In: Gottdiener, Mark; Boklund-Lagopoulou, Karin; Lagopoulos, Alexandros Ph. (eds.), *Semiotics*, vol. 1. London: SAGE Publications, 293–316.

In Estonian:

- Ivanov, V. V.; Lotman, J. M.; Pjatigorskij, A. M.; Toporov, V. N.; Uspenskij, B. A. 1998. Kultuurisemiootika teesid (slaavi tekstidest lähtuvalt). (Salupere, Silvi, trans.) In: Pärli, Ülle (ed.), *Theses on the Semiotic Study of Cultures*. (Tartu Semiotics Library, 1.) Tartu: Tartu University Press, 61–88.

In French:

- Ivanov, V. V.; Lotman, I. M.; Ouspenski, B. A.; Piatigorski, A. M.; Toporov, V. N. 1974. Thèses pour l'étude sémiotique des cultures: (En application aux textes slaves).

Sémiotique. (Recherches internationales à la lumière du marxisme, 81–84.) Paris, 125–156.

In German:

Lotman, Ju.; Uspenskij, B.; Ivanov, V. V.; Toporov, V.; Pjatigorskij, A. 1986. Thesen zur semiotischen Erforschung der Kultur (In Anwendung auf slawische Texte). In: Eimermacher, Karl (ed.), *Semiotica Sovietica 1. Sowjetische Arbeiten der Moskauer und Tartuer Schule zu sekundären modellbildenden Zeichensystemen (1962–1973)*. (Aachener Studien zur Semiotik und Kommunikationsforschung, 5.1.) Aachen, 85–115.

In Italian:

Ivanov, V. V.; Lotman, Ju. M.; Pjatigorskij, A. M.; Toporov, V. N.; Uspenskij, B. A. 1979. Tesi per un'analisi semiotica delle culture (in applicazione ai testi slavi). In: Prevignano, Carlo (ed.), *La semiotica nei Paesi slavi: Programmi, problemi, analisi*. (Critica e filologia, 12.) Milano: Feltrinelli, 194–220.

Ivanov, Vyacheslav Vsevolodovich; Lotman, Jurij M.; Pjatigorskij, Aleksandr Moiseevic; Toporov, Vladimir Nikolaevič; Uspenskij, Boris A. 1980. *Tesi sullo studio semiotico della cultura*. (Forme del discorso, 18.) (Grande, Maurizio, ed.; Summa, Antonella, trans.) Parma: Pratiche Editrice.

Ivanov, Vjačeslav V.; Lotman, Jurij M.; Piatigorskij, Aleksandr M.; Toporov, Vladimir N.; Uspenskij, Boris A. 2006. Tesi per un'analisi semiotica delle culture. In: Lotman, Jurij Michajlovič, *Tesi per una semiotica delle culture*. (Sedda, Franciscu, ed.) (Segnature, 34.) Roma: Meltemi, 107–147.

In Portuguese:

Ivánov, V. V.; Lótman, I. M.; Piatigórski, A. M.; Topórov, V. N.; Uspiênski, B. A. 2003. Teses para uma análise semiótica da cultura (uma aplicação aos textos eslavos). In: Machado, Irene, *Escola de semiótica. A experiência de Tártu-Moscou para o estudo da cultura*. São Paulo: Ateliê Editorial, 99–132.

In Spanish:

Ivanov, V. V.; Lotman, I. M.; Piatigorski, A. M.; Toporov, V. N.; Uspenski, B. A. 2006. Tesis para el estudio semiótico de las culturas (aplicadas a los textos eslavos). (Kaldjäv, Klaarika, trans.) *Entretextos* 7: 54–86.⁷

III The publications of the *Postscriptum to Theses*

Lotman, Jurij M.; Uspenskij, Boris A. 1979. Postscriptum alle tesi collettive sulla semiotica della cultura. (Rigotti, Eddo, trans.) In: Prevignano, Carlo (ed.), *La semiotica nei Paesi slavi: Programmi, problemi, analisi*. (Critica e filologia, 12.) Milano: Feltrinelli, 221–224.

Lótman, Iúri M.; Uspiênski, Bóris A., 2003. Postscriptum às Teses Coletivas sobre a Semiótica da Cultura. In: Machado, Irene, *Escola de semiótica. A experiência de Tártu-Moscou para o estudo da cultura*. São Paulo: Ateliê Editorial, 133–137.

⁷ See <http://www.ugr.es/~mcaceres/entretextos/pdf/entre7/entretextos7.pdf>.

- Lotman, Jurij M.; Uspenskij, Boris A. 2006. Eterogeneità e omogeneità delle culture. Postscriptum alle tesi collettive. In: Lotman, Jurij Michajlovič, *Tesi per una semiotica delle culture*. (Sedda, Franciscu, ed.) (Segnature, 34.) Roma: Meltemi, 149–153.
- Lotman, Iuri M.; Uspenski, Boris A. 2007. Heterogeneidad y homogeneidad de las culturas: Post-scriptum a las tesis colectivas. (Lampis, Mirko, trans. from Italian.) *Entretextos* 9: 26–29.⁸

⁸ See <http://www.ugr.es/~mcaceres/entretextos/pdf/entre9/entretextos9.pdf>.

Table of Contents

Introduction. On the beginnings of the semiotics of culture in the light of the Theses of the Tartu–Moscow School. <i>Silvi Salupere, Peeter Torop</i>	13
I Proposals, 1970	39
Proposals for the programme of the 4th Summer school on secondary modelling systems. <i>Juri Lotman</i>	41
Предложения по программе IV Летней школы по вторичным моделирующим системам. <i>Юрий М. Лотман</i>	44
Ettepanekud IV Sekundaarsete modelleerivate süsteemide suvekooli programmi kohta. <i>Juri Lotman</i>	47
II Theses, 1973	51
Theses on the semiotic study of cultures (as applied to Slavic texts). <i>Juri M. Lotman, Vjacheslav V. Ivanov, Aleksandr M. Pjatigorskij, Vladimir N. Toporov, Boris A. Uspenskij</i>	53
Тезисы к семиотическому изучению культур (в применении к славянским текстам). <i>Юрий М. Лотман, Вячеслав Вс. Иванов, Александр М. Пятигорский, Владимир Н. Топоров, Борис А. Успенский</i>	78
Kultuurisemiootika teesid (slaavi tekstidest lähtuvalt). <i>Juri Lotman, Vjatseslav Ivanov, Aleksander Pjatigorski, Vladimir Toporov, Boriss Uspenski</i>	105

III Postscriptum to Theses, 1979	127
Heterogeneity and homogeneity of cultures: Postscriptum to the collective theses. <i>Juri Lotman, Boris Uspenskij</i>	129
Index	133

Introduction

On the beginnings of the semiotics of culture in the light of the Theses of the Tartu–Moscow School

SILVI SALUPERE, PEETER TOROP

A systematic history of semiotics of culture is yet to be written, which is why broaching the subject makes it necessary to delineate its historical development.

The publication of the *Theses on the semiotic study of cultures* (Ivanov *et al.* 1973; Uspenskij *et al.* 1973) marked both the emergence of the Tartu–Moscow School (TMS) on the international scene and the birth of semiotics of culture as a discipline. International handbooks use alternately three terms: the Moscow–Tartu, the Tartu–Moscow, and the Tartu School. The first one is correct chronologically: the first conference in semiotics in the Soviet Union took place in Moscow in 1962, to be followed by a Summer School near Tartu in 1964. The second term is correct from an organizational point of view: the School, forming a kind of invisible college, was led by Professor Juri Lotman of the University of Tartu, and the department of Russian literature at the same university became central to the School.¹

The *Theses* collectively published by the School laid the foundation for semiotics of culture as a separate discipline, the primary aim of which was “[...] the study of the functional correlation of different sign systems. From this point of view particular importance is attached to questions of the hierarchical structure of the languages of culture [...]” (*Theses*, 1.0.0). Each culture is characterized by a unique relationship between sign systems, and therefore in discussing any culture it is important to understand its historical evolution. J. Lotman said in his memoirs: “I personally cannot draw a clear line at where an historical description ends and semiotics begins” (Lotman 1994: 296). It is characteristic that the subtitle of the *Theses* reads “as applied to Slavic texts”. The titles of the collections of articles of TMS in English followed the same principle: “The Semiotics of Russian Culture” (Lotman, Uspenskij 1984) and “The Semiotics of Russian Cultural History” (Nakhimovsky, Nakhimovsky 1985).

¹ See more in Torop 2014; Salupere 2012.

Several texts helped prepare the development of semiotics of culture, an overview of which is presented in the current article. Below, we will also examine the possible relationship between the development of semiotics of culture and the processes taking place in other disciplines in the study of culture.

BEFORE

It is difficult to give a comprehensive description of the environment in which the semiotics of culture was born. It grew out of a certain atmosphere, and was shaped by Russian Formalism with its critical reception of Saussure by J. Tynyanov and R. Jakobson, the theses of the Prague linguistic circle, L. Hjelmslev's glossematics, N. Chomsky and generative linguistics, Malinowski's scientific theory of culture, C. Lévi-Strauss' structural anthropology, N. Wiener's cybernetics, and numerous other authors and theories. Their aspirations can be summed up as a desire to understand language and culture in as systematic fashion as possible, and fuse together quantitative and qualitative methods in this understanding. The first characteristic feature of semiotics of culture is that in this atmosphere, it attempted to be innovative on both the object level and the metalevel, offer new ways of defining the cultural object of study, and new languages of description (not just one universal language) for carrying out cultural analysis. As a result of all this, the emergence of semiotics of culture also meant the introduction of a new methodology.

Surroundings of cultural semiotics

The study of a unique culture creates the need for new methods of research, and thus the study of any new culture enriches also scholarship as such. The Tartu–Moscow School does not represent a unified system of knowledge in the semiotics of culture. Nevertheless, Juri Lotman was searching for a disciplinary synthesis – a fact that was first noticed by Karl Eimermacher who used the term “integrative culturology” in his articles on Lotman both in German and in Russian (Eimermacher 1974; 2001²). Integrative is an appropriate word, taking into account Lotman's special position in the typological studies of culture. The term ‘integrative’ proposed by Eimermacher is accurate in the case of the Tartu–Moscow School in at least two respects. On one hand, the members of the school were active in different fields from Slavistics to Oriental Studies, and their methodological explorations reflected the explorations of contemporary human and social sciences. These include, first and foremost, R. Barthes' meditations on language and his vision of semiology as a part of linguistics, and the attempt by C. Lévi-Strauss to

² One may notice that in the Russian translation the title is more restrictive, referring mainly on Lotman.

integrate different disciplines on the axis of cultural or social anthropology. An important place in the integrative nature of the Tartu–Moscow School belonged to R. Jakobson's concept of an integrative science of communication in which semiotics as the discipline studying the communication of all messages would include linguistics as the study of only linguistic messages, while also being related to social anthropology and economics as research into social communication. At the same time, Soviet culture was a culture of disruption; a culture whose the development had been interrupted. The emergence of the Tartu–Moscow School was accompanied by the gradual publication of landmark works by J. Tynyanov, M. Bakhtin and others, written in the first third of the 20th century, but kept concealed for a long time. A section for archival publications was introduced into *Sign Systems Studies* (*Труды по знаковым системам*, SSS), the journal of TMS, in which many manuscripts were published that had either been forgotten, or had been discovered in archives. It could be said that integrating the heritage of the Russian Formalists, Bakhtin and others in the new conceptions of cultural semiotics, and thus restoring continuity to the development of research, was one of the principles of the TMS.

B. Žylko as a very competent historian of the TMS accentuates the same aspect:

In this process of creating a new descriptive language, there had been of course both Russian and foreign predecessors. The most important sources were structural linguistics (Roman Jakobson, Nikolai Trubetzkoy), the Russian formalist school (Jurij Tynyanov), the works of the Bakhtin circle, folklore studies (Vladimir Propp, Peter Bogatyrev), psychology (Lev Vygotsky), and film technique (Eisenstein). (Žylko 2001: 392)

T. Winner included also the Prague tradition:

Mukařovský's view of complexly interrelated structures forming higher systems, which he calls a "system of system", significantly anticipates the contemporary position that culture may be understood as a complex semiotic system of information, which is advanced by the Tartu–Moscow scholars and others. (Winner 1979: 78)

He saw also influence of Prague school for other traditions in this field:

The fertile ideas which originated in Prague in the thirties laid the foundation for modern semiotics, shaping the Tartu–Moscow school of semiotics, the Polish and Czech schools, and much of the semiotics of Western Europe [...]. (Winner 1979: 78)

Orientation to their own traditions is also the reason for the differences in the way history is conceptualised by Soviet and Western semioticians. R. Posner's lengthy treatment of semiotics of culture proves a good example. He considers E. Cassirer as a direct precursor to cultural semiotics as Cassirer's classification of symbolic forms is similar to the classification of sign systems:

Cultural semiotics is that subdiscipline of semiotics which has culture as its subject. According to Cassirer, it has two tasks:

- a) The study of sign systems in a culture (in the sense of Herder or Tylor) with respect to what they contribute to the culture,
- b) The study of cultures as sign systems with respect to the advantages and disadvantages which an individual experiences in belonging to a specific culture. (Posner 2005: 308)

The works of the TMS were quite well known in Germany; numerous works on semiotics of culture were published there, while a separate conception called evolutionary cultural semiotics was developed by W. A. Koch who also founded a new series titled *Bochum Publications in Evolutionary Cultural Semiotics*. Koch saw culture as

a phenomenon whose true integrative potentialities have not yet been fully discovered or explored. For a semiotics thus conceived, structure and process are not different phases of reality and/or sciences but rather mere faces of a unitary field. In the view of this series, then, any fruitful attempt at semiotic analysis will be based on premises of macro-integration – or evolution – and of micro-integration – culture. (Koch 1989: v)

For evolutionary cultural semiotics evolution means the dynamics of cultural environment as semiosis that evolves from verbal and pictorial media, to start with, towards printed media and then telemedia. Today this process is continuing in the environment of new media. It is a movement from immediate communication towards the diversification of forms of mediated communication and the understanding of communication forms, with the cultural value of technological evolution becoming a part of both history of science and that of culture.

Since the semiotics of culture of the TMS is largely the semiotics of the history of culture, the role of C. Lévi-Strauss as a scholar who fused together anthropology and history (cf. Torop 2006) should be highlighted among its predecessors. These disciplines study the same object, although from different points of view:

They share the same subject, which is social life; the same goal, which is a better understanding of man; and, in fact, the same method, in which only the proportion of research techniques varies. They differ, principally, in their choice of complementary perspectives: history organizes its data in relation to conscious

expressions of social life, while anthropology proceeds by examining its unconscious foundations. (Lévi-Strauss 1968: 18)

If the difference between anthropology and history derives from their different approaches to time, then ethnography, ethnology and anthropology are united in their approach to time by the category of time itself and do not constitute separate disciplines: “They are in fact three stages, or three moments of time, in the same line of investigation, and preference for one or another of these only means that attention is concentrated on one type of research, which can never exclude the other two” (Lévi-Strauss 1968: 356).

Lévi-Strauss considers anthropology to be the central member of this complex, as it is what enables creating interdisciplinary links to other disciplines. Its central position becomes clear from the Figure 1.

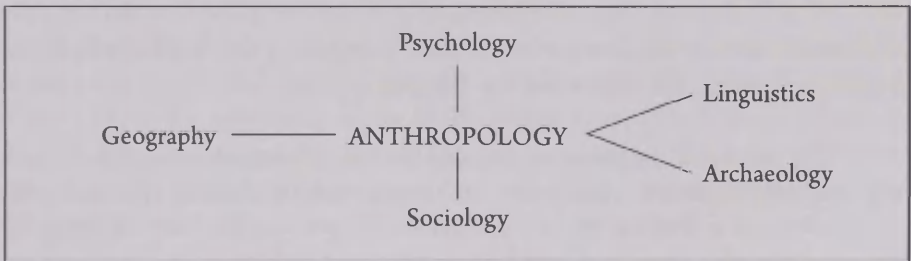

Figure 1. Location of anthropology in interdisciplinary field according to Lévi-Strauss (1968: 359).

As Lévi-Strauss mentions, “In the above diagram, the horizontals mainly represent the view of cultural anthropology, the verticals that of social anthropology, and the obliques both” (Lévi-Strauss 1968: 359). These basically form two interdisciplinary strategies in the field of anthropology. Although the five terms surrounding anthropology constitute a unified field in the diagram, the differences are not so much disciplinary, but those of perspective. Lévi-Strauss characterised the special status of anthropology in terms of three qualities: objectivity, totality and meaningfulness. This special status is based on the potential of being systematic from the perspectives of both cultural (geography-anthropology-linguistics-archaeology) and social anthropology (sociology-anthropology-psychology). This allows anthropology to study both visible and invisible things, to make the hidden structure visible. And this brings it, once again, close to semiotics: “Anthropology aims to be a semeiological science, and takes as a guiding principle that of ‘meaning’” (Lévi-Strauss 1968: 364).

The capability of semiotics of facilitating the creation of more flexible languages of description and more clearly articulating methodological principles

is tied to the desire implicit in all disciplines studying culture to participate in the creation of an integrative science of culture (cf. Nünning, Nünning 2003). If semiotic anthropology and semiotic archaeology are examples of the potential methodological value of semiotics, then B. Malinowski's attempts to formulate a scientific theory of culture (Malinowski 1969 [1941]) are very similar to related attempts made in semiotics. Here, a kind of synergy between semiotics and anthropology can be observed. Malinowski saw their careless attitude towards being scientific as the main weakness of humanities. Delineating the object and defining the position of the researcher are the two pillars of being scientific. Both of these, too, presume the existence of theory:

To observe means to select, to classify, to isolate on the basis of theory. To construct a theory is to sum up the relevancy of past observation and to anticipate empirical confirmation or rebuttal of theoretical problems posed. (Malinowski 1969: 12)

Malinowski stresses that science begins from recognizing the object studied, and a dialogue between the object and the discipline:

Our minimum definition implies that the first task of each science is to recognize its legitimate subject matter. It has to proceed to methods of true identification, or isolation of the relevant factors of its process. (Malinowski 1969: 14)

If Malinowski's scientific theory of culture could be called generally scientific, related to all disciplines, then C. Geertz' *Interpretation of Cultures*, published the same year as the *Theses*, is a kind of a parallel to semiotics of culture in its project of remodelling anthropology. Geertz considers the main problem of anthropology to be its static nature, its focus on ethnography. His goal is the introduction of thick description which means a functional approach to the object and an event-based approach to culture. Methodologically speaking, it stands for a shift from statics to dynamics, and a dynamic object presumes a textual boundary – culture must be seen as a text, which becomes an acted document in the process of analysis, not universal structure (Geertz 1973: 9–10).

Semiotics of culture and the TMS

Disciplinary logic demands that culture be declared the research object of semiotics of culture. In his memoirs, A. Pjatigorskij, one of the founders of the Tartu–Moscow School, discusses the reasons why the TMS became to study culture: “Universal method needs a universal object and unavoidably that will be culture” (Pjatigorskij 1994: 326). Pjatigorskij believed the primary cause was Russian culture:

We thought we wrote about culture from an outside point of view, but it led us from inside. [...] Thereafter the method was ontologized that has led to object naturalization (not only “how I understand culture” but how one culture understands other cultures and itself). (Pjatigorskij 1994: 326–327).

Pjatigorskij emphasised that the definition of culture cannot be separated from the observer, since culture is a metaconcept, i.e. a concept of description and self-description (Pjatigorskij 1994: 326), and understanding the observer is as important as understanding the observed, since “the language of world description cannot exist simply because there is no single natural language that can be used to describe the world as a single object of study” (Pjatigorskij 2002: 9). Let us note that while for Pjatigorskij such naturalisation was methodologically erroneous, since as the researcher is located inside the culture, it is difficult for him or her to take a meta-position and remain objective, Boris Uspenskij, another author of the *Theses*, considers such unity of the object and the researcher to be a positive trait. In a talk given in 1981, Uspenskij describes the path travelled over 20 years, starting from the extrapolation of linguistic methods to non-linguistic objects and finally reaching the semiotics of culture. He subscribes the success of the TMS to the application of the dualist model typologically characteristic of Russian culture in the genesis of the TMS, which united two different traditions: the Moscow tradition of linguistics and the Leningrad tradition of literary studies (Uspenskij 1994: 268).

The process of culture becoming a central object of study, but also the emergence of semiotics of culture, can clearly be followed in collections of articles published by the TMS (this includes both *Труды по знаковым системам* (*Sign Systems Studies*) and the collections of abstracts or theses of the Summer Schools, which are closely related to one another, as the theses generally tended to evolve into papers published in SSS).

The first work published in the *Sign Systems Studies* series was J. Lotman's “Lectures on structural poetics” (Lotman 1964), the editorial preface to which states that traditional studies in the humanities must be brought closer to contemporary advances in other fields. It was emphasised that the appearance of new sciences – cybernetics, information science, semiotics, etc. – has opened up new perspectives and changed the understanding of science in general. The creation of the new series is supposed to unite the efforts of literary scholars, linguists, and mathematicians in solving common problems (Redkollegija 1964: 3–4). In his introduction to the *Lectures*, Lotman notes that hopefully, “the understanding the nature of the artistic text [художественный текст] brings us closer to a time when new research methods will emerge that can comprehend the whole complexity of human cultural history as a dynamic and multifaceted structure”, and that the structural study of language has led to advances in mathematical linguistics, which hopefully can become the basis for a new methodology for humanities

(Lotman 1964: 12). This is where the history of the *Theses on semiotic study of culture* should begin, since the concepts of culture, text, mathematical linguistics, and cybernetics so important to the theses are already present here. As a continuation to this, the *Theses* of 1973 express an explicit desire to specify more clearly the boundaries of the study of culture.

The second volume of SSS is a collection of papers, mostly presented at the first Summer School (August 1964) and published in 1965. The editorial preface reads:

The participants in this volume have focused on the study of relatively simple sign systems, taking these attempts as the *beginning* of a scientific movement that only in subsequent stages can lead to the desired result: creating complex functional models of artistic phenomena. (Redkollegija 1965: 7)

Lotman is listed as the sole author of the preface to the third volume, discussing the “language of culture” which is compared to natural language, the evolution of which takes place in the bounds of certain universal constants. Lotman finds that a similar phenomenon can be traced in the history of culture on Earth. Lotman stresses that

No matter how unusual we might find the idea that the concept of human culture itself presupposes the existence of certain initial freedoms and restrictions [just as in language – S.S., P.T.], it is supported by a simple argument. A system not organised in such a fashion *is not* a language, i.e. it cannot be used for storing and transferring information. Culture, however, is a communicative system by definition. (Lotman 1967a: 6)

It can be stated that the problem of culture as a unified object of study is already implicitly present here, as is the identification of culture with information.

The third volume, however, includes Lotman's article “Of the problem of typology of culture”, which is directly related to both the *Proposals* (Lotman 1970a) as well as the *Theses* that followed them. Lotman states that for a researcher of cultural typologies, culture is important as a historically established hierarchy of codes (cf. *Theses* 1.0.0. and *Proposals* 2, “hierarchical structure of the languages of culture”). The task of typology of culture is to describe the basic types of cultural codes, defining the universals of human culture, and creating a unified system of the universal characteristics of the general structure of “the culture of humanity” (Lotman 1967b: 31).

As we can see, the conception of culture as a unified object is present here. Culture is understood as information that “allows us to examine both the individual stages of culture and the whole body of historical-cultural facts as an open text and to apply the general methods of semiotics and structural linguistics to

studying it" (Lotman 1967b: 31). The notion of the cultural (*культурного*) text appears, as does the question "what is the reason for the cultural code suddenly becoming more complex upon the shift from primary modelling systems (natural language) to secondary ones?" (*ibid.*, 32). The same question is discussed in the *Theses* (cf. 6.1.3, 6.1.5.). What is also significant is the end of the article where Lotman presents the hypothesis that "the emergence of semiotics is not just the result of a certain direction in research but also the expression of the structural characteristics of the cultural code of our era" (*ibid.*, 38). This hypothesis is paralleled by the final, concluding paragraph of the *Theses* (cf. 9.1.0).

In 1968, between the two volumes, the theses of the Summer School were published, containing two important articles: "Text and function" (co-authored by A. Pjatigorskij) and "Semantics of the number and type of culture"³, both of which were also published in Lotman's 1970 book *Articles on the Typology of Culture* (Lotman 1970b). This book, as well as a lengthy article "On the metalanguage of typological description of culture" (Lotman 1968), play a crucial role in the creation of Lotman's typologies of culture, and these ideas are clearly visible in the *Theses*.

The fourth volume is dedicated to Jurij Tynyanov, with the preface to the volume stressing the importance of Tynyanov's works, which, in the opinion of the editors, "is directly related to the structural-semiotic analysis of cultural and literary texts" (Redkollegija 1969: 5). There are several concepts that are related to semiotics of culture and that have gained new relevance against the background of culture's developmental dynamics, related to one of the leading figures of Russian Formalism, Jurij Tynyanov. In his article "Literary fact" from 1924 he wrote: "Literary fact is heterogeneous, and in this sense literature is an incessantly evolving order" (Tynyanov 1977: 270). Understanding of literary order or system is very close to the notion of function:

A literary system is first of all a *system of the functions of the literary order which are in continual interrelationship with other orders*. [...] The evolution of the structural function occurs rapidly; the evolution of the literary function occurs over epochs; and the evolution of the functions of a whole literary system in relation to neighbouring systems occurs over centuries. (Tynyanov 1977: 277)

Literary order is just one functional order together with the order of everyday life, the order of culture, the social order. The study of literary evolution presupposes the investigation of connections first of all between the closest neighbouring orders or systems, and a logical path leads from the structural to the literary function, from the literary to the verbal function. This follows from the position that "evolution is the change in interrelationships between the elements of a system –

³ See the English translations in Lotman, Pjatigorskij 1977 and Lotman 1977.

between functions and formal elements” (Tynyanov 1977: 281). As predecessors to semiotics of culture, Tynyanov’s works are also where the idea of conceiving cultural artefacts through the dynamics of boundaries is derived from. A text can be delineated in different ways as a text in a certain language, as a representative of a certain literary genre, as an expression of a literary-historical style, as a social message, as an artistic text – in other words, conceptualised and correlated with the cultural environment to different extents. A complex understanding presumes a parametric approach, and different sides of parametric analysis are reflected in the *Theses* which state that culture is both a text and a system of texts.

In the fourth volume, the onset of new concepts and terms can be seen heralded in the expression, “*генерационные процессы*”. In the *Theses, порождающие* (generative, cf. 4.0.1, 6.0.0, 7.0.0, 9.1.0) is used in the same sense. Interestingly, Chomsky’s notion of generative grammar has been translated into Russian as *порождающая грамматика* at the beginning of the 1960s, and it is not entirely clear why the term is used here.

In 1970, the “*Proposals for the programme of the 4th Summer school on secondary modelling systems*”, also included in the present volume, were published (Lotman 1970a). The problem of the unity of culture is proposed as the topic of the Summer School. In the *Theses*, the problem of unity is not discussed as a separate topic (it is taken as a given), but in other respects the first paragraph of the *Theses* (1.0.0)⁴ is almost identical to the first clause in the *Proposals*. There are two differences, the first of which is a purely cosmetic one: if the first sentence of the *Proposals* reads: “The initial premise is that all human activity concerned with the processing, exchange, and storage of information with the help of signs possesses a certain unity”, then “with the help of signs” has been omitted in the *Theses*, since there was no longer any need to stress that in 1973. The second one, however, is significant: in the second sentence, which in the *Proposals* reads: “Individual sign systems, though they can be considered to be immanently organized structures, function only in unity, supported by one another”, “can be considered” (*представляют*) has been replaced with “presuppose” (*предполагают*). Why was this necessary and what did it change? We propose that this modification was caused by the necessity to make a clearer distinction between a process initiated by a structure-generating mechanism and the result of this process – individual sign systems. The *Proposals* present a comprehensive programme for the study of culture and the majority of the proposals are reflected in the *Theses*.

In the fifth volume, deriving from 1971, a section for semiotics of culture appears for the first time, containing two extremely important papers – “The problem of the ‘teaching/learning of culture’ as its typological characterization” by

⁴ In the English translation, the word “culturally” was added to the third sentence of the paragraph (1.0.0): “None of the sign systems possesses a mechanism which would enable it to function culturally in isolation”. In this revised edition, we removed this alteration, as it is unnecessary and diminishes Lotman’s concept.

Lotman, and “On the semiotic mechanism of culture” written in collaboration with Uspenskij.

It contains a number of ideas later highlighted in the *Theses*: the mechanism of culture, the role of memory, the distinction between culture and non-culture, the question of the evolution of culture, typologies of culture. It also displays a clear distinction between *mechanism* and *ycmpoÿcmbo* discussed in more detail below.

After the publication of the *Theses*, semiotics of culture becomes a central subject of SSS (also reflected in the titles). The section of semiotics of culture also exists in the sixth volume (1973); the seventh volume (1975) includes a subsection on the typology of culture, with semiotics of culture making a return in the eighth volume (1978). Starting with the ninth volume (1978), thematic volumes appear, including volumes 10 (1979) and 13 (1981), both with the subtitle *Semiotics of culture*, with volume 15 (1982) called *Typology of culture*, volume 16 (1980) – *Text and culture* and volume 20 (1983), *Current problems in semiotics of culture*.

If we try to summarize Lotman’s works (for he played the most important role in the formulation of the *Theses*, as well as in the further development of the new discipline) from the second half of the 1960s to the early 1970s (before 1973) we get the following picture. According to Lotman, a typology of culture should be based on the universals of culture. The most universal feature of human cultures is the need for self-description. Every culture has its own specific means for it, its languages of description. Languages of description facilitate cultural communication, perpetuate cultural experience, and model cultural memory. The coherence of culture is based on the repetition and interpretation of the same things. The more languages of description a culture has, the richer it is.

Consequently, every culture can be described as a hierarchy of object languages and descriptive languages. There are certain languages of culture that can serve the function of both object language and metalanguage from the point of view of everyday cultural experience.

The similarity between the notions of (cultural) language and sign system in the semiotics of culture makes it possible for us to distinguish between two typological approaches. The first distinction is based on the juxtaposition of primary and secondary modelling systems:

I. Language as primary modelling system

II. Secondary modelling systems:

1. Language as higher sign system (myth, literature, poetry);
2. Language as metalanguage or part of metalanguage (criticism and history of art, music, dance etc.) ;
3. Language as model or analogue (language of film, dance, music, painting, etc.).

Based on this classification, language as a primary modelling system is the human being's main means of thinking and communicating. As a secondary modelling system, language is the preserver of the culture's collective experience and the reflector of its creativity. As a metalanguage, natural language is the translator and interpreter of all nonverbal systems, and from the methodological perspective, especially during the 1960s and 1970s, language offered cultural analysis the possibility of searching for discrete (linguistic) elements also in such fields of culture in which natural language either does not belong to the means of expression, or does it only partially.

The second distinction is based on the possibility of differentiating between the statics and dynamics of cultural languages:

I. Statics:

1. Continual (iconic-spatial, non-verbal) languages
2. Discrete languages (verbal languages)

II. Dynamics:

1. Specialisation of cultural languages
2. Integration of cultural languages:
 - a) Self-descriptions and meta-descriptions
 - b) Creolisation

While the level of statics is based on the distinction between verbal and nonverbal languages, the level of dynamics is related to different paces of development of the different parts of culture. This means that in any given period in culture there are certain fields where there is balance between creation and interpretation (criticism, theory, history) and it is possible to speak about specialisation and the identity of the field.

The *Theses* are characterised by their use of "sign system" and "cultural language" as synonyms. Right in the beginning, in clause 1.0.0, a seamless transition is made from sign systems to cultural languages, with an implicit functional classification of cultural languages to object languages and metalanguages. The static analysis of cultural languages, the distinction between discrete and continuous systems, is clearly reflected in the *Theses*. The specialisation and dynamics of cultural languages are also implicitly present, for instance, in the discussion of private letters as a part of everyday cultural language and, through observing sentimental novels in letters, also of sentimentalism as a cultural language.

Next, we will provide a short description of the structure of the *Theses*.

THE THESES

In their outstanding analysis, Irene Portis Winner and Thomas Winner characterise the *Thesis* as "widely encompassing, penetrating and cryptic" (Portis Winner,

Winner 1976: 104). We can but agree with such characterisation. Their cryptic nature, however, is partly caused by the translation, with many things having either gone missing or been mixed up translation, which does not help improve clarity. The Winners have referred to some of the translation errors in their text, and these corrections have been taken into account in the present revised edition of the *Theses*.

In their review, Irene and Thomas Winner focus on three central problems:

1. a preliminary delimitation of the domain of the “semiotics of culture”;
2. a consideration of the concept of ‘text’; and its bearing upon some theoretical controversies in the West relating to statics and dynamics as they are held to apply to the abstract and the concrete aspects of cultural systems;
3. a discussion of the concept of culture, understood as operating on three levels. (Portis Winner, Winner 1976: 104)

The longest and most thorough section of the Winners’ text is dedicated to the part central to the *Theses* both due to its extent and its contents (starting from thesis 3.0.0, until the end). The Winners limit the part focusing on the concept of the text to three theses – from the 3rd to the 5th – and start the section on the definition of culture from the thesis 6.0.0, which is not entirely incorrect, but first, the definition of culture had already been discussed earlier in the *Theses* and, second, these definitions of culture are closely interrelated with the concept of text.

We will not repeat here what the Winners have already said but focus instead on the questions discussed only briefly or not at all in their article. We will also highlight some misinterpretations/mistranslations of the *Theses*.

The text consists of nine theses divided into and elucidated in subsections.

First, a definition of semiotics of culture is given, which in turn leads to refinements in the concept of culture. The concept of culture as a unity consisting of numerous sign systems is implicitly present already in clause 1.0.0. These sign systems only exist in relations with one another and having effects on one another. Thus, signs systems are an ontological characteristic of culture, which leads to epistemological complementarity. Through sign systems, culture can be studied using a multidisciplinary approach, employing a series of relatively autonomous fields of research in the semiotic cycle. But what is even more important is the definition of semiotics of culture as the study of the functional correlation of different sign systems based on the methodology of the new discipline. In the light of the distinctions between culture and non-culture, culture–nature, culture–civilisation (chaos), ordered–non-ordered, organised–non-organised, external to culture–internal to culture, the concept of the mechanism of culture is introduced: “The mechanism of culture is a system which transforms the outer sphere into the inner one: disorganization into organization [...]” (1.2.0). In the second thesis, a generalised definition of culture is given: “Thus culture is constructed as

a hierarchy of semiotic systems, on the one hand, and a multilayered arrangement of the extracultural sphere surrounding it" (2.0.0).

Remark: mechanism vs *ustrojstvo*

As already stated above, the concept of cultural mechanism is introduced in the first thesis, related to that of the device (*ustrojstvo* – *устройство*). This concept has proven to be quite a hard nut to crack for translators. The English translator of the *Theses* (Uspenskij *et al.* 1973) has tried to interpret it to his best ability himself, translating the term in three different ways in different places, which is in contradiction to the principles of scholarly translation which state that a term should always be translated in the same way. The translator has probably not realised that the distinction between the mechanism and the device is important. As a result, the Russian term *ustrojstvo* has been translated into English twice as “system”: “The mechanism of culture is a system which transforms the outer sphere into the inner one [...]” (1.2.0) and “[...] culture will represent not an immobile, synchronically balanced mechanism, but a dichotomous system [...]” (1.3.1); once as “arrangement”: “Thus culture is constructed as a hierarchy of semiotic systems, on the one hand, and a multilayered arrangement of the extracultural sphere surrounding it” (2.0.0); and seven times (five of them in close proximity to one another in the same paragraph) as “mechanism”: “output mechanism” (3 times) and “means of this mechanism” (twice) (5.2.2), and “certain mechanism which generates these texts” and “certain collective mechanism” (6.0.0).

Comparing these choices here, it is clear that this leads to confusion, since the terms “system” and “mechanism” are already used in the *Theses* and each of them forms an individual semantic field. Mixing them up in this fashion disrupts the logic of the *Theses*, as when we look at where “mechanism” and where “*ustrojstvo*” is used, the difference is rather clear. However, since Lotman’s metalanguage is metaphorical and not exactly a shining example of terminological clarity, drawing this distinction can be difficult. It can be said in advance, really, that not a single translation of Lotman has found a satisfactory solution to this problem (it is not as much the question of finding a correct translation, but one of sticking to the original – a concept should always be translated in the same way).

First, however, we must ask how the term “*ustrojstvo*” has found its way into the metalanguage of Lotman and his co-authors. Without delving too deep into history, it is clear that it originates in the Moscow group, the circles of mathematicians, linguists, and cyberneticians. In a book published in 1965 by two authors of the *Theses*, we find an important definition that can be used as a starting point: “A device [*устройство*] (automaton, human, or animal), interacting with the environment surrounding it, processes the information it receives about the environment and about the device itself” (Ivanov, Toporov 1965: 6). It is clear from this that it is something more concrete, more static, something given, and

our position is that the most logical translation should be “device”,⁵ that has not been used by the translators so far. A mechanism (first and foremost the cultural mechanism being discussed), however, is a working principle as such, something generative, cf.: “The active role of the outer space in the mechanism of culture” (1.3.0); “The tension between them (for example, the conflict between verbal and visual text) constitutes one of the most permanent mechanisms of culture as a whole” (3.2.1); “the collective mechanism for the storage of information (“memory”) ensures the transmission from generation to generation of fixed rigid schemes of texts” (6.0.2); “The text in a natural language and the picture demonstrate the most usual system of two languages constituting the mechanism of culture” (6.1.0); “In the union of different levels and subsystems into a single semiotic whole – “culture” – two mutually opposed mechanisms are at work [...]” (9.0.0), “an attempt to cognize culture and as a fact of its life through which its generating mechanisms take effect” (9.1.0).

Next, we will discuss the choices made by the translator of Lotman’s and Uspenskij’s collaborative article “On the semiotic mechanism of culture” (published in 1971, English translation Lotman, Uspenskij 1978). Here, too, “*ustrojstvo*” has been translated as “mechanism”, which only leads to confusion, since the topic of the article is the mechanism of culture. For example: “[...] culture must have within itself a structural “diecasting mechanism” [*штампующее устройство*]. It is this function that is performed by natural language” (Lotman, Uspenskij 1978: 213).

The distinction is also missing in *Universe of the Mind* (1990): see, for example, the table of contents: “Text as a meaning-generating mechanism” (*смыслопорождающее устройство*) and “Rhetoric as a meaning-generating mechanism” (*механизм смыслопорождения*).

In the late 1970s and 1980s, Lotman published a series of papers discussing the nature of culture, all of which use the term *ustrojstvo*. Their translators have been different, but the problem remains the same. The French translator of “The phenomenon of culture”, for instance, has found an adequate rendition, *dispositif*, but, unfortunately, it is not used exclusively. When Lotman talks about a “thinking device” (*мыслящее устройство*⁶ – one of his favourite expressions), it is translated as “une machine pensante” (Lotman 1992: 24), while on the same page, “организм (устройство)” has been translated as “un organisme (une machine)”, then the characteristics of this “machine” are listed, after which the “machine” turns into a “dispositive” again on the same page, which is extremely confusing, as the same term is used in Russian throughout the text. The problem is that

⁵ Of course, this choice is not without its drawbacks. For instance, it does not reflect an important seme present in the original – organization.

⁶ “Thinking object” by Žylko 2001: 400.

Lotman uses the term in the spirit of cybernetics and theory of information, while the translators have tried to place it in the context of some sort of machinery.

In "Culture as collective intellect and problems of artificial intelligence" in which culture is considered as collective intellect and called an "*ustrojstvo*", it has alternatively been translated as "mechanism" and "apparatus": "Indeed, a thinking mechanism (*мыслящее устройство*) could [...]. An apparatus (*устройство*) which in principle cannot "go out of its mind" cannot be called an intellect. [...] Definition of culture as a mechanism (*механизм*) of collective intelligence" (Lotman 1979: 88).

An even more extensive discussion of this problem is certainly possible, but let us now return to the *Theses*.

The third thesis introduces "the fundamental concept of modern semiotics – text", the basic element of culture. Here, text is a semiotic concept that can be treated as both an integral sign and as a series of signs. In the process of cultural communication, the text and the problem of "sender-receiver" and memory incorporated into the channel of communication between sender and receiver, become important.

The fourth thesis defines culture as "a certain secondary language" and "introduces the concept of a "culture text", a text in this secondary language". Most important here is the question of the relationship between the text in natural language and the verbal text of culture. Typology of culture can be constructed based on the relationship between text and function.

The fifth thesis defined "the place of the text in the textual space as the sum total of potential texts" and "the connection between the semiotic concept of the text and traditional philological problems" is more closely examined based on Slavic texts. This sub-thesis is the most detailed one, discussing the reconstruction, transmission and translation of texts. The Chomskian diagram of recoding linguistic text by levels deserves to be highlighted separately: "The representation of a text in a natural language might be described by proceeding from an idealized diagram of the work of an automatic machine which would transform the text, successively developing it from the general intention to the lower levels [...]" (5.2.2).

The sixth once again gives a definition of culture. The Winners distinguish between three different levels of the definition of culture:

on the culturological level, culture is "a hierarchy of particular semiotic systems". Since semiotic systems are composed of texts, moving one level down, culture is "the sum of the texts and the functions correlated with them". Thirdly, reducing texts to their origin, culture becomes a certain mechanism which generates the text (6.0.0). (Portis Winner, Winner 1976: 132)

As compared to the beginning of the *Theses* and the definition of culture formulated there, here the emphasis is made on the cultural mechanisms.

The seventh thesis states that “One of the fundamental problems of the study of the semiotics and typology of cultures is the formulation of the question of the equivalence of structures, texts, functions”. The problems of translation, untranslatability, transmission and transposition of texts are discussed based on examples from this point of view.

The eighth thesis highlights the fact that “The view according to which cultural functioning is not achieved within the framework of any one semiotic system (let alone within a level of the system) implies that in order to describe the life of a text in a system of culture” creates the need “of studying the relations between the structures of different levels”. What is not noted here in the English translation is that in the *Theses*, the English term “rewriting rules” is given in parentheses: “Switching from one level to another may occur with the help of rewriting rules” (8.0.1). This term is also taken from Chomsky and its Russian counterpart was already present in the book *Models of Language* published in 1962 by Isaak Revzin (Revzin 1962), another active member of TMS.

The final thesis sums up the functioning of culture as a semiotic whole: “In the union of different levels and subsystems into a single semiotic whole – “culture” – two mutually opposed mechanisms are at work:

- (a) The tendency toward diversity – toward an increase in differently organized semiotic languages, the “polyglotism” of culture.
- (b) The tendency toward uniformity – the attempt to interpret itself or other cultures as uniform, rigidly organized languages.”

Culture’s “model of itself, the myth of the culture about itself which appears at a certain stage”, and “the orientation of culture” are presented as important unifying mechanisms of culture.

Thus the logic of the *Theses* is well traceable: in the beginning, the new field of science – semiotics of culture – is defined, after which its object – culture, cultural mechanisms – is examined. The base element of culture is text, thus the body of the *Theses* is devoted to the development, creation and reconstruction of text, the text in communication, the transfer and translation of texts between different (types of) cultures. And in the end, culture is defined again as a whole in which two opposite mechanisms are in work.

In the last subchapter, we briefly observe how the publication of the *Theses* influenced the further development of sciences that study culture.

AFTER

Four years after the publication of the *Theses*, Juri Lotman and Boris Uspenskij wrote the *Postscriptum* to the *Theses* (see its publication in the current volume), which can be seen as a particular autocommunication. In this, culture is defined as organism, collective intellect, which is characteristic to Lotman's papers of the second half of 1970s (Lotman 1978; 1979; 1997). The emphasis is here on the mechanism of culture, on its dynamics. It can be said that the *Postscriptum* starts where the *Theses* end – with the topic of cultural self-description and polyglotism. Culture's model of itself is based on the dynamics of self-descriptions, on the balance between three main types of self-models – self-models that register its current state, self-models based on a necessity to change the situation, and theoretical models, the relationship of which to reality is not clear at the moment of their creation but might become so in the future.

If we look at semiotics of culture from the point of view of its parallels, it might be useful to highlight two other conceptions born in the 1970s. One of these was presented by A. Popovič in his book on the theory of metatexts (Popovič 1975). His typology of metatexts distinguishes between explicit and implicit, receptive and polemical metatexts, both on the level of a fragment of text and the text as a whole. The other was formulated by R. Barthes in *The Pleasure of the Text* (1973), giving a new meaning to the concept of intertext by interpreting it as a complex of regular and irregular relations which could be called intercommunication. Meta-communicative descriptions of culture present an ordered picture of a finite number of texts, the relationship between which can be described. An intercommunicative approach transforms culture into a complex interweave of texts, containing different interpretive worlds.

Based on the logic of the *Theses on the Semiotic Study of Cultures*, the essence of culture is semiotic by its very nature, since its foundation is information and communication. On one hand, the study of culture would be possible via the semiotisation of culture-studying disciplines, which would bring them closer to the essence of culture. The birth of the notion of semiotic anthropology is an example of such a development, which, together with the capability for disciplinary analysis, would increase the level of analysability of culture. On the other hand, cultural semiotics offers a systematic approach to culture and creates a complementary methodology, which ensures the mutual understanding of different disciplines studying culture. This is the development prospect of cultural semiotics.

The intersection of culture and disciplines studying culture evokes questions raised by F. Rastier, those about universal transsemiotics, and differentiates between two poles with respect to the study of culture – there are sciences of culture (*sciences de la culture*), represented by Ernst Cassirer, and the semiotics of cultures (*sémiotique des cultures*) represented by the Tartu School. Between these two poles lie the questions: one or many sciences? culture or cultures? (Rastier 2001: 163).

From 1973 onwards, after the publishing of the *Theses*, the disciplinary identity of semiotics of culture becomes explicit, which also encourages the disciplinary aspirations of sociosemiotics and biosemiotics. If semiotics of culture is a metasemiotics, then numerous object-semiotics (semiotics of literature, film, theatre, etc.) have also been searching for a disciplinary identity in a close relationship to it. A distinct role here, however, is played by the evolution of cultural sciences. If on one hand, semiotics of culture is related to cultural object-semiotics, then on the other hand, it is just one discipline among other, traditional disciplines studying culture, and semiotic approaches have found their place in the methodologies of ethnology, cultural sociology, cultural studies, and cultural psychology. The most conceptual characterisation of this situation has been provided by the Mexican semiotician Julieta Haidar, who sees disciplinary, interdisciplinary, and transdisciplinary aspects of the evolution of cultural semiotics. Transdisciplinary cooperation has tied it most closely to discourse analysis (Haidar 2006: 43), as the history of cultural semiotics is an amalgam of various scholarly discourses. In her typology, Haidar combines classic discourses (political, historical, scientific, media, literary) with the complex of semiotic discourses, which is similar to Lotman's typology of the self-descriptions of culture in many of its aspects (Haidar 2006: 119).

Transdisciplinarity as a higher order of interdisciplinarity also encourages disciplinarity, as it does not lead to hybridisation:

A different "transdisciplinary" identity appears in interdisciplinary fields that have a strong critical imperative. In the humanities, certain sectors of the social sciences and, in science, technology, and society studies, the term connotes not only wide scope and a new conceptual framework but also radical critique. Any transdisciplinary effort is implicitly a critique of the existing structure of knowledge, education or culture. (Thompson Klein 2000: 51)

With respect to transdisciplinarity, there is another important historical problem that J. Mittelstrass highlights in his description of the characteristics of transdisciplinarity:

In other words, transdisciplinarity is first of all an integrating, although not a holistic, concept. It resolves isolation on a higher methodological plane, but it does not attempt to construct a "unified" interpretative or explanatory matrix. Second, transdisciplinarity removes impassés within the historical constitution of fields and disciplines, *when and where the latter have either forgotten their historical memory, or lost their problem-solving power because of excessive speculation* [our italics – S. S., P. T.]. For just these reasons, transdisciplinarity cannot replace fields and disciplines. Third, transdisciplinarity is a principle of scientific work and organisation that reaches out beyond individual fields and disciplines for solutions, but it is no transscientific principle. [...] Last of

all, transdisciplinarity is above all a *research principle*, when considered properly against the background I have outlined concerning the forms of research and representation in the sciences, and only secondarily, if at all, a *theoretical principle*, in the case that theories also follow transdisciplinary research forms. (Mittelstrass 2001: 498)

It could be said that transdisciplinarity was inherent in the TMS in many different ways. On the one hand, it was reflected in the combination of operability, methods, and disciplines for particular studies. On the other hand, it was also reflected in the search for source of innovation in historical heritage, in a revitalisation of history of science.

The dynamism of culture as a research object forces research to search for new languages of description, but the new languages of description in turn influence the cultural dynamics as they offer new possibilities for self-description. Often, however, from a historical perspective, a new description language is nothing but a methodological translation. Tynyanov's conception of evolution, the fundamental distinction between inter- and metacommunication, gave renewed significance to the questions of the difference and combination of metalanguages. This problem, too, was first stated by R. Jakobson, who wrote in his article "Metalanguage as a linguistic problem", published in 1956: "Language must be investigated in all the variety of its functions" (Jakobson 1985: 113). In the context of this article, this means that the TMS does not attempt to create a new canonical metalanguage in its search for the disciplinary bases of semiotics of culture. Just as culture is based on the diversity of languages of self-expression, so is the science studying culture based on the diversity of metalanguages. Semiotics of culture as a discipline creates a methodology that accepts this diversity of object and meta-levels.

Any research is part of culture, but fields of research studying culture have a special mission. In its study of culture and in the constant search for new methods, research participates in culture's effort to be in dialogue with itself, with society, and with other cultures, and in the effort to find an understandable language for this dialogue.

The *Theses* of 1973 were a programme formulated by people who believed in the scientific necessity and value of semiotics of culture. This programme contains different possibilities for the evolution of cultural semiotics, some of them explicit, others implicit. The birth of a new discipline was announced, while also defining a methodological complex for all humanities where the visibility of the analyst and his means of analysis, constructing separate static and dynamic approaches to an object and the operational definition and determination of units of analysis are stressed. They also defined a complex method of thought for the analysis of complex objects and transdisciplinary cooperation between fields of the study of culture. This is what makes it difficult to make generalisations about the

place of semiotics of culture in research and its effect on the development of fields of study analysing culture. This is also why it is important to re-read the *Theses* and relate them to their historic and contemporary background in order to understand that semiotics of culture is not just a phenomenon of scientific history but a flexible tool available to us for the analysis of most recent cultural phenomena.

References

- Barthes, Roland 1973. *Le Plaisir du texte*. Paris: Éditions du Seuil.
- Eimermacher, Karl 1974. Bemerkungen zu einer Semiotik als integrativer Kulturwissenschaft. In: Lotman, J. M., *Aufsätze zur Theorie und Methodologie der Literatur und Kultur*. Kronberg/Taunus: Scriptor, vii–xxv.
- 2001 = Аймермахер, Карл 2001. Ю. М. Лотман: Семиотический вариант интегративной культурологии. In: Аймермахер, Карл, *Знак. Текст. Культура*. Москва: РГГУ, 349–364.
- Geertz, Clifford 1973. *The Interpretation of Cultures*. New York: Basic Books.
- Haidar, Julieta 2006. *Debate CEU-Rectoría. Torbellino pasional de los argumentos*. Coyoacán: Universidad Nacional Autónoma de México.
- Ivanov, Vjacheslav V. et al. 1973 = Иванов, В. В.; Лотман, Ю. М.; Пятигорский, А. М.; Топоров, В. Н.; Успенский, Б. А. 1973. Тезисы к семиотическому изучению культур (в применении к славянским текстам). In: Мауенова, Maria Renata (ed.), *Semiotyka i struktura tekstu. Studia poświęcone VII Międzynarodowemu kongresowi slawistów: Warszawa 1973*. Wrocław: Ossolineum, Wydawnictwo Polskijei Akademii Nauk, 9–32.
- Ivanov, Vjacheslav V.; Toporov, V. N. 1965 = Иванов, В. В.; Топоров, В. Н., *Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период)*. Москва: Наука.
- Jakobson, Roman 1971. Language in relation to other communication systems. In: Jakobson, Roman, *Selected Writings*. Vol. 2. The Hague: Mouton, 697–708.
- Jakobson, Roman 1985. Metalanguage as a linguistic problem. In: Jakobson, Roman, *Selected Writings*. Vol. 7. The Hague: Mouton, 113–121.
- Koch, A. Walter 1989. Bochum publications in evolutionary cultural semiotics: Editorial. In: Koch, Walter A. (ed.), *Culture and Semiotics*. Bochum: Studienverlag Dr. Norbert Brockmeyer, V.
- Lévi-Strauss, Claude 1968. *Structural Anthropology*, vol. 1. London: Allen Lane, The Penguin Press.
- Lotman, Juri 1964 = Лотман, Ю.М. Лекции по структуральной поэтике. *Труды по знаковым системам (Sign Systems Studies)* 1: 5–195.
- 1967а = Лотман, Ю. М. От редакции. *Труды по знаковым системам (Sign Systems Studies)* 3: 5–6.
- 1967б = Лотман, Ю. М. К проблеме типологии культуры. *Труды по знаковым системам (Sign Systems Studies)* 3: 30–38.
- 1968 = Лотман, Ю. М. *О метаязыке типологических описаний культуры*. [Препринт]. Warszawa.
- 1970а = Лотман, Ю. М. 1970. Предложения по программе IV Летней школы по вторичным моделирующим системам. In: *Тезисы докладов IV Летней школы*

- по вторичным моделирующим системам, 17–24 авг. 1970 г. Тарту: Тартуский государственный университет, 3–7.
- 1970b = Лотман, Ю. М. *Статьи по типологии культуры: Материалы к курсу теории литературы*. Вып. 1. Тарту.
 - 1977. Numerical semantics and cultural types. In: Lucid, Daniel P. (ed. and trans.) 1977. *Soviet Semiotics: An Anthology*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 227–231.
 - 1978 = Лотман, Ю. М. Феномен культуры. *Труды по знаковым системам (Sign Systems Studies)* 10: 3–17.
 - 1979 [1977]. Culture as collective intellect and the problems of artificial intelligence. (Shukman, Ann, trans.) In: O'Toole, Lawrence Michael; Shukman, Ann (eds.), *Dramatic Structure: Poetic and Cognitive Semantics*. (Russian Poetics in Translation 6.) Oxford: Holdan Books, 84–96.
 - 1990. *Universe of the Mind: A Semiotic Theory of Culture*. (Shukman, Ann, trans.) London, New York: I. B. Tauris & Co Ltd.
 - 1992. Le phénomène de la culture. *Meta: journal des traducteurs* 37(1): 18–28.
 - 1994 = Лотман, Ю. М. Зимние заметки о летних школах. In: Кошелев, А. Д. (сост.), Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. Москва: Гнозис, 295–298.
 - 1997. Culture as a subject and an object in itself. *Trames* 1(1): 7–16.
- Lotman, J. M.; Pjatigorskij, A. M. 1977. Text and function. In: Lucid, Daniel P. (ed. and trans.) 1977. *Soviet Semiotics: An Anthology*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 125–135.
- Lotman, J. M.; Uspensky, B. A. 1978. On the semiotic mechanism of culture. (Mihaychuk, George, trans.) *New Literary History* 9(2): 211–232.
- Lotman, J. M.; Uspenskij, B. A. 1984. *The Semiotics of Russian Culture*. (Shukman, Ann, ed.) (Michigan Slavic Contributions 11.) Ann Arbor: Department of Slavic Languages and Literatures, University of Michigan.
- Malinowski, Bronislaw 1969 [1941]. A scientific theory of culture. In: Malinowski, B., *A Scientific Theory of Culture and Other Essays*. London: Oxford University Press, 3–144.
- Mittelstrass, Jürgen 2001. On transdisciplinarity. In: *Science and the Future of Mankind: Science for Man and Man for Science*. Vatican City: Pontifical Academy of Sciences, 495–500.
- Nakhimovsky, Alexander D.; Nakhimovsky, Alice Stone (eds.) 1985. *The Semiotics of Russian Cultural History: Essays by Iurii M. Lotman, Lidiia Ia. Ginsburg, Boris A. Uspenskii*. Ithaca: Cornell University Press.
- Nünning, Ansgar; Nünning, Vera (eds.) 2003. *Konzepte der Kulturwissenschaften. Theoretische Grundlagen – Ansätze – Perspektiven*. Stuttgart: Verlag J.B.Metzler.
- Pjatigorskij, Aleksandr M. 1994 = Пятигорский, А. М. Заметки из 90-х о семиотике 60-х годов. In: Кошелев, А. Д. (сост.), Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. Москва: Гнозис, 324–329.
- 2002 = Пятигорский, А. *Мышление и наблюдение. Четыре лекции по обсервационной философии*. Riga: Liepnieks & Ritups.
- Popovič, Anton 1975. *Problémy literárnej metakomunikácie. Teória metatextu*. Nitra: Kabinet literárnej komunikácie a experimentálnej metodiky Pedagogickej fakulty v Nitre.

- Portis Winner, Irene; Winner, Thomas G. 1976. The semiotics of cultural texts. *Semiotica* 18(2): 101–156.
- Posner, Roland 2005. Basic tasks of cultural semiotics. In: Williamson, Rodney; Sbrocchi, Leonard G.; Deely, John (eds.), *Semiotics 2003: "Semiotics and National Identity"*. New York: Legas, 307–353.
- Rastier, François 2001. Sémiotique et sciences de la culture. *Linx* 44(1): 149–166.
- Redkollegija 1964 = От редакции. *Труды по знаковым системам (Sign Systems Studies)* 1: 3–4.
- Redkollegija 1965 = От редакции. *Труды по знаковым системам (Sign Systems Studies)* 2: 5–8.
- Redkollegija 1969 = От редакции. *Труды по знаковым системам (Sign Systems Studies)* 4: 5–6.
- Revzin, Isaak I. 1962 = Ревзин, Исаак Иосифович, *Модели языка*. Москва: Издательство Академии Наук СССР.
- Salupere, Silvi 2012. Tartu Summer Schools of Semiotics at the time of Juri Lotman. *Chinese Semiotic Studies* 6: 303–311.
- Thompson Klein, Julie 2000. Integration, evaluation, and disciplinarity. In: Sommerville, Margaret A.; Rapport, David J. (eds.), *Transdisciplinarity: ReCreating Integrated Knowledge*. Oxford: EOLSS Publishers, 49–59.
- Torop, Peeter 2006. Semiotics, anthropology and the analysability of culture. *Sign Systems Studies* 34(2): 285–315.
- 2014. The Tartu-Moscow School of Semiotics and the possibilities of cultural analysis. *Chinese Semiotic Studies* 11. (in print)
- Тупуанов, Jurij 1977 = Тынянов, Юрий. *Поэтика. История литературы. Кино*. Москва: Наука.
- Uspenskij, Boris A. 1994 [1981] = Успенский, Б.А. К проблеме генезиса тартуско-московской семиотической школы. In: Кошелев, А. Д. (сост.), Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. Москва: Гнозис, 265–278.
- Uspenskij, Boris A.; Ivanov, Vjacheslav V.; Toporov, V. N.; Pjatigorskij, Aleksandr M.; Lotman, Juri M. 1973. Theses on the semiotic study of cultures (as applied to Slavic texts). In: Eng, Jan van der; Grygar, Mojmir (eds.), *Structure of Texts and Semiotics of Culture*. The Hague: Mouton, 1–28.
- Winner, Thomas 1979. Some fundamental concepts leading to a semiotics of culture: An historical overview. *Semiotica* 27(1/3): 75–82.
- Żylko, Boguslaw 2001. Culture and semiotics: Notes on Lotman's conception of culture. *New Literary History* 32(2): 391–408.

I
Proposals, 1970

Proposals for the programme of the 4th Summer school on secondary modelling systems⁹

JURI LOTMAN

The organizing committee for the 4th Summer school on secondary modelling systems proposes that this year's event should focus on the question of the *unity of culture*. This question can be considered from several different aspects.

1. The initial premise is that all human activity concerned with the processing, exchange, and storage of information with the help of signs possesses a certain unity. Individual sign systems, though they can be considered to be immanently organized structures, function only in unity, supported by one another. None of the sign systems possesses a mechanism which would enable it to function in isolation. Hence it follows that, together with an approach which permits us to construct a series of relatively autonomous sciences of the semiotic cycle, we shall also admit another approach, according to which all of them examine particular aspects of the *semiotics of culture*, of the study of the functional correlation of different sign systems.

2. From this point of view particular importance is attached to questions of the hierarchical structure of the languages of culture, of the distribution of spheres among them, of cases in which these spheres intersect or merely border upon each other. Attention must necessarily be paid to the extra-systemic settings, outside of which no system is able to function (i.e., the unintelligibility of oral speech in case of its mechanical translation into a graphical form).

3. It would be interesting to determine the minimum number of sign systems (cultural languages) necessary for the functioning of culture as a whole, and construct a model of the most fundamental relations between them, a *model of culture*.

⁹ First published as: (Лотман, Ю. М.) 1970. Предложения по программе IV Летней школы по вторичным моделирующим системам. In: *Тезисы докладов IV Летней школы по вторичным моделирующим системам, 17–24 авг. 1970 г.* Тарту: Тартуский государственный университет, 3–7. Translated from Russian by Tanel Pern.

4. Special consideration should be given to the question of the relationship between primary and secondary cultural languages. Is such two-tier construction fundamental to the structure of culture, and what makes it functionally essential? Is natural language the only primary system? What are the traits that a system must possess to be able to function as a primary system – or a secondary one?

5. More specific investigations could be conducted in the following directions:

- a. Description of the *place* of some semiotic system in the general complex. It is easy to imagine studies such as: “The place of music as a semiotic system in the general system of culture”; “The place of mathematics in culture as a semiotic unity”.
- b. Description of the *influence* of some particular semiotic system on others, i.e. “The role of painting in the semiotics of poetry of this or that era”, “The role of cinema in the structure of the language of contemporary culture”.
- c. Analysis of the irregularity of the internal organization of culture. The existence of culture as a unitary organism seems to presuppose the existence of internal structural diversity. Investigating the phenomenon of intra-cultural polyglotism and the reasons for its necessity.

6. The place of art in the general system of culture. The question of the necessity of art. The dominance of different types of art.

7. What is the basis for the necessity of the opposition of descriptive and conventional signs in the system of culture? Is it possible for a culture to exist without this kind of bilingualism? What is the semiotic motivation for different types of cultural bilingualism (poetry – prose; oral tradition – literature etc.)? Would the existence a multilingual culture be possible?

8. The problem of typology of culture. Methods of typological description. The relationship between culture and sign, text and semiosis as the basis of typological characterization. Paradigmatic and syntagmatic cultures. Minimum repertory of texts and minimum repertory of functions in the concept of culture.

9. Culture and non-culture. The struggle against culture as a cultural problem (analogy: the problem of forgetting as a component of the mechanism of memory). Culturoclasm and kulturträgers in the history of culture. The question of structural reserves in culture (barbarians for the Antiquity, pagans for Christianity, ignoramuses for rationalists, the People for the Enlightenment as the sphere for the expansion of culture).

10. Culture as collective memory. The continuity of culture provides a collective with awareness of their existence. The possibility of studying culture as organized memory.
11. The problem of cultural evolution. Where does the inevitability of the interchange of cultural languages arise from? Unmotivated changes in semiotic systems (changes in the phonological systems of languages, in fashion etc.). The construction of a model for the dynamics of semiotic systems. Cyclic and cumulative models.
12. Culture as a historical category. Territorial, areal and chronological borders of specific cultures. The problem of spatio-temporal self-conception (the pursuit of universality and immortality).
13. Culture as a sphere of social conflicts. The struggle for collective memory. Socially prescribed norms of remembering and forgetting.
14. The characteristics of archaic cultures. Historical typology of cultures. The relationship between material and mental in archaic and modern cultures. Typology of self-conceptions of cultures of different eras.
15. The conception of "norms" and rules in culture. Observance of rules and the struggle against rules becoming a rule by itself (a game with constantly changing rules).

Предложения по программе IV Летней школы по вторичным моделирующим системам¹⁰

ЮРИЙ М. ЛОТМАН

Оргкомитет IV Летней школы по вторичным моделирующим системам предлагает поставить в центр занятий этого года проблему *единства культуры*. Вопрос этот предполагает рассмотрение с нескольких сторон:

1. Исходной является предпосылка, что вся деятельность человека по выработке, обмену и хранению информации с помощью знаков обладает известным единством. Отдельные знаковые системы, хотя и представляют имманентно организованные структуры, функционируют лишь в единстве, опираясь друг на друга. Ни одна из знаковых систем не обладает механизмом, который обеспечивал бы ей изолированное функционирование. Из этого вытекает, что наряду с подходом, который позволяет построить серию относительно автономных наук семиотического цикла, допустим и другой, с точки зрения которого все они рассматривают частные аспекты *семиотики культуры*, науки о функциональной соотнесенности различных знаковых систем.
2. С этой точки зрения особый смысл получают вопросы об иерархическом построении языков культуры, распределении сфер между ними, случаях, когда эти сферы перекрещиваются или только граничат. Необходимо обратить внимание на экстрасистемные условия, вне которых система не может функционировать (например, непонятность устной речи при механическом переводе ее в графическую форму).
3. Интересно было бы определить минимальный набор знаковых систем (культурных языков), необходимых для функционирования культуры как целого,

¹⁰ Впервые опубликовано: (Лотман, Ю. М.) 1970. Предложения по программе IV Летней школы по вторичным моделирующим системам. In: *Тезисы докладов IV Летней школы по вторичным моделирующим системам, 17–24 авг. 1970 г.* Тарту: Тартуский государственный университет, 3–7.

и построить модель наиболее элементарных отношений между ними, *модель культуры*.

4. Специальному рассмотрению надлежало бы подвергнуть вопрос о соотношении первичных и вторичных культурных языков. Обязательна ли для построения культуры такая двуступенчатость, и в чем ее функциональная необходимость? Только ли естественный язык является первичной системой? Какими свойствами должна обладать система, чтобы быть способной выполнить функцию первичной, и какими – вторичной?

5. Более частные разыскания могли бы вестись в следующих направлениях:

- a. Описание *места* той или иной семиотической системы в общем комплексе. Вполне можно было представить себе исследования типа: «Место музыки как семиотической системы в общей системе культуры»; «Место математики в культуре как семиотическом целом».
- b. Описание *воздействия* той или иной частной семиотической системы на другие, например, «Роль живописи в семиотике поэзии той или иной эпохи», «Роль кино в структуре языка современной культуры».
- c. Исследование неравномерности внутренней организации культуры. Существование культуры как единого организма, видимо, подразумевает наличие внутреннего структурного разнообразия. Рассмотрение явления внутрикультурного полиглотизма и причин его необходимости.

6. Место искусства в общей системе культуры. Проблема необходимости искусства. Доминантность разных типов искусства.

7. Чем обусловлена необходимость противопоставления изобразительных и условных знаков в общей системе культуры? Возможно ли существование культуры без двуязычия этого типа? Какова семиотическая мотивация других типов культурных двуязычий (поэзия – проза; устная словесность – письменность и др.)? Возможна ли многоязычная культура?

8. Проблема типологии культуры. Методы типологических описаний. Отношение культуры к знаку, тексту и семиозису как основание типологической характеристики. Парадигматические и синтагматические культуры. Минимальный набор текстов и минимальный набор функций в понятии культуры.

9. Культура и не-культура. Борьба с культурой как культурная проблема (аналог: проблема забывания как компонент механизма памяти). Культуроборчество и культуртрегерство в истории культуры. Проблема структурного

резерва в культуре (варвары для античности, язычники для христианства, невежды для рационалистов, народ для просветителей – область экспансии культуры).

10. Культура – память коллектива. Непрерывность культуры обеспечивает коллективу сознание существования. Возможность изучения культуры как организованной памяти.

11. Проблема эволюции культуры. Чем вызвана необходимость смены языков культуры? Немотивированные перемены семиотических систем (перемены в фонологических системах языков, мода и пр.). Построение модели динамики семиотической системы. Циклические и лавинообразные модели.

12. Культура как историческая категория. Территориальные, ареальные и хронологические границы отдельных культур. Проблема пространственно-временной самооценки (стремление к универсальности и вечности).

13. Культура как область социальных конфликтов. Борьба за память коллектива. Социально предписываемые нормы памяти и забывания.

14. Признаки архаической культуры. Историческая типология культур. Соотношение материального и духовного в архаических и новых культурах. Типология самооценок культур разных эпох.

15. Понятие «нормы» и правил в культуре. Выполнение правил и борьба с правилами, становящаяся правилом (игра с постоянно меняющимися правилами).

Ettepanekud IV Sekundaarsete modelleerivate süsteemide suvekooli programmi kohta¹¹

JURI LOTMAN

IV Suvetooli orgkomitee teeb ettepaneku selle aasta arutluste keskpunkti panna *kultuuri ühtsuse* probleem. Seda küsimust võib käsitleda mitmeti.

1. Tuleb lähtuda eeldusest, et kogu märkide abil toimuv informatsiooni väljatöötamise, vahetamise ja säilitamisega seotud inimtegevus omab teatud ühtsust. Kuigi üksikud märgisüsteemid kujutavad endast immanentselt organiseeritud struktuure, toimivad nad vaid ühtsuses, üksteisele toetudes. Ükski märgisüsteem ei oma mehhanismi, mis võimaldaks talle isoleeritud funktsioneerimise. Sellest järeldub, et kõrvuti lähenemisega, mis võimaldab luua seeria suhteliselt autonoomseid semiootilise tsükli teadusi, on võimalik ka teine, mille seisukohast kõik nad vaatlevad *kultuurisemiootika* kui erinevate märgisüsteemide funktsionaalset suhestatust uuriva teaduse eri aspekte.

2. Sellest vaatepunktist omandavad erilise tähenduse küsimused kultuurikeelte hierarhilisest ülesehitusest, nendevahelisest valdkondade jaotumisest, juhtudest, mil need valdkonnad lõikuvad või ainult piirnevad. Tuleb pöörata tähelepanu süsteemiväliste tingimustele, ilma milleta süsteem ei saa funktsioneerida (nt suulise keele arusaamatus, kui see mehhaaniliselt kanda üle kirjalikku vormi).

3. Huvitav oleks määrata kindlaks minimaalne märgisüsteemide (kultuuri keelte) kogum, mis on vajalikud kultuuri kui terviku funktsioneerimiseks ja ehitada nendevaheliste kõige elementaarsemate suhete mudel, *kultuuri mudel*.

4. Eraldi tuleks vaadelda küsimust esmaste ja teiseste kultuurikeelte suhtest. Kas kultuuri loomiseks on tingimata vajalik selline kaheastmelisus ja milles seis-

¹¹ Esmalt ilmunud: (Лотман, Ю. М.) 1970. Предложения по программе IV Летней школы по вторичным моделирующим системам. In: *Тезисы докладов IV Летней школы по вторичным моделирующим системам, 17–24 авг. 1970 г.* Тарту: Тартуский государственный университет, 3–7. Vene keelest tõlkinud Silvi Salupere.

neb tema funktsionaalne hädavajalikkus? Kas ainult loomulik keel on esmaseks süsteemiks? Millised omadused peaksid olema süsteemil, et täita esmase süsteemi funktsiooni ja millised – teisese?

5. Spetsiifilisemad uurimisteemad võiksid arutluse all olla järgmistes suundades:
 - a. Ühe või teise semiootilise süsteemi koha kirjeldus üldises kompleksis. On võimalik ette kujutada järgnevat tüüpi uurimusi: “Muusika kui semiootilise süsteemi koht üldises kultuurisüsteemis”, “Matemaatika koht kultuuris kui semiootilises tervikus”.
 - b. Ühe või teise semiootilise süsteemi mõju kirjeldus teistele, nt: “Maaliskunsti roll mingi eposhi luule semiootikas”, “Kino roll tänapäeva kultuuri keele struktuuris”.
 - c. Kultuuri sisemise korrastatuse ebaühtluse uurimine. Kultuuri eksisteerimine ühtse organismina eeldab ilmselt sisemise struktuurse eripalgelisuse olemasolu. Kultuurisisesest mitmekeelsuse nähtuse ja selle vajalikkuse põhjuste vaatlus.

6. Kunsti koht kultuuri üldises süsteemis. Kunsti hädavajalikkuse probleem. Kunsti erinevate tüüpide domineerimine.

7. Mis tingib kujutavate ja tinglike märkide vastanduse vajalikkuse kultuuri üldises süsteemis? Kas on võimalik kultuuri olemasolu ilma seda tüüpi kakskeelsuseta? Milline on teiste kultuurilise kakskeelsuse tüüpide (poeesia – proosa, kirjalik – suuline jt) semiootiline motivatsioon? Kas on võimalik mitmekeelne kultuur?

8. Kultuuri tüpologia probleem. Tüpoloogiliste kirjelduste meetodid. Kultuuri suhe märki, teksti ja semioosi kui tüpoloogilise iseloomustuse alus. Paradigmaatilised ja süntagmaatilised kultuurid. Minimaalne tekstide kogum ja minimaalne funktsioonide kogum kultuuri mõistes.

9. Kultuur ja mitte-kultuur. Võitlus kultuuriga kui kultuuriprobleem (analoog: unustamise probleem kui mälumehhanismi komponent). Võitlus kultuuriga ja kultuurikandlus kultuuri ajaloos. Struktuurse reservi probleem kultuuris (barbarid antiikajal, paganad kristlaste jaoks, harimatud ratsionalistide jaoks, rahvas valgestajate jaoks – see kõik on kultuuri ekspansiooni vald).

10. Kultuur kui kollektiivi mälu. Kultuuri pidevus kindlustab kollektiivile arusaa- ma oma olemasolust. Võimalus uurida kultuuri kui organiseeritud mälu.

11. Kultuuri evolutsiooni probleem. Millest on tingitud kultuuri keelte vahetumise vajalikkus? Semiootiliste süsteemide mittemotiveeritud muutused (muu-

tused keelte fonoloogilistes süsteemides, mood jms). Semiootilise süsteemi dünaamikat kirjeldava mudeli loomine. Tsüklilised ja laviinilaadsed mudelid.

12. Kultuur kui ajalooline kategooria. Erinevate kultuuride vahelised territoriaalsed, areaalsed ja kronoloogilised piirid. Ruumilis-ajalise enesehinnangu probleem (püüdlus universaalsuse ja igavikulise poole).

13. Kultuur kui sotsiaalsete konfliktide valdkond. Võitlus kollektiivi mälu pärast. Ühiskondlikult ette kirjutatud mälu ja unustamise normid.

14. Arhailise kultuuri tunnused. Kultuuride ajalooline tüpoloogia. Materiaalse ja vaimse suhestatus arhailistes ja uutes kultuurides. Erinevate ajastute kultuuride enesehinnangute tüpoloogia.

15. „Normi“ ja reeglite mõiste kultuuris. Reeglite täitmine ja võitlus reeglitega, mis muutub reegliks (mäng pidevalt muutuvate reeglitega).

II
Theses, 1973

Theses on the semiotic study of cultures (as applied to Slavic texts)¹²

JURI M. LOTMAN,
VJACHESLAV V. IVANOV,
ALEKSANDR M. PJATIGORSKIJ,
VLADIMIR N. TOPOROV,
BORIS A. USPENSKIJ

1.0.0. In the study of culture the initial premise is that all human activity concerned with the processing, exchange, and storage of information possesses a certain unity. Individual sign systems, though they presuppose immanently organized structures, function only in unity, supported by one another. None of the sign systems possesses a mechanism which would enable it to function in isolation. Hence it follows that, together with an approach which permits us to construct a series of relatively autonomous sciences of the semiotic cycle, we shall also admit another approach, according to which all of them examine particular aspects of the *semiotics of culture*, of the study of the functional correlation of different sign systems. From this point of view particular importance is attached to questions of the hierarchical structure of the languages of culture, of the distribution of spheres among them, of cases in which these spheres intersect or merely border upon each other.

1.1.0. In investigations of a semiotic-typological nature the concept of culture is perceived as fundamental. In doing so we should distinguish between the conception of culture from its own point of view-and from the point of view of a scientific metasystem which describes it. According to the first position, culture will have the appearance of a certain delimited sphere which is opposed to the phenomena of human history, experience, or activity lying outside it. Thus the concept of culture is inseparably linked with the opposition of its "non-culture".

¹² First published in English as: Uspenskij, B. A.; Ivanov, V. V.; Toporov, V. N.; Pjatigorskij, A. M.; Lotman, Ju. M. 1973. Theses on the semiotic study of cultures (as applied to Slavic texts). In: Eng, Jan van der; Grygar, Mojmir (eds.), *Structure of Texts and Semiotics of Culture*. The Hague, Paris: Mouton, 1-28. Since the author sequence varied in different printings, we standardize it here (starting with the initiator of the text and others following in alphabetic order).

The principle according to which this is done (the antithesis of true religion and profanity, of enlightenment and ignorance, of belonging to a certain ethnic group or not belonging to it, and the like) pertains to the type of the given culture.

Yet the very opposition of inclusion in some closed sphere and exclusion from it constitutes a significant feature of our interpretation of the concept of culture from the "inner" point of view. Herein occurs a characteristic absolutization of the opposition: it seems that culture does not need its "outer" counteragent and can be understood immanently.

1.1.1. From this point of view the definition of culture as the sphere of organization (information) in human society and the opposition to it of disorganization (entropy) is one of the many definitions given "from within" the object being described, which is further evidence of the fact that science (in this case, information theory) in the twentieth century is not only a metasystem but is also part of the object described, "modern culture".

1.1.2. The opposition "culture–nature", "done–undone" ("artificial–non-artificial") is likewise merely a particular historically conditioned interpretation of the antithesis of inclusion and exclusion. Let us point out that the antithesis "culture–civilization", which was prevalent in Russian culture at the beginning of the twentieth century (A. Blok), regards culture as a structure which is organized but not by man – rather by the "spirit of music" – and is therefore "primeval". As for the feature of doneness ("artificialness") it is ascribed to the antipode of culture – civilization.

1.2.0. To describe them from the outer point of view, culture and non-culture appear as spheres which are mutually conditioned and which need each other. The mechanism of culture is a system which transforms the outer sphere into the inner one: disorganization into organization, ignoramuses into initiates, sinners into holy men, entropy into information. By virtue of the fact that culture lives not only by the opposition of the outer and the inner spheres but also by moving from one sphere to the other, it does not only struggle against the outer "chaos" but has need of it as well; it does not only destroy it but continually creates it.

One of the links between culture and civilization (and "chaos") consists in the fact that culture continually estranges, in favor of its antipode, certain "exhausted" elements, which become clichés and function in nonculture. Thus in culture itself entropy increases at the expense of maximum organization.

1.2.1. In this connection it may be said that each type of culture has its corresponding type of "chaos", which is by no means primary, uniform, and always equal to itself, but which represents just as active a creation by man as does the

sphere of cultural organization. Each historically given type of culture has its own type of nonculture peculiar to it alone.

1.2.2. The sphere of extracultural nonorganization may sometimes be constructed as a mirror reflection of the sphere of culture or else as a space which, from the position of an observer immersed in the given culture, appears as unorganized, but which from an outer position proves to be a sphere of *different organization*. An example of the former might be the reconstruction of pagan ideas by a monk of twelfth-century Kiev in *Povest' vremennyh let* [Tale of Bygone Years]. It makes a sorcerer taking part in a religious debate with Christians answer the questions "Who are your gods? Where do they dwell?" by saying: "They dwell in abysses; as for their appearance, they are black and winged, and have tails ..." When in the sphere of the culturally-mastered world "the heights" are appointed to the gods, then in its outer space they live below. Now, in the system of the given culture, an identification arises of the extra-cultural space with the negative "low" world. ("That God which sits in an abyss is a devil, but a God sits in the skies") An example of the latter is the assertion of a Poljanin annalist that in old times the Drevljans did not "have marriages", after which a description is given of the family organization, which was, for the annalist, not based on marriage but, naturally, is for the modern investigator.

1.2.3. Although culture, by extending its limits, seeks completely to usurp the whole of extracultural space, to assimilate it to itself, from the position of an outside description the expansion of the sphere of organization leads to the expansion of the sphere of nonorganization. The narrow world of Hellenic civilization had its correspondingly narrow sphere of encircling "barbarians". The spatial growth of ancient Mediterranean civilization was accompanied by the growth of the extracultural world. (Of course, if we abstract ourselves from the concepts of the given type of culture, no growth occurred whatsoever; a certain people might live the same way both before and after they became known to the world of Roman civilization. Yet from the point of view of the given culture, its "forefield" steadily expanded.) It is characteristic that the twentieth century, having exhausted the reserves of the spatial expansion of culture (all geographical space has become "cultural"; the "forefield" has disappeared), has addressed itself to the problem of the subconscious, constructing a new type of space opposed to culture. The opposition to the spheres of the subconscious, on the one hand, and of the cosmos, on the other, is just as essential to an understanding of the inner structure of twentieth-century culture as the oppositions of *Rus'* and the steppe were for the twelfth century, or of the people and the intelligentsia for Russian culture in the second half of the nineteenth century. As a fact of culture the problem of the subconscious is not so much a discovery as a creation of the twentieth century.

1.2.4. The opposition "culture-extracultural space" is the minimal unit of the mechanism of culture on any given level. Practically speaking, we are given a paradigm of extracultural spaces ("infantile", "exotic-ethnic" from the point of view of the given culture, "subconscious", "pathological", and others). The descriptions of various peoples in medieval texts are constructed in an analogous manner: in the center there is situated a certain normal "we", to which other peoples are opposed as a paradigmatic set of anomalies. It should be emphasized that from the "inner" point of view the culture appears as the positive member of the aforementioned opposition, whereas from the "outer" point of view the whole opposition appears as a cultural phenomenon.

1.3.0. The active role of the outer space in the mechanism of culture is particularly revealed in the fact that certain ideological systems may associate a culture-generating source precisely with the outer, unorganized sphere, opposing to it the inner, regulated sphere as culturally dead. Thus in the Slavophile opposition of Russia and the West, the former is identified with the outer sphere, which is not normalized, which is not culturally assimilated, but which constitutes the germ of future culture. As for the West, it is conceived as a closed and regulated world, that is to say, "cultural" and at the same time culturally dead.

1.3.1. Thus, from the position of an outside observer, culture will represent not an immobile, synchronically balanced mechanism, but a dichotomous system, the "work" of which will be realized as the aggression of regularity against the sphere of the unregulated and, in the opposite direction, as the intrusion of the unregulated into the sphere of organization. At different moments of historical development either tendency may prevail. The incorporation into the cultural sphere of texts which have come from outside sometimes proves to be a powerful stimulating factor for cultural development.

1.3.2. The game relationship between culture and its outer sphere must be taken into consideration when studying cultural influences and relations. If during periods of the intensive influence of culture on the outer sphere, culture assimilates what is similar to it, that is to say, what from its position is recognized as a fact of culture, then during moments of extensive development it absorbs the texts which it does not have the means to decipher. The extensive encroachment upon twentieth-century European culture of infantile art, of archaic and medieval art or of the art of Far Eastern or African peoples, is bound up with the fact that these texts are torn out of their characteristic historical (or psychological) context. They are seen through the eyes of the "adult" or European. In order to play an active role, they must be perceived as "strange".

1.3.3. The cultural function of the tension between the inner (closed) and the outer (open) spaces is clearly revealed in the structure of houses (and other buildings). In making a house, man thereby partitions off a part of space which – in contrast with the outer sphere – is perceived as culturally assimilated and regulated. However, this initial opposition acquires cultural significance only against a background of continual breaches in the opposite direction. Thus, on the one hand, the closed “domestic” space begins to be perceived not as the antipode of the outside world, but as its model and analogue (for example, the temple as an image of the universe). In this case the regularity of the temple space is transferred to the outside world, suppressing the sphere of irregularity (the aggression of the inner space against the outside). On the other hand, some properties of the outside world penetrate into the inner world. Related to this is the attempt to distinguish “the house within the house” (for example, the altar space is an inner sphere within an inner sphere). An extremely interesting example of the “game” between the inner and outer spaces of a building as analogues to the tension between the corresponding cultural spheres is that of baroque architecture. The creation of structures which “overflow” their boundaries (pictures extending out of their frames, statues descending from their pedestals, the system of paired correlation between windows and mirrors, which introduces the exterior landscape into the interior) creates mutual breaches of the cultural sphere into chaos and of chaos into the cultural sphere.

2.0.0. Thus culture is constructed as a hierarchy of semiotic systems, on the one hand, and a multilayered arrangement of the extracultural sphere surrounding it. Yet it is indisputable that it is precisely the inner structure, the composition and correlation of particular semiotic subsystems, which determines the type of culture in the first place.

2.0.1. In accordance with what was said above, several cultures may also form a functional or structural unity from the point of view of broader contexts (genetic, areal, and others). Such an approach proves especially fruitful in solving problems of the comparative study of culture, particularly the culture of Slavic peoples. The formation of an inner paradigm of cultures or their distribution in the field of the “inner sphere of culture versus outer sphere of culture” opposition permits us to decide a number of questions, both of the relationship between individual Slavic cultures and of their relation to the cultures of other areas.

3.0.0. The fundamental concept of modern semiotics – the *text* – may be considered a connecting link between general semiotic and special studies such as Slavistics. The text has integral meaning and integral function (if we distinguish between the position of the investigator of culture and the position of its carrier, then from the point of view of the former the text appears as the carrier of integral

function, while from the position of the latter it is the carrier of integral meaning). In this sense it may be regarded as the primary element (basic unit) of culture. The relationship of the text with the whole of culture and with its system of codes is shown by the fact that on different levels the same message may appear as a text, part of a text, or an entire set of texts. Thus Pushkin's *Povesti Belkina* [Tales of Belkin] may be regarded as an integral text, as an entire set of texts, or else as part of a single text – “the Russian short story of the 1830's”.

3.1.0. The concept “text” is used in a specifically semiotic sense and, on the one hand, is applied not only to messages in a natural language but also to any carrier of integral (“textual”) meaning – to a ceremony, a work of the fine arts, or a piece of music. On the other hand, not every message in a natural language is a text from the point of view of culture. Out of the entire totality of messages in a natural language, culture distinguishes and takes into account only those which may be defined as a certain speech genre, for example, “prayer”, “law”, “novel”, and others, that is to say, those which possess a certain integral meaning and fulfill a common function.

3.2.0. The text as an object of study may be examined in the light of the following problems.

3.2.1. *Text and sign.* The text as an integral sign; the text as a sequence of signs. The second case, as is well known from the experience of the linguistic study of the text, is sometimes regarded as the only possible one. Yet in the overall model of culture another type of text is also essential, one in which the concept of the text appears not as a secondary one derived from a chain of signs, but as a primary one. A text of this type is not discrete and does not break down into signs. It represents a whole and is segmented not into separate signs but into distinctive features. In this sense we can detect a far-reaching similarity between the primacy of the text in such modern audiovisual systems of mass communication as the cinema and television, and the role of the text for systems in which, as in mathematical logic, metamathematics, and the theory of formalized grammars, language is understood as a certain set of texts. The fundamental distinction between these two cases of the primacy of the text consists, however, in the fact that for audiovisual systems of the transmission of information and for such comparatively earlier systems as painting, sculpture, the dance (and pantomime), and ballet, the *continuous* text may be primary (the whole canvas of a painting, or a fragment of it in the event that separate signs are segmented in the painting), and a sign appears as a secondary notion, definable in terms of the text, whereas in formalized languages the text may always be represented as a chain of discrete symbols assigned as elements of an initial alphabet (of a set or a vocabulary). The orientation toward such discrete models of formalized languages (i.e., toward the discrete case

of the transmission of information), which was characteristic of the linguistics of the first half of our century, is being replaced in contemporary semiotic theory by a concern with the continuous (indiscrete) text as a primary datum (i.e., with nondiscrete cases of the transmission of information) precisely at a time when in culture itself communication systems using predominantly continuous texts are acquiring increasingly greater significance. For television the basic unit is the elementary life situation, which before the moment of televising (or of filming) is in an a priori manner, unknown and irresolvable into elements. But for the audio-visual technique of mass communication (the cinema and television, including television films) a combination of both methods is also typical. The cinema by no means relinquishes discrete signs, primarily signs of the oral language and of other everyday languages (particularly what it obtains as "raw" or "precinematographic" material from other, typologically earlier, systems), but rather it includes them in integral texts (the crucifix in the church scene in A. Wajda's *Ashes and Diamonds* appears by itself as a discrete symbol, but it is reinterpreted in the context of the entire sequence, in which it is correlated with the hero of the film). A similar inclusion of discrete signs, most often adopted from other (archaic) systems, in a continuous text may be shown in historically earlier visual systems, particularly in painting, where the human image on the world tree – which is central to a considerable number of mythological and ritual traditions (including those of the most ancient Slavs) – or other images equivalent to it, may be retained as the center of the composition. In all such cases we can see a manifestation of a general law of the evolution of semiotic systems, according to which a certain sign or an entire message (or fragment of a message) may be included in the text of another sign system as a component part of it and may subsequently remain chiefly in that capacity (hence with a shifted function – esthetic and not mythological or ritual, as in the examples given). The latter generalization may also be of interest in the substantiation of those methods of reconstructing the most ancient semiotic systems which are based on the discovery of the signs (and sometimes of texts as well) of an archaic system (of proto-Slavic mythology, for example) on the basis of their latest reflections, included in folklore and other texts preserved in historical tradition. At the same time, from this point of view the analysis of modern means of mass communication in their relationship with systems historically preceding them is organically included in the comparative study of the languages of culture (such subjects of investigation as, for example, the relationship between Wajda's films and the Polish baroque tradition are found to be in conformity with the law – not only on the level of the emotional atmosphere of the work, but also in the nature of the "precinematographic" material selected).

The choice of a discrete metalanguage of distinctive features of the type: upper–lower, left–right, dark–light, black–white, to describe such continuous texts as those of painting or the cinema, may by itself be regarded as a manifestation of archaizing tendencies which impose on the continuous text of the object-lan-

guage metalinguistic categories more characteristic of archaic systems of binary symbolic classification (of mythological and ritual types). But we must not rule out the fact that features of this kind remain as archetypical features even during the creation and perception of continuous texts.

Thus the predominance of texts of the discrete or the nondiscrete type may be associated with a certain stage of development of the culture. Yet it should be emphasized that both these tendencies may also be represented as synchronically coexisting. The tension between them (for example, the conflict between verbal and visual text) constitutes one of the most permanent mechanisms of culture as a whole. The prevalence of one of them is possible not as a complete suppression of the opposite type, but only in the form of an orientation of culture toward certain textual structures as the predominant ones.

3.2.2. *Text and the problem of "sender-receiver"*. In the process of cultural communication, particular significance is attached to the problem of the "grammar of the speaker" (addressor) and the "grammar of the hearer" (addressee). Just as individual texts may be created with an orientation toward the "position of the speaker" or the "position of the hearer", in the same way a similar trend may also be inherent in certain cultures as a whole. An example of a culture oriented toward the hearer would be one in which the axiological hierarchy of texts is arranged in such a way that the concepts "most valuable" and "most intelligible" coincide. In this case the specifics of secondary supralinguistic systems will be expressed to the least possible degree – the texts will strive for minimal conventionality and will imitate "doneness", consciously orienting themselves toward the type of "bare" message found in a natural language. The chronicle, prose (especially the essay), the newspaper article, the documentary film, and television will occupy the highest value stages. "Authentic", "true", and "simple" will be regarded as the highest axiological characteristics.

A culture oriented toward the speaker possesses as its highest value the sphere of closed, inaccessible, or completely unintelligible texts. It is a culture of the esoteric type. Prophetic and priestly texts, glossolalia, and poetry occupy the highest place. The orientation of the culture toward the "speaker" (addressor) or the "hearer" (addressee) will be revealed in the fact that in the first case the audience models itself according to the pattern of the creator of the texts (the reader seeks to approach the poet's ideal); in the second case, the sender constructs himself according to the pattern of the audience (the poet seeks to approach the reader's ideal). The diachronic development of culture may also be regarded as movement within the same communication field. An example of movement from an orientation toward the speaker to an orientation toward the hearer in the individual evolution of a writer might be the work of a poet like Pasternak. At the time of the creation of the first version of "Poverh bar'erov" ["Over the Barriers"], "Sestra moja zhizn'" ["My Sister Life"], "Temy i variacii" ["Themes and Variations"], the

poet's fundamental style was a monologue utterance which strove for accuracy of expression of his own vision of the world with all the conditioned features of the semantic (and sometimes syntactic as well) structure of poetic language. His later works are dominated by a dialogue orientation toward the interlocutor-as-hearer (toward the potential reader, who must understand everything being communicated to him). The contrast between the two styles appears especially clearly in cases where the writer tries to convey the same impression in two ways (the two versions of the poem "Venecija" ["Venice"] and the two prose descriptions of the same first impression of Venice in "Ohrannaja gramota" ["Safe conduct"] and in his autobiography "Ljudi i položženija" ["People and Situations"]; the two versions of the poem: "Improvizacija" ["Improvisation"] of 1915 and "Improvizacija na rojale" ["Improvisation on the Piano"] of 1946). That such a movement may be interpreted not only in the light of individual causes, but also as a certain regularity in the development of the European avant-garde, is attested by the creative movement of Mayakovsky, Zabolotsky, and the poets of the Czech avant-garde. Generally speaking, development from an orientation toward the speaker to an orientation toward the hearer is not the only possible one; among Pasternak's contemporaries, a reverse development is characteristic of Mandelstam and particularly of Akhmatova ("Poëma bez geroja" ["Poem Without a Hero"] in comparison with earlier works).

3.2.3. We should ascertain to what degree the distinction between two polar types of literary and artistic styles: Renaissance–baroque, baroque–classicism, classicism–romanticism – which with respect to Slavic literatures of various periods was most clearly outlined by Julian Krzyżanowski – may be correlated with the hearer-oriented type of culture (the early Middle Ages, the baroque, romanticism, the literature of the avant-garde – *Młoda Polska* [Young Poland] and the like). Within each of such oppositions in turn, possible distinctions can be drawn according to the analogous feature (with which we can associate the existence of such intermediate types as Mannerism). The late chronology of the inclusion in Slavic cultures of styles oriented toward the hearer can be associated in a number of cases with the existence within these styles of features which are closer to styles having an orientation toward the speaker (the baroque within the Slavic late Renaissance, and the like). Certain general features linking styles with the orientation toward the speaker permit us to raise the question of far-reaching stylistic similarities (for example, in individual poems by Norwid from *Vademecum* and in Tsvetaeva's poetry) irrespective of absolute chronology.

3.2.4. Since memory is incorporated into the channel of communication between sender and receiver in cultures possessing the means of externally fixing the message, a distinction is made between the potential receiver ("my distant descendant" in Baratynsky's poetry) and the actual receiver. The aggregate of

actual receivers is linked with the sender in an inverse relationship. Specifically, by means of such an aggregate a collective selection is made of the entire set of texts, those selected conforming to the esthetic norms of the age, the generation, and the social group. The mechanism of such a selection may be modelled by means of an apparatus similar to the one elaborated in the cybernetic model of evolution. Since from the information-theory point of view the amount of information is defined for a given text in relation to the entire set of texts, it is possible at the present time to describe more clearly the real role of "minor writers" in the collective selection which prepares generation of the text carrying maximum information. The individual selection made by the writer (and reflected in rough drafts, for example) may be regarded as a continuation of the collective selection, a continuation which he sometimes directs but often rejects. From this point of view it may prove useful to investigate the factors hindering the selection.

The existence of memory in the channel of communication can also be associated with the reflection, in the structure of genres, of communication features which sometimes can be traced back to the preceding period (the "genre memory", according to M. M. Bakhtin).

4.0.0. In defining culture as a certain secondary language, we introduce the concept of a "culture text", a text in this secondary language. So long as some natural language is a part of the language of culture, there arises the question of the relationship between the text in the natural language and the verbal text of culture. The following relationships are possible here:

- (a) The text in the natural language is not a text of the given culture. Such, for example, for cultures oriented toward writing, are all texts whose social functioning implies the oral form. All utterances to which the given culture does not ascribe value and meaning (and does not preserve, for example), from its point of view, are not texts.¹³
- (b) The text in the given secondary language is simultaneously a text in the natural language. Thus a poem by Pushkin is at the same time a text in the Russian language.¹⁴
- (c) The verbal text of the culture is not a text in the given natural language. It may at the same time be a text in another natural language (a Latin prayer for a Slav), or else it may be formed by the irregular transformation of some level of a natural language (cf. the functioning of such texts in children's culture).

¹³ We should distinguish the nontext from the "antitext" of a given culture: the utterance which the culture does not preserve from the utterance which it destroys.

¹⁴ Rare but possible are cases in which the realization of some message as a text in the given language is determined by the fact that it belongs to a text of the culture.

In the poetic texts of Khlebnikov there are fragments which in their phonological structure (*bobeobi*), morphological or lexical composition (*lukaet lukom* 'it arches by the arch', *smejanstvuet smehami* 'he laughing-nessifies with laughters', and other neologisms based on a revival of the archaic device of *figura etymologica*, which has been characteristic of Slavic poetry beginning with the most ancient period) and syntactic constructions (*ty stoish' chto delaja* 'you're standing there doing what?') are not included among the correctly constructed texts, from the point of view of the common language.

But each such fragment, owing to its inclusion in a text recognized as grammatical from the point of view of poetry, thereby becomes a fact of the history of the language of Russian poetry. Analogous phenomena at earlier stages of evolution can be noted with respect to those forms of folklore, for example to *nebyval'schina* and *nelepica* (fantastic and absurd texts of Russian folklore), where a breach of the semantic standards accepted in the common language becomes a basic compositional principle.

4.0.1. Also essential is the question about the construction of the typology of cultures in connection with the correlation of text and function. By text we imply only a message which is constructed within the given culture according to definite generative rules.¹⁵ In a more general form this tenet is applicable to any semiotic system. Within another language or another system of languages the same message may not be a text. Here we can see a general semiotic analogue of the linguistic concept of grammaticalness, which is of cardinal importance to the modern theory of formal grammars. Not every linguistic message is a text from the point of view of culture, and conversely, not every text from the point of view of culture is a correct message in a natural language.

4.1.1. The traditional history of culture takes into consideration for each chronological section only "new" texts, texts created by the given age. But in the real existence of culture, texts transmitted by the given cultural tradition or introduced from the outside always function side by side with new texts. This gives each synchronic state of culture the features of cultural polyglotism. Since on different social levels the speed of cultural development may not be identical, a synchronic state of culture may include its diachrony and the active reproduction of "old" texts. Cf., for example, the vigorous existence of pre-Petrine culture among the Russian Old-Believers of the eighteenth and nineteenth centuries and partly also today.

¹⁵ This sentence has been corrected using the translation from Portis Winner and Winner 1976: 109 (Portis Winner, Irene; Winner, Thomas G. 1976. The semiotics of cultural texts. *Semiotica* 18(2): 101-156).

5.0.0. The place of the text in the textual space is defined as the sum total of potential texts.

5.0.1. The connection between the semiotic concept of the text and traditional philological problems is especially clearly evident in the example of Slavistics as a field of knowledge. The object of Slavic studies has invariably been a certain sum of texts. But as scientific thought and the overall movement of culture on which it is based progress, the same works may sometimes gain and sometimes lose the ability to appear as texts. A significant example in this regard is the literature of Old Russia. If the number of sources here is relatively stable, the list of texts varies significantly from one scholarly school to another and from one investigator to another, since it reflects a formulated or an implicit concept of the text which always correlates with the conception of Old Russian culture. The sources which do not satisfy this concept are transferred to the category of "nontexts". An obvious example is the hesitation of literary scholars in designating some works as artistic texts according to the extent to which they satisfy the concept of the "artistic culture of the Middle Ages".

5.1.0. A broad conception of the study of texts would be in accordance with traditional methods of Slavistics, which even previously embraced both synchronically interpreted Slavic texts (for example, those written in Old Church Slavonic) and texts of different periods compared on the diachronic level. It appears important to emphasize at this point that a broad typological approach removes the absoluteness from the opposition of synchrony and diachrony. In this connection it is worth noting the special function of languages which claim the role of the basic instrument of interlingual communication and of the connecting link between different ages at least in certain parts of the Slavic area, and first of all the role of Old Church Slavonic and of the texts written in its various recensions. Therefore together with the relationship between synchrony and diachrony we can also suggest the problem of the panchronic functioning of language (in this specific case Old Church Slavonic served primarily as the language for Orthodox communication). This appears all the more significant because with respect to an absolute time scale different Slavic cultural traditions are organized in different ways (cf., on the one hand, the abundance of vestiges of proto-Slavic antiquity in the East Slavic area in the sphere which may be called "lower culture" and, on the other hand, the encroachment of certain areas, particularly West Slavic and parts of South Slavic, upon other cultural zones), which accounts for discreteness in the structure of the diachrony of these Slavic cultures, in contrast to the continuity of other traditions.

5.2.0. For a historical reconstruction as applied to Slavic texts, a synchronic comparison of texts belonging to different Slavic linguistic traditions may in a number

of cases yield more than a comparison within the same evolutionary series. In this way it is possible to obtain fruitful results in the solution of the traditional philological problem of the reconstruction of texts unavailable to the investigator. For minimal texts – the combination of morphemes in words or separate morphemes – such an approach is practically realized in Slavic comparative-historical linguistics. At present it can be extended to the entire field of the reconstruction of Slavic antiquities – from metrics to the genre characteristics of folklore texts, mythology, ritual (understood as text), music, dress, ornaments, life style, and others. The abundance of the various influences of other traditions with respect to the latest periods (for example, of Eastern – and later Western European – forms of dress with respect to the history of the costumes of East Slavic peoples) makes the diachronic development to a great extent discontinuous as a result of far-reaching breaches of traditions). In order to reconstruct initial Common Slavic forms, an analysis of this development may be important chiefly in the aspect of the segmentation of later features. A more effective way of solving the same problem of diachronic stratification and of projection of the most ancient layer on the Common Slavic period may be a comparison of synchronic sections of each of the Slavic traditions.

5.2.1. Practically speaking, the reconstruction of texts is the concern of all philologists – from specialists in Slavic antiquities and folklore to investigators of the literature of modern times (the reconstruction of the author's intention or of a work of art, the restoration of lost texts and parts of them, the reconstruction of the reader's interpretation from the opinions of contemporaries, the reconstruction of oral sources and of their place in the system of a written culture; in studying the history of the theatre and dramatic art the object of investigation is primarily reconstruction, etc.). To a certain extent every reading of a poetic manuscript is a reconstruction of the creative process and a successive removal of superimposing layers; cf. the approach to the reading of a manuscript as a reconstruction in the Pushkin scholars' textual criticism of the 1920's, 30's, and 40's. The empirical material accumulated in various fields of Slavic philology permits us to raise the question of the creation of a general theory of reconstruction based on a common system of postulates and formalized procedures. In so doing, a deliberate approach to the problem of levels of reconstruction appears essential, i.e. the idea that different levels of reconstruction require different procedures and lead to specific results in each case. Reconstruction may be carried out at the highest level, the purely semantic level, which in the final analysis we transfer to the language of certain universal notions.

But in the formulation of a number of problems, there may occur a uniform overlapping of the reconstructed material into other structures of the same national culture. As semantic messages are recoded on the lower levels, more and more specific problems are solved, even including those which directly link the reconstruction of the text with linguistic investigations. The most conspicuous

results of reconstruction have been achieved on the extreme levels corresponding to the semiotic categories of the signified (*signifié*) and the signifier (*signifiant*), which is perhaps related to the fact that it is precisely these levels which to the greatest degree correspond to textual reality, whereas the intermediate levels are to a greater extent correlated with the metalinguistic system assumed in description.

5.2.2. The representation of a text in a natural language might be described by proceeding from an idealized diagram of the work of an automatic machine which would transform the text, successively developing it from the general intention to the lower levels; in this transformation each of the levels or some combination of different levels might in principle correspond to the recoding of the text by means of an output mechanism (see Fig. 1). If the output mechanism in Fig. 1 corresponds to the phoneme level, this means that the message transmitted by means of this mechanism is a sequence of phonemes, i.e., in the transmitter (understood according to the information-theory model of message transmission) each of the phonemes in the code table is compared with a certain letter-signal; an example might be a letter script of the Serbian and Croatian type. But if the output mechanism corresponds to the level of the general intention of the text, then this means that the message transmitted by means of this mechanism represents a general idea of the text in a still unsegmented form, i.e., in the transmitter this idea is compared with its coding symbol (the possibility cannot be ruled out that this symbol is the only one forming the entire code and is thereby an extrasystemic sign). As an example we can cite such general symbols as, for example, suns, pictures of birds and horses, or combinations of all three of these symbols in a vegetative design forming a single text; with respect to the most ancient period, which coincides with the Proto-Slavic, they represented a single text having a strict relationship of its symbols-as-elements – both with the common semantics for the whole text and the completely defined semantics of each element; as for their subsequent reflections in individual Slavic traditions (for example, in the decorative designs on spinning wheels, sleighs, carriages, various utensils – chests, trunks – embroidery on clothing, carved wooden ornaments – particularly on the roofs of houses – on ritual goods made of pastry – pies, round loaves – on children's toys, etc.) they appear as parts of a secondary text constructed by “intermingling” original component parts, which lose their syntactic function as the fundamental semantics of the text is forgotten. For the earlier period the reconstruction of the text describing the world tree, the luminaries above it, and the birds and animals arranged on and near it, is confirmed by the existence, in all the principal Slavic traditions, of verbal texts of various genres (charms, riddles, songs, tales) which completely coincide with one another. At the same time it turns out that such a reconstruction of the text corresponds, on the one hand, to a common Indo-European reconstruction made without regard for Slavic data on the basis of the

coincidence of Indo-Iranian texts with Old Icelandic ones, and on the other hand, to typologically similar texts of various Eurasian shamanist traditions.

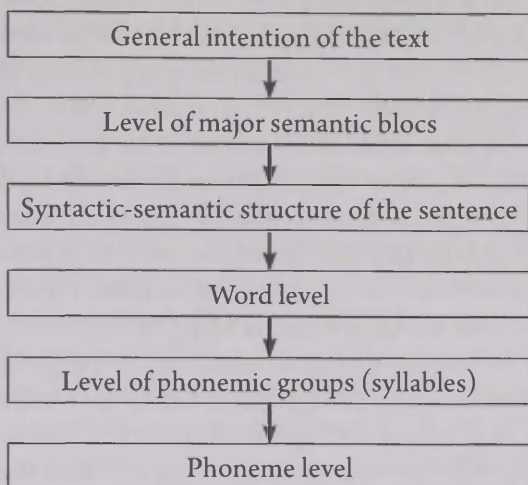

Fig. 1. General diagram of the recoding of a linguistic text by levels.

5.2.3. For such reconstructions, even when it is impossible to find the linguistic elements which embody the text on the lower level, its semantic reconstruction is facilitated by the typological similarity of cultural complexes using, practically speaking, a single set of basic semantic oppositions (of the type reconstructed for Proto-Slavic: fortune–misfortune, life–death, sun–moon, land–sea, etc.). In such cases we can also advance a hypothesis concerning similar possibilities of the social interpretation of such systems; in this connection we should note the possibility of also including in the appropriate cultural complexes (understood in the broad sense for the most ancient periods, given a certain type of social organization) such manifestations of social structures as the shape of settlements and houses, rules, instructions, and prohibitions concerning permissible and especially compulsory types of marriages and the characteristics of the functioning of kinship terms associated with them. Therefore the data obtained in the application of structural methods to the reconstruction of Slavic antiquities prove to be significant not only for the history of culture in the narrow sense, but also for the investigation of the early stages of the social organization of the Slavs (as well as for the interpretation of archeological data). This once again confirms the real unity of Slavistics as the study of Slavic antiquities understood as a single semi-otic whole, and of the latest transformation and differentiation of the respective traditions.

6.0.0. From the semiotic point of view culture may be regarded as a hierarchy of particular semiotic systems, as the sum of the texts and the set of functions correlated with them, or as a certain mechanism which generates these texts. If we regard the collective as a more complexly organized individual, culture may be understood by analogy with the individual mechanism of memory as a certain collective mechanism for the storage and processing of information. The semiotic structure of culture and the semiotic structure of memory are functionally uniform phenomena situated on different levels. This proposition does not contradict the dynamism of culture: being in principle the fixation of past experience, it may also appear as a program and as instructions for the creation of new texts. Moreover, it is possible given a fundamental orientation of culture toward *future experience* to construct a certain conditional point of view from which the future appears as the past. For example, texts are being created which *will be* stored by our descendants; people who perceive themselves as “public figures of the age” seek to perform historic deeds (acts which in the future will become memory). Cf. the aspiration of people of the eighteenth century to choose heroes of antiquity as programs for *their own* behavior (the image of Cato is the distinctive code which deciphers the entire lifelong behavior of Radischev, including his suicide). The essence of culture as memory is especially clearly shown in the example of archaic texts, particularly folklore texts.

6.0.1. Not only do the participants in communication create texts, but the texts also contain the memory of the participants in communication. Therefore the assimilation of texts of another culture leads to the transmission through the centuries of certain structures of personality and types of behavior. The text may appear as a condensed program of the whole culture. The assimilation of texts from another culture results in the phenomenon of *polyculturality*, in the possibility, while remaining within one culture, of choosing conventional behavior in the style of another. This phenomenon occurs only at certain stages of social development, and as an outward sign specifically affords the possibility of choosing a type of clothing (cf. the choice between the “Hungarian”, “Polish”, or “Russian” dress in the Russian culture of the late seventeenth and early eighteenth centuries).

6.0.2. For the period beginning with the Proto-Slavic and continuing in individual Slavic traditions down to modern times, the collective mechanism for the storage of information (“memory”) ensures the transmission from generation to generation of fixed rigid schemes of texts (metric, translanguistic, etc.) and whole fragments of them (*loci communi* with respect to folklore texts). The most ancient sign systems of this type – in which literature is reduced to the embodiment, by means of ritual formulas, of mythological plots handed down from generation to generation – on the level of social interpretation may be synchronized with rigidly determined systems of relationships in which all possibilities are covered

by rules correlated with the mythological past and with cyclical ritual. On the contrary, more advanced systems, in groups whose behavior is regulated by the memory of their real history, correlate directly with the type of literature in which the basic principle becomes the search for devices which are statistically the least frequent (and which therefore carry the greatest amount of information). Similar arguments might also be advanced with respect to other areas of culture in which the very concept of development (i.e., of direction in time) is inseparable from the accumulation and processing of information, which is gradually used to introduce appropriate corrections into programs of behavior; this accounts for the regressive role of the artificial mythologization of the past, which creates myth in place of historical reality. In this sense the typology of the attitudes toward the Common Slavic past may prove useful in the investigation of the legacy of the Slavophiles and of its role. We can take into account the possibilities of a diachronic transformation of Indo-European culture such that it does not always assume development in the direction of complexity of organization (complexity is understood here on the purely formal level as a function of the measure of the number of elements, of the characteristics of their order and the relations between them, and of the regularity of the entire culture). Modern investigations of reconstructed Indo-European forms in their relation to Proto-Slavic forms permit us to raise the question of the possibility in certain cases of movement not in the direction of increasing the amount of information but in the direction of increasing the amount of entropy in Common Slavic texts in comparison with Common Indo-European texts (and sometimes also in individual Slavic as compared with Common Slavic texts). In particular, dual exogamic structures, which apparently correlate with the binary symbolic classification reconstructed for proto-Slavic, represent a more archaic layer than structures reconstructed for Common Indo-European; but that may be explained not by the greater archaicism of the Slavic world but by certain secondary processes which have resulted in the simplification of structures. In all such cases, in the process of reconstruction there occurs the problem of eliminating the noise superimposed on the text as it is transmitted through the diachronic channel of communication between generations. In this connection, phenomena revealed in secondary modelling systems can be compared with the evident decrease in complexity (and increase in simplicity) of the organization of the text on the morphological level during the transition from the Indo-European to the (late) Proto-Slavic period during which the law of open syllables was operating (by simplicity here we mean a decrease in the number of elements and the rules for their distribution).

6.1.0. For the functioning of culture and accordingly for the substantiation of the necessity of employing comprehensive methods in studying it, this fact is of fundamental significance: that a single isolated semiotic system, however perfectly it may be organized, cannot constitute a culture – for this we need as a minimal

mechanism a *pair* of correlated semiotic systems. The text in a natural language and the picture demonstrate the most usual system of two languages constituting the mechanism of culture. The pursuit of heterogeneity of languages is a characteristic feature of culture.

6.1.1. In this connection particular significance is attached to the phenomenon of bilingualism, which is extraordinarily important for the Slavic world and which in many respects determines the specific character of Slavic cultures. Despite the great diversity of the specific conditions of bilingualism in different Slavic spheres, the *other* language usually appeared as hierarchically higher, serving as the standard model for the formation of texts. The same orientation toward the "foreign" language may be found when there occurs in the culture a movement toward the democratization of linguistic means. Thus Pushkin's remark that one ought to study the language of the *prosvirnyj* women in Moscow who baked a special kind of cakes implies a treatment of the popular language as a different language. This principle is revealed when a socially lower system becomes axiologically higher. The specific functions of the second Slavic language (usually Old Church Slavonic) in such a pair of structurally equivalent languages makes the material of Slavic cultures and languages especially valuable, not only for the investigation of problems of bilingualism but also for explaining a number of processes hypothetically associated with bilingualism and polylingualism (the origin of the novel and the role of bilingualism and polylingualism for that genre, the approximation to the spoken language as one of the social functions of poetry; cf. the idea of the "secularization" of the language of Russian poetry in articles by Mandelstam).

6.1.2. In view of the indisputable connections established through linguistic means of presenting texts, among the texts studied by the various branches of Slavistics we may include texts which are written in admittedly non-Slavic languages but which are functionally significant in their opposition to the corresponding Slavic languages (the Latin of the scholarly works of Jan Hus as distinct from Old Czech; the French of Tyutchev's articles). In this connection it may be of particular interest to analyze Latin and Italian texts in comparison with Slavic texts during the period of Renaissance bilingualism in the West and Southwest Slavic world (cf. the characteristic Latin-Polish and Italian-Croatian macaronic verse texts of later baroque times), and to analyze French texts in comparison with their Russian equivalents in the Russian literature of the first half of the nineteenth century (the same poem by Baratynsky in French and Russian, Pushkin's French notes in comparison with his Russian works which in part parallel them), as well as French-Russian bilingualism represented and used as a literary device in the nineteenth-century Russian novel or in comic verse, for instance by Myatlev.

6.1.3. As a system of systems based in the final analysis on a natural language (this is implied in the term “secondary modelling systems”, which are contrasted with the “primary system”, that is to say, the natural language), culture may be regarded as a hierarchy of semiotic systems correlated in pairs, the correlation between them being to a considerable extent realized through correlation with the system of the natural language. This connection appears especially clearly in the reconstruction of Proto-Slavic antiquities on account of the greater syncretism of archaic cultures (cf. the connection between certain rhythmic and melodic types and metrical ones, which in their turn are conditioned by rules of syntactic prosody; the direct reflection of ritual functions in the linguistic denotations of such elements of ritual texts as the names of ceremonial foods).

6.1.4. The proposition concerning the insufficiency of only one natural language for the construction of culture can be connected with the fact that even a natural language itself is not a strictly logical realization of a single structural principle.

6.1.5. The degree of the awareness of the unity of the entire system of systems within a given culture varies, which by itself may be regarded as one of the criteria of a typological evaluation of a given culture. This degree is very high in the theological structures of the Middle Ages and in those later cultural movements in which, as among the Hussites, we can see a return to the same archaic conception of the unity of culture but charged with a new content. However, from the point of view of the modern investigator, culture, whose representatives conceive of it as uniform, proves to be organized in a more complex manner: within medieval culture we can distinguish the layer of “unofficial carnival phenomena” discovered by M. M. Bakhtin’s school (which in the Slavic area are continued in such texts as the Old Czech mystery play *Unguentarius*); Hussite literature reveals a significant opposition of Latin scholarly texts and works of journalistic literature addressed to a different (mass) audience. Certain periods having a characteristic literary orientation toward the sender of the message are at the same time specifically characterized by a maximally extensive set of denotata and concepts within messages originating with the same author (Comenius, Bošković, Lomonosov), which may serve as an additional argument in favor of the unity of culture (including in these cases both the natural sciences and some disciplines of the humanities, etc.). This cultural unity is of exceptional significance for a strict substantiation of the subject of Slavistics itself as the study of the synchronic and diachronic functioning of cultures related through their correlation with the same Slavic language or else with two Slavic languages, one of them being Old Church Slavonic in a number of cultures. Knowledge of the community of the linguistic traditions used in each of the given cultures serves (not only in theory but also in the practical behavior of the bearers of the respective traditions) as a prerequisite for the realization of their differences. For the Slavic world these differences are connected not so

much with the purely linguistic (morphonological) rules of recoding – which given their relative simplicity might not impede mutual understanding – as with cultural and historical (for the early periods primarily denominational) differences. It thereby clearly becomes necessary to study Slavic cultures in such a way that, while continually bearing in mind the connecting role of linguistic community, we go beyond linguistics proper and take into account all the extralinguistic factors which have specifically affected language differentiation. Thus the analysis of Slavic cultures and languages may prove to be a convenient model for investigating the interrelations between natural languages and secondary (supralinguistic) semiotic modelling systems.

Under secondary modelling systems we understand such semiotics systems, with the aid of which models of the world or its fragments are constructed. These systems are secondary in relation to the primary system of natural language, over which they are built – directly (the supralinguistic system of literature) or in the shape parallel to it (music, painting).¹⁶

6.2.0. In the system of culture-generating semiotic oppositions a special role is played by the opposition of discrete and nondiscrete semiotic models (discrete and nondiscrete texts), as a particular manifestation of which the antithesis of verbal and iconic signs may appear. This gives new meaning to the traditional problem of the comparison of the fine arts and the verbal arts: we can speak of their need of each other in order to form the mechanism of culture and of their need to be different according to the principle of semiosis, that is to say, on the one hand equivalent, and on the other hand not entirely mutually convertible. Since different national traditions possess a different logic, rate of evolution, and receptivity to foreign influences within discrete and non-discrete text-generating systems, the tension between them creates the possibility of a great variety of combinations of what is essential, for example, for the construction of a historical typology of Slavic cultures. It may be of particular interest to uncover the same regularities of the construction of a text (of a typical baroque text, for example) using material of predominantly continuous (pictorial) and predominantly discrete (verbal) texts. On this level an important problem is that of film making as an experiment in translating a discrete verbal text into a continuous one which is merely accompanied by fragments of the discrete (for example, Iwaszkiewicz's *Birch Wood* and Wajda's television film of it, in which the role of the verbal text is reduced to a minimum in view of the significance of the music for the film's sound track).

7.0.0. One of the fundamental problems of the study of the semiotics and typology of cultures is the formulation of the question of the equivalence of structures,

¹⁶ This last paragraph was absent in the English version of 1973. Here added using the translation from Portis Winner, Winner 1976: 136.

texts, functions. Within a single culture the problem of the equivalence of texts occupies a prominent place. This problem underlies the possibility of translation within a single tradition. In this process, so long as equivalence is not identity, translation from one system of text to another always includes a certain element of untranslatability. Given a semiotic approach, it is specific texts which are correlative and identifiable according to the principles of organization, and not the systems, which preserve their autonomy no matter how extensive may be the identity of the texts they generate. Therefore the task of reconstructing texts in different sublanguages sometimes proves to be more attainable than the reconstruction of those sublanguages themselves. The latter problem must often be solved by relying on typological comparisons with other cultural areas. In conformity with the traditional aims of Slavistics, comparativistic problems may be interpreted here as the transmission of texts through different channels.

7.0.1. In so doing it is essential to distinguish three cases: the transmission of a certain text in another Slavic language through a channel from which it issues in another Slavic language (the simplest example is translation from one Slavic language to another: Polish-Ukrainian-Russian relations in the sixteenth and seventeenth centuries); the transmission of a certain text created in a different tradition through two (or more) such channels (the simplest example is the various recensions of Old Church Slavonic translations of the gospel: translations of the same text of Western literature into different Slavic languages); finally, the transmission of a text through channels of which only one is ultimately represented by its realization in a Slavic language (the case in which literary or other cultural contacts within the Slavic area are limited to only one national or linguistic tradition) as, for example, a number of phenomena associated with Turkish-Bulgarian lexical contact; among the latter types of phenomena we can apparently include relations between the minnesong and forms of the Old Czech love-lyric texts (*vičerný*). The relatively lesser significance of the third case in comparison with the first two supports the view according to which the history of Slavic literatures must be constructed primarily as a comparative one. Against the background of the presence of some phenomenon in other Slavic traditions, its absence or the struggle against it (for example, Byronism in Slovak literature) proves especially significant. Transmission on relatively high levels (particularly on the level of the figurative and stylistic organization of the text) is typical of the Slavic documents of the late Middle Ages. This explains, on the one hand, the complexity of their organization (conditioned by the length of their evolution and of the collective selection of texts not in the Slavic world but within the Byzantine tradition) and, on the other hand, their relatively low value (speaking of the higher levels and not of the level of the language vocabulary proper) for Proto-Slavic reconstructions. The reflection – during transmission – in the Slavic area of a tradition explained by a prolonged preliminary selection of texts appears important both for the his-

tory of the literature of sixteenth century Dalmatia and for a number of Slavic literatures of recent centuries. A special case is represented by a transmission in which the character of the upper levels of the text essentially changes, while a number of essential features of the lower levels – particularly of the iconic levels – remain the same, as occurred in the identification (on the lower levels, which for a certain audience are the most significant) of East Slavic pagan gods with Orthodox saints (cf. such pairs as Volos and Saint Blaise, Mokosh and Paraskeva Pyatnitsa; the reflection of the ancient cult of twins in the rites of Flor and Lavra). The problem of Slavic-non-Slavic contacts and of the transmissions associated with them requires a very broad understanding of the entire culture under consideration, including the “sublinguistic systems” of custom, life style, and technology (including trades); non-Slavic influences – frequently more noticeable in these areas (and in the spheres of linguistic terminology directly associated with them) – only in subsequent stages can be detected in the secondary supra-linguistic systems, which here clearly reveal how they differ in principle from the “sublinguistic” systems, which are not constructed on the basis of the signs and texts of a natural language and cannot be transposed in them. In contrast with this principle, which was characteristic of the late periods of contact with Western cultural zones, the earlier contacts with Byzantium affected primarily the sphere of secondary modelling systems.

7.1.0. There is a difference between the transposition of texts within the same cultural tradition and the typologically similar translation of texts belonging to different traditions. For the Slavic cultural world, for strictly linguistic reasons (we have in mind the similarity preserved on different levels and the role of the Old Church Slavonic element) translation often coincides with reconstruction. This applies not only to obvious lexical and phonological correspondences but also, for example, to such phenomena as the anticipation of the reconstruction of Proto-Slavic metrical schemes in the rhythmic system of the “*Pesni zapadnyh slavjan*” [“Songs of the Western Slavs”] of Pushkin, who intuitively compared the same two traditions – East Slavic and Serbo-Croatian – on which modern, reconstructions are based. Cf. also J. Tuwim’s experiments in the modelling of the phonetic structure of Russian speech within the Polish verse line given his deliberate rejection of an orientation toward lexical correspondences. In the light of this conception it is appropriate to point out the historical merit of Križanić and – in times closer to our own – the analogous approach characteristic of Baudouin de Courtenay, in whose opinion the correspondence between the Slavic languages represents a phonetic translation.

8.0.0. The view according to which cultural functioning is not achieved within the framework of any one semiotic system (let alone within a level of the system) implies that in order to describe the life of a text in a system of culture or the inner

working of the structures which compose it, it does not suffice to describe the immanent organization of separate levels.¹⁷ We are faced with the task of studying the relations between the structures of different levels. Such interrelations may be revealed both in the appearance of intermediate levels and in the structural isomorphism sometimes observed on different levels. Thanks to the occurrence of isomorphism we can pass from one level to another. The approach which is summarized in these theses is characterized by primary consideration for recodings when passing from one level to another, in contrast to the immanent descriptions of levels at earlier stages of formalized descriptions. From this point of view, the "Anagrams" of F. de Saussure turn out to be more modern than the purely immanent experiments of the early stages of formal literary criticism.

8.0.1. Switching from one level to another may occur with the help of rewriting rules, in which an element represented on a higher level by one symbol is expanded on a lower level into a whole text (which given a reverse order of passage is understood accordingly as a separate sign included in the broader context). Here, as in other such cases discovered in modern linguistics, the order of rules describing the operations of the synchronic synthesis of the text may coincide with the order of diachronic development (cf. the coincidence of the order of the rules for the synchronic synthesis of the word form from its constituent morphemes, with the diachronic phenomenon of deetymologization as described in the history of the Slavic noun). Herein both in synchronic and diachronic description preference is given to context-bound rules, where for each symbol x the context $A-B$ is indicated, in which it is rewritten as text T :

$$x \rightarrow T(A-B)$$

8.0.2. In recent years the interest of specialists in structural poetics has been concentrated on the study of interlevel relations; so onomatopoeia, for example, is studied not without regard for sense but in relation to sense. The process of recoding by level interweaves the result of different stages of the reduction of parts of a synthesized text to a sign, which is really embodied in the auditory or optic signal. The possibility of experimentally dividing the different stages in the process of synthesizing a literary text remains problematical because its surface structure, which is defined by formal limitations, may influence the deep figurative structure. This specifically follows from the ratio discovered on the basis of poetics, $\beta \leq \gamma$, according to which, given an increase in the coefficient β , which indicates the extent of the limitations imposed on the poetic form, there must be an increase in the quantity γ , which defines the flexibility of the poetic language, i.e., specifically, of the number of synonymous paraphrases achieved through transferred

¹⁷ This sentence has been corrected using the translation from Portis Winner, Winner 1976: 138.

and figurative word usage, unusual word combinations, and the like. Therefore the discovery of the extent of formal limitations in works on comparative Slavic poetics, the establishment of such information-theory parameters of individual Slavic languages as flexibility (γ) and entropy (H), and the specification of the aims and possibilities of translation from one Slavic language to another, turn out to be different aspects of the same problem, which may be investigated only on the basis of preliminary research in each of those fields.

9.0.0. In the union of different levels and subsystems into a single semiotic whole – “culture” – two mutually opposed mechanisms are at work:

- (a) The tendency toward diversity – toward an increase in differently organized semiotic languages, the “polyglotism” of culture.
- (b) The tendency toward uniformity – the attempt to interpret itself or other cultures as uniform, rigidly organized languages.

The first tendency is revealed in the continual creation of new languages of culture and in the irregularity of its internal organization. Different spheres of culture have inherent in them a different extent of internal organization. While creating within itself sources of maximum organization, culture also has need of relatively amorphous formations which only resemble structure. In this sense it is characteristic to distinguish systematically, within the historically given structures of culture, spheres which are to become, as it were, a model of the organization of culture as such. It is especially interesting to study various artificially created sign systems which strive for maximum regularity (such, for example, is the cultural function of the ranks, dress coats, and badges of rank in the “regular” state of Peter the Great and his successors – the very idea of “regularity”, in becoming a part of the uniform cultural unity of the age, constitutes an additional quantity in the motley irregularity of the real life of those times). Of great interest from this point of view is the study of metatexts: instructions, “regulations”, and directions which represent a systematized myth created by culture about itself. Significant in this respect is the role played at different stages of culture by language grammars as models of organizing, “regulating” texts of various kinds.

9.0.1. The role of artificial languages and of mathematical logic in the development of such branches of knowledge as structural and mathematical linguistics or semiotics can be described as one of the examples of the creation of “sources of regularity”. At the same time these sciences themselves in the overall complexity of twentieth-century culture play, on the whole, an analogous role.

9.0.2. The essential mechanism which imparts unity to the various levels and subsystems of culture is its model of itself, the myth of the culture about itself which appears at a certain stage. It is expressed in the creation of autocharacteristics

(for example, metatexts of the type of Boileau's *L'art poétique*, which is especially typical of the age of classicism; cf. the normative treatises of Russian classicism), which actively regulate the construction of culture as a whole.

9.0.3. Another mechanism of unification is the orientation of culture. A certain particular semiotic system becomes significant as the prevailing system, and its structural principles penetrate the other structures and the culture as a whole. Thus we may speak of cultures oriented toward writing (text) or toward oral speech, toward the word and toward the picture. There may exist a culture oriented toward a culture or toward the extracultural sphere. The orientation of culture toward mathematics in the Age of Reason or (to a certain extent) at the beginning of the second half of the twentieth century may be compared with the orientation of culture toward poetry during the period of romanticism or symbolism.

The orientation toward cinema is connected to such traits of twentieth century culture as the dominance of the montage principle (beginning with cubistic constructions in painting and poetry, chronologically preceding the ascendancy of the montage principle in silent film; cf. also later "cine-eye"-type experiments in prose, consciously imitating the montage principles of documentary films in their construction; another characteristic example of this is the parallelism of the combination of different temporal segments in cinema, contemporary theatre, and prose, e.g. Bulgakov's), the employment and opposition of different points of view (the increase in the relative amount of narration, free indirect speech and inner monologue in prose is related to this; such artistic practice also coincides with the pervasive and, in the case of a number of researchers, conscious parallelism in the conceptualization of the meaning of point of view for the theory of prose, theory of painting, and theory of cinema), the prevalence of concentrating on details presented in close-ups (the metonymic trend in fiction; this stylistic dominant is also related to the importance of detail as a key to narrative structure in popular literary genres, such as detective fiction).¹⁸

9.1.0. Scientific investigation is not only an instrument for the study of culture but is also part of its object. Scientific texts, being metatexts of the culture, may at the same time be regarded as its texts. Therefore any significant scientific idea may be regarded both as an attempt to cognize culture and as a fact of its life through which its generating mechanisms take effect. From this point of view we might raise the question of modern structural-semiotic studies as phenomena of Slavic culture (the role of the Czech, Slovak, Polish, Russian, and other traditions).

¹⁸ This last paragraph was absent in the English version of 1973. Translated by Tanel Pern.

Тезисы к семиотическому изучению культур (в применении к славянским текстам)¹⁹

ЮРИЙ М. ЛОТМАН,
ВЯЧЕСЛАВ ВС. ИВАНОВ,
АЛЕКСАНДР М. ПЯТИГОРСКИЙ,
ВЛАДИМИР Н. ТОПОРОВ,
БОРИС А. УСПЕНСКИЙ

1.0.0. При изучении культуры исходной является предпосылка, что вся деятельность человека по выработке, обмену и хранению информации обладает известным единством. Отдельные знаковые системы, хотя и предполагают имманентно организованные структуры, функционируют лишь в единстве, опираясь друг на друга. Ни одна из знаковых систем не обладает механизмом, который обеспечивал бы ей изолированное функционирование. Из этого вытекает, что наряду с подходом, который позволяет построить серию относительно автономных наук семиотического цикла, допустим и другой, с точки зрения которого все они рассматривают частные аспекты *семиотики культуры*, науки о функциональной соотнесенности различных знаковых систем. С этой точки зрения особый смысл получают вопросы об иерархическом построении языков культуры, распределении сфер между ними, о случаях, когда эти сферы перекрещиваются или только граничат.

1.1.0. При исследованиях семиотико-типологического характера понятие культуры воспринимается как исходное. При этом следует различать взгляд на культуру с ее собственной точки зрения и с точки зрения составления описывающей ее научной метасистемы. С первой позиции, культура будет иметь вид некоторой отграниченной области, которой противостоят вне ее лежащие явления человеческой истории, опыта или деятельности. Таким образом, понятие культуры неотъемлемо связано с противопоставлением

¹⁹ Впервые опубликовано: Иванов, В. В.; Лотман, Ю. М.; Пятигорский, А. М.; Топоров, В. Н.; Успенский, Б. А. 1973. Тезисы к семиотическому изучению культур (в применении к славянским текстам). In: Maenowa, Maria Renata (ed.), *Semiotyka i struktura tekstu. Studia poświęcone VII Międzynarodowemu kongresowi slawistów: Warszawa 1973*. Wrocław: Ossolineum, Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 9–32.

ее «не-культуре». То, по какому принципу это делается (антитеза истинной религии – ложной, просвещения – невежеству, принадлежности определенной этнической группе – невхождению в нее и т. п.), – принадлежит типу данной культуры. Однако само противопоставление включенности в некоторую замкнутую сферу и исключенности из нее составляет значительную особенность осмысления понятия культуры с «внутренней» точки зрения. При этом происходит характерная абсолютизация противопоставления: кажется, что культура не нуждается в своем «внешнем» контрагенте и может быть понята имманентно.

1.1.1. С этой точки зрения определение культуры как области организации (информации) в человеческом обществе и противопоставление ей дезорганизации (энтропии) представляет собой одно из многих определений, даваемых «изнутри» описываемого объекта; это еще раз свидетельствует, что наука (в данном случае – теория информации) в XX в. является не только метасистемой, но и входит в описываемый объект «современная культура».

1.1.2. Оппозиция «культура – природа» («сделанное – несделанное») также представляет собой лишь частную, исторически обусловленную интерпретацию антитезы «включенности» – «выключенности». Укажем на то, что распространенная в русской культуре начала XX в. (А. Блок) антитеза «культура – цивилизация» рассматривает культуру как организованное, но не человеком, а «духом музыки», и, следовательно, «исконное» построение. Признак же сделанности приписывается антиподу культура–цивилизация.

1.2.0. С внешней точки зрения описания культура и не-культура представляются как взаимообусловленные и друг в друге нуждающиеся области. Механизм культуры – это устройство, превращающее внешнюю сферу во внутреннюю: дезорганизацию в организацию, профанов – в просвещенных, грешников – в праведников, энтропию – в информацию. В силу того что культура живет не только противопоставлением внешней и внутренней сфер, но и переходом из одной области в другую, она не только борется с внешним «хаосом», но и нуждается в нем, не только уничтожает его, но и постоянно создает. Одна из связей культуры с цивилизацией (и «хаосом») состоит в том, что культура постоянно отчуждает в пользу своего антипода какие-то «отработанные» элементы, превращающиеся в штампы и функционирующие в не-культуре. Таким образом в самой культуре осуществляется увеличение энтропии за счет предельной организации.

1.2.1. В связи с этим можно сказать, что каждому типу культуры соответствует его тип «хаоса», который совсем не первичен, однообразен и всегда сам себе равен, а представляет собой столь же активное создание человека, как и

область культурной организации. Каждый исторически данный тип культуры имеет свой и только ему присущий тип не-культуры.

1.2.2. Область внекультурной не-организации может строиться как зеркально обращенная сфера культуры или же как пространство, которое, с позиции наблюдателя, погруженного в данную культуру, предстает как неорганизованное, но с внешней позиции оказывается областью *иной организации*. Примером первого может быть реконструкция киевским монахом XII в. в «Повести временных лет» языческих представлений. Она заставляет кудесника, участвующего в религиозном диспуте с христианами, на вопрос: «Каци суть бози ваши, где живуть?» – отвечать: «Живуть в безднах, суть же образом черни, крилаты, хвосты имуще». Если в области культурно освоенного мира богам отводится «верх», то во внележащем пространстве они располагаются внизу. После этого происходит отождествление внекультурного пространства с отрицательным «нижним» миром в системе данной культуры («Какый то богъ, съдя в безднѣ, то есть бѣсь, а богъ на небеси съдя»). Пример второго – утверждение летописца-полянина, что у древлян «брати не бываху», после чего следует описание семейной организации, которая для летописца не брак, но для современного исследователя, конечно, им является.

1.2.3. Хотя культура, расширяя свои пределы, стремится полностью узурпировать все внекультурное пространство, уподобить его себе, с позиции внешнего описания расширение сферы организации приводит к расширению сферы не-организации. Тесному миру эллинской цивилизации соответствовал и узкий круг окружающих его «варваров». Пространственный рост средиземноморской античной цивилизации сопровождался ростом внекультурного мира. (Разумеется, если отвлечься от понятий данного типа культуры, – никакого роста не происходило; тот или иной народ мог жить как до того, когда становился известным миру римской цивилизации, так и после. Однако, с точки зрения данной культуры, «предполье» ее неуклонно расширялось.) Характерно, что XX век, исчерпав резервы пространственного расширения культуры (все географическое пространство стало «культурным», «предполье» исчезло), обратился к проблеме подсознания, конструируя новый тип противопоставленного культуре пространства. Противопоставление сферам подсознания, с одной стороны, и космоса, с другой, столь же существенно для понимания внутренней структуры культуры XX в., как противопоставления Руси и степи для XII в. или народа и интеллигенции для русской культуры второй половины XIX столетия. Как факт культуры проблема подсознания не столько открытие, сколько создание XX века.

1.2.4. Оппозиция «культура – внекультурное пространство» представляет собой минимальную единицу на данном уровне. Практически дана парадигма внекультурных пространств («детское», «экзотически-этническое» с точки зрения данной культуры, «подсознательное», «патологическое» и пр.). Аналогичным образом строятся описания различных народов в средневековых текстах: в центре располагается некоторое нормальное «мы», которому противопоставлены другие народы как парадигматический набор аномалий.

1.3.0. Активная роль внешнего пространства в механизме культуры проявляется, в частности, в том, что определенные идеологические системы могут связывать культуруобразующее начало именно с внешней, неорганизованной сферой, противопоставляя ей внутреннюю, упорядоченную область как культурно мертвую. Так, в славянофильском противопоставлении России и Запада первая отождествляется с внешней, не нормализованной, культурно не освоенной, но составляющей зерно будущей культуры сферой. Запад же мыслится как мир замкнутый и упорядоченный, то есть «культурный» и культурно мертвый одновременно.

1.3.1. Таким образом, с позиции внешнего наблюдателя культура будет представлять не неподвижный синхронно сбалансированный механизм, а дихотомическое устройство, «работа» которого будет реализовываться как агрессия упорядоченности в сферу неупорядоченного и противонаправленное вторжение неупорядоченного в область организации. В разные моменты исторического развития может доминировать та или иная тенденция. Инкорпорация в культурную сферу текстов, пришедших извне, оказывается иногда мощным стимулирующим фактором культурного развития.

1.3.2. Игровые соотношения культуры и ее внешней сферы должны учитываться при изучении культурных влияний и связей. Если в периоды интенсивного воздействия культуры на внешнюю сферу она усваивает сходное с собой, то есть то, что, с ее позиции, распознается как факт культуры, то в моменты экстенсивного развития она впитывает те тексты, для дешифровки которых не имеет средств. Широкое вторжение в европейскую культуру XX в. детского искусства, архаического и средневекового искусства или искусства дальневосточных или африканских народов связано с тем, что тексты эти вырываются из свойственного им исторического (или психологического) контекста. На них смотрят глазами «взрослого» или европейца. Для того, чтобы играть активную роль, они должны восприниматься как «странные».

1.3.3. Культурная функция напряжения между внутренним (замкнутым) и внешним (разомкнутым) пространствами отчетливо проявляется, в частно-

сти, в структуре жилища (и других построек). Создавая дом, человек тем самым отгораживает часть пространства, которая – в отличие от внешней сферы – воспринимается как культурно освоенная и упорядоченная. Однако это исходное противопоставление приобретает культурный смысл лишь на фоне постоянных и противоположно направленных его нарушений. Так, с одной стороны, замкнутое «домашнее» пространство начинает восприниматься не как антипод внешнего мира, а в качестве его модели и аналога (например, храм как образ вселенной). В этом случае упорядоченность храмового пространства переносится на внешний мир, подавляя сферу неупорядоченности (агрессия внутреннего пространства вовне). С другой стороны, некоторые свойства внешнего мира проникают во внутренний. С этим связано стремление выделить в доме «дом дома» (например, алтарное пространство – внутренняя сфера внутренней сферы). Крайне интересный пример «игры» между внутренним и внешним пространствами здания как аналогами к напряжению между соответствующими культурными сферами дает архитектура барокко. Создание структур, «перехлестывающих» через границы (картины, выходящие из рам, статуи, сходящие с пьедесталов, система парного соотношения окон и зеркал, вводящая внешний пейзаж в интерьер), создает обоюдные прорывы культурной сферы в хаос и хаоса в культурную сферу.

2.0.0. Таким образом, культура строится как иерархия семиотических систем, с одной стороны, и многослойное устройство окружающей ее внекультурной сферы. Однако бесспорно, что именно внутренняя структура, состав и соотношение частных семиотических подсистем определяют тип культуры в первую очередь.

2.0.1. В соответствии со сказанным выше, соотношение нескольких культур может образовывать также функциональное или структурное единство с точки зрения более широких контекстов (генетических, ареальных и пр.). Такой подход оказывается особенно плодотворным при решении задач сравнительного изучения культуры, в частности культур славянских народов. Складывание внутренней парадигмы культур или распределение их в поле структурной оппозиции: «внутренняя область культуры – внешняя область культуры» позволяет решить ряд вопросов как соотношения отдельных славянских культур между собой, так и отношения их к культурам иных ареалов.

3.0.0. Фундаментальное понятие современной семиотики – *текст* – может считаться объединяющим звеном между общесемиотическими и специально славяноведческими штудиями. Текст – носитель целостного значения и целостной функции (если различать позицию исследователя культуры и позицию ее носителя, то с точки зрения первого текст выступает как носитель целостной функции, а с позиции второго – целостного значения). В

этом смысле он может рассматриваться как первоэлемент (базисная единица) культуры. Соотнесенность текста с целым культуры и ее системой кодов проявляется в том, что на разных уровнях одно и то же сообщение может представлять как текст, часть текста или совокупность текстов. Так, «Повести Белкина» Пушкина могут рассматриваться как целостный текст, как совокупность текстов или же в качестве части единого текста «русская повесть 1830-х гг.».

3.1.0. Понятие «текст» употребляется в специфически семиотическом значении и, с одной стороны, применяется не только к сообщениям на естественном языке, но и к любому носителю целостного («текстового») значения – обряду, произведению изобразительного искусства или музыкальной пьесе. С другой стороны, не всякое сообщение на естественном языке представляет собой текст с точки зрения культуры. Из всей совокупности сообщений на естественном языке культура выделяет и учитывает лишь те, которые могут быть определены как некоторый речевой жанр, например «молитва», «закон», «роман» и прочее, то есть обладают некоторым целостным значением и выполняют единую функцию.

3.2.0. Текст как объект изучения может рассматриваться в свете следующих проблем.

3.2.1. *Текст и знак.* Текст как целостный знак, текст как последовательность знаков. Второй случай, как хорошо известный из опыта лингвистического изучения текста, порой рассматривается в качестве единственно возможного. Однако в общей модели культуры существен и другой тип текстов, в котором понятие текста выступает не как вторичное, производное от цепочки знаков, а в качестве первичного. Текст этого типа не дискретен и не распадается на знаки. Он представляет собой целое и членится не на отдельные знаки, а на дифференциальные признаки. В этом смысле можно обнаружить далеко идущее сходство между первичностью текста в таких современных звукозрительных системах массовой коммуникации, как кино и телевидение, и ролью текста для тех систем, где, как в математической логике, метаматематике и теории формализованных грамматик, под языком понимается некоторое множество текстов. Принципиальное различие между этими двумя случаями первичности текста заключается, однако, в том, что для звукозрительных систем передачи информации и таких более ранних по сравнению с ними систем, как живопись, скульптура, танец (и пантомима), балет, первичным может быть непрерывный текст (все полотно картины или ее фрагмент, в случае, если на картине вычлняются отдельные знаки), тогда как в формализованных языках текст всегда может быть представлен как цепочка дискретных

символов, задаваемых в качестве элементов исходного алфавита (набора или словаря).

Ориентация на такие дискретные модели формализованных языков (то есть на дискретный случай передачи информации), характерная для лингвистики первой половины нашего века, сменяется в современной семиотической теории вниманием к непрерывному тексту как первоначальной данности (то есть к недискретным случаям передачи информации) именно тогда, когда в самой культуре все большее значение приобретают системы общения, пользующиеся преимущественно непрерывными текстами. Для телевидения основной единицей является элементарная жизненная ситуация, до момента передачи (или снятия телефильма) априорно неизвестная и неразложимая на элементы. Но для звукозрительной техники массовой коммуникации (кино и телевидения, в том числе и для телефильмов) характерно и соединение обоих способов. Кино совсем не отказывается от дискретных знаков, прежде всего от знаков устного языка и других обиходных языков (в частности, получаемых им в качестве «предкамерного» или «докинематографического» материала от других систем, типологически более ранних), но включает их в целостные тексты (распятие в сцене в церкви в кинофильме «Пепел и алмаз» А. Вайды само по себе выступает в качестве дискретного символа, но оно переосмыляется в контексте всего кадра, где оно соотносено с героем фильма).

Сходное включение дискретных знаков, чаще всего перенятых из других (архаичных) систем, в непрерывный текст может быть обнаружено в исторически более ранних зрительных системах – в частности, в живописи, – где образ человека на мировом дереве, центральный для значительного числа мифологических и ритуальных традиций (в том числе древнейших славянских), или другие ему эквивалентные образы могут быть сохранены в качестве центра композиции. Во всех подобных случаях можно видеть проявление общей закономерности эволюции семиотических систем, при которой некоторый знак или целое сообщение (или фрагмент сообщения) может включаться в текст другой знаковой системы в качестве его составной части и сохраняться в дальнейшем преимущественно в качестве такового (следовательно, со сдвинутой функцией – эстетической, а не мифологической или ритуальной, как в приведенных примерах). Последнее обобщение может представить интерес и для обоснования таких методов реконструкции древнейших семиотических систем, которые основаны на восстановлении знаков (а иногда и текстов) архаической системы (например, праславянской мифологии) на основании их позднейших рефлексов²⁰, включаемых в состав фольклорных и других текстов, сохраняемых в исторической традиции. Вместе с тем с указанной точки зрения анализ современных средств массовой коммуникации в их соотношении с исторически предшествующими им

²⁰ The translations have been made assuming that this word here should be рефлексий, instead.

системами органически включается в сравнительное изучение языков культуры (закономерными оказываются, например, такие темы для исследования, как соотношение фильмов Вайды с традицией польского барокко – не только в плане эмоциональной атмосферы произведения, но и по характеру выбираемого «докинематографического» материала).

Выбор дискретного метаязыка дифференциальных признаков типа: верхний – нижний, левый – правый, темный – светлый, черный – белый, для описания таких непрерывных текстов, как живописные или кинематографические, сам по себе может рассматриваться как проявление архаизирующих тенденций, налагающих на непрерывный текст языка-объекта метаязыковые категории, более характерные для архаических систем двоичной символической классификации (типа мифологических и ритуальных). Но нельзя считать исключенным то, что в качестве архетипических признаки этого рода сохраняются и при создании и восприятии непрерывных текстов.

Таким образом, доминирование текстов дискретного или недискретного типа может быть связано с определенным этапом развития культуры. Однако следует подчеркнуть, что обе эти тенденции могут быть представлены и как синхронно сосуществующие. Напряжение между ними (например, конфликт слова и рисунка) составляет один из наиболее постоянных механизмов культуры как целого. Господство одного из них возможно не как полное подавление противоположного типа, а лишь в форме ориентированности культуры на определенные текстовые структуры как доминирующие.

3.2.2. *Текст и проблема «адресант – адресат».* В процессе культурной коммуникации особое значение приобретает проблема «грамматики говорящего» и «грамматики слушающего». Как отдельные тексты могут создаваться с ориентацией на «позицию говорящего» или «позицию слушающего», так подобная направленность может быть присуща и определенным культурам в целом. Примером культуры, ориентированной на слушателя, будет такая, в которой аксиологическая иерархия текстов располагается так, что понятия «наиболее ценный» и «самый понятный» совпадают. В этом случае специфика вторичных надязыковых систем будет в наименьшей степени выражена – тексты будут стремиться к минимальной условности, имитировать «непостроенность», сознательно ориентируясь на тип «голового» сообщения на естественном языке. Летопись, проза (в особенности очерк), газетная хроника, документальный фильм, телевидение будут занимать высшие ценностные ступени. «Достоверное», «истинное», «простое» будут рассматриваться как высшие аксиологические характеристики.

Культура, ориентированная на говорящего, в качестве высшей ценности имеет сферу замкнутых, малодоступных или вообще непонятных текстов. Это культура эзотерического типа. Профетические и жреческие тексты,

госсолоалии, специфические виды поэзии занимают в ней высшее место. Ориентация культуры на «говорящего» или «слушающего» будет проявляться в том, что в первом случае аудитория моделирует себя по образцу создателя текстов (читатель стремится приблизиться к идеалу поэта), во втором – отправитель строит себя по образцу аудитории (поэт стремится приблизиться к идеалу читателя). Диахронное развитие культуры также можно рассматривать как движение внутри того же коммуникационного поля. Примером движения от установки на говорящего к установке на слушающего в индивидуальной эволюции писателя может быть творчество такого поэта, как Пастернак. В период создания первой редакции книг «Поверх барьеров», «Сестра моя – жизнь», «Темы и вариации» основным для поэта было монологическое высказывание, стремившееся к точности выражения собственного видения мира со всеми обусловленными им особенностями семантической (а иногда и синтаксической) структуры поэтического языка. В поздних произведениях доминирует диалогическая установка на собеседника – слушающего (на потенциального читателя, который должен понять все ему сообщаемое). Особенно наглядно контраст между двумя манерами выступает в тех случаях, когда писатель двумя способами пробует передать одно и то же впечатление (два варианта стихотворения «Венеция» и два прозаических описания того же первого впечатления от Венеции «Охранной грамоте» и в автобиографии «Люди и положения»; два варианта стихотворения «Импровизация», 1915, и «Импровизация на рояле», 1946). О том, что подобное движение может быть истолковано в свете не только индивидуальных причин, но и как некоторая закономерность в развитии европейского авангарда, свидетельствует творческое движение Маяковского, Заболоцкого, поэтов чешского авангарда. Вообще говоря, путь от установки на говорящего к установке на слушающего не является единственно возможным; из современников Пастернака обратное развитие характерно в особенности для Ахматовой («Поэма без героя» в сравнении с более ранними произведениями).

3.2.3. Следует выяснить, в какой степени выделение двух полярных типов литературных и художественных стилей типа оппозиций: ренессанс – барокко, классицизм – барокко, классицизм – романтизм, по отношению к славянским литературам разных периодов, отчетливее всего намеченное Юлианом Кржижановским, может быть соотнесено с типом культуры, обусловленным установкой либо на говорящего, либо на слушающего (к первому типу могли бы принадлежать, например, раннее средневековье, барокко, романтизм, литература авангарда – *Młoda Polska* – и т. п.). Внутри каждой из таких оппозиций в свою очередь возможны различия, проводимые по аналогичному признаку (с чем можно связать наличие таких промежуточных типов, как маньеризм). С поздней хронологией включения в славянские куль-

туры стилей, ориентированных на слушающего, можно связать в ряде случаев наличие внутри этих стилей черт, более близких к стилям с установкой на говорящего (барокко внутри славянского позднего возрождения и т. п.). Общие черты, связывающие стили с установкой на говорящего, позволяют поставить вопрос о далеко идущих стилистических сходствах (например, в отдельных стихотворениях Норвида из цикла «Vademecum» и Цветаевой) независимо от абсолютной хронологии.

3.2.4. Поскольку в канал коммуникации между отправителем и адресатом в культурах, обладающих средствами внешней фиксации сообщения, встроена память, различается потенциальный адресат («далекий мой потомок» в стихах Баратынского) и адресат актуальный. Совокупность актуальных адресатов связана с отправителем обратной связью. В частности, с помощью такой совокупности осуществляется коллективный отбор из всего множества текстов некоторых, соответствующих эстетическим нормам эпохи, поколения, социальной группы. Механизм такого отбора может моделироваться с помощью аппарата, близкого к тому, который разработан в кибернетической модели эволюции. Поскольку с теоретико-информационной точки зрения количество информации определяется для данного текста по отношению ко всему множеству текстов, в настоящее время можно более отчетливо описать реальную роль «малых писателей» в коллективном отборе, подготавливающем возникновение текста, несущего максимум информации. Индивидуальный отбор, производимый писателем (и отражаемый, например, в черновиках), может рассматриваться как продолжение коллективного отбора, иногда им направляемое, но часто от него отталкивающееся. С этой точки зрения полезным может оказаться и исследование факторов, препятствующих отбору.

С наличием памяти в канале коммуникации можно связать и отражение в структуре жанров коммуникационных особенностей, восходящих иногда к предшествующему периоду («память жанра», по М. М. Бахтину).

4.0.0. Определяя культуру как некоторый вторичный язык, мы вводим понятие «текст культуры», текст на данном вторичном языке. Поскольку тот или иной естественный язык входит в язык культуры, возникает вопрос о соотношении текста на естественном языке и словесного текста культуры. Здесь возможны следующие соотношения:

- а) Текст на естественном языке не является текстом данной культуры. Таковы, например, для культур, ориентированных на письменность, все тексты, социальное функционирование которых подразумевает устную форму. Все высказывания, которым данная культура не при-

писывает ценности и значения (например, не хранит), с ее точки зрения текстами не являются.²¹

- б) Текст на данном вторичном языке одновременно является текстом на естественном языке. Так, стихотворение Пушкина – одновременно текст на русском языке.
- в) Словесный текст культуры не является текстом на данном естественном языке. Он может при этом быть текстом на другом естественном языке (латинская молитва для славянина) или же образовываться путем незакономерной трансформации того или иного уровня естественного языка (ср. функционирование подобных текстов в детском творчестве).²²

В поэтических текстах Хлебникова есть такие фрагменты, которые по своей фонологической структуре («бобэоби»), морфологическому или лексическому составу («лукает луком», «смеяньствует смехами» и другие неологизмы, основанные на воскрешении архаического приема *figura etymologica*, характерного для славянской поэзии начиная с древнейшего периода) и синтаксическим конструкциям («ты стоишь что делаая») не принадлежат к правильно построенным текстам с точки зрения общего языка.

Но каждый такой фрагмент, благодаря вхождению его в текст, признаваемый в качестве отмеченного с точки зрения поэзии, тем самым становится фактом истории языка русской поэзии. Аналогичные явления на более ранних этапах эволюции можно отметить по отношению к тем формам фольклора, например небывальщинам и нелепицам, где нарушение семантических норм, принятых в общем языке, становится основным принципом композиции.

4.0.1. Существенным является вопрос о построении типологии культур в связи с соотнесением текста и функции. Под текстом понимается только такое сообщение, которое внутри данной культуры составлено по определенным порождающим правилам. В более общем виде это положение применимо к любой семиотической системе. Внутри другого языка или другой системы языков то же сообщение текстом может не являться. Здесь можно видеть общесемиотический аналог языкового понятия грамматической правильности, кардинально важного для современной теории формальных грамматик. Не всякое языковое сообщение является текстом с точки зрения культуры, и наоборот – не всякий текст с точки зрения культуры представляет собой правильное сообщение на естественном языке.

²¹ Следует отличать не-текст от «анти-текста» данной культуры: высказывание, которое не хранят, от высказывания, которое уничтожают.

²² Редки, но возможны случаи, когда осознание того или иного сообщения как текста на данном языке определяется фактом принадлежности к тексту культуры.

4.1.0. Традиционная история культуры учитывает для каждого хронологического среза только «новые» тексты, тексты, созданные данной эпохой. В реальном же существовании культуры всегда наряду с новыми функционируют тексты, переданные данной культурной традицией или занесенные извне. Это придает каждому синхронному состоянию культуры черты культурного полиглотизма. Поскольку на разных социальных уровнях скорость культурного развития может быть неодинаковой, синхронное состояние культуры может включать в себя ее диахронию и активное воспроизведение «старых» текстов. Сравним, например, живое бытование допетровской культуры у русских старообрядцев XVIII–XIX вв.

5.0.0. Место текста в текстовом пространстве определяется как отношение данного текста к совокупности потенциальных текстов.

5.0.1. Связь семиотического понятия текста с традиционными филологическими задачами особенно ярко видна на примере славяноведения как науки. Объектом славяноведческих исследований неизменно являлась некоторая сумма текстов. Но по мере движения научной мысли и лежащего в основе ее общего движения культуры одни и те же произведения могут то приобретать, то терять способность выступать в качестве текстов. Показательный пример в этом отношении – литература Древней Руси. Если объем источников здесь сравнительно стабилен, то список текстов существенно варьируется от одной научной школы к другой и от одного исследователя к другому, поскольку отражает сформулированное или имплицитное понятие текста, всегда коррелирующее с концепцией древнерусской культуры. Источники, не удовлетворяющие этому понятию, переводятся в разряд «не-текстов». Наглядный пример – колебания в отнесении тех или иных произведений к художественным текстам, в зависимости от различного наполнения понятия «художественная культура средневековья».

5.1.0. Широкое понимание науки о текстах согласуется с традиционными приемами славяноведения, которое и прежде обнимало и синхронно толкуемые славянские тексты (например, церковнославянские), и сравниваемые в диахроническом плане тексты различных периодов. Представляется важным подчеркнуть при этом, что широкий типологический подход снимает абсолютность противопоставления синхронии и диахронии. В этой связи стоит отметить особую функцию языков, претендующих на роль основного инструмента межъязыкового общения и связующего звена между разными эпохами хотя бы в определенных частях славянского ареала, и прежде всего роль церковнославянского языка и текстов, написанных на разных его изводах. Поэтому наряду с соотношением синхронии и диахронии можно выдвинуть и проблему панхронического функционирования языка (в данном

конкретном случае церковнославянский язык играл прежде всего роль языка православного общения). Это тем более представляется существенным, что по отношению к абсолютной шкале времени разные славянские культурные традиции организованы по-разному (ср., с одной стороны, обилие пережитков праславянской древности в восточнославянской области в той сфере, которую можно назвать «низовой культурой», с другой стороны – вхождение некоторых ареалов, в частности западнославянских и части южнославянских, в другие культурные зоны), что обуславливает дискретность в структуре диахронии этих славянских культур в отличие от непрерывности других традиций.

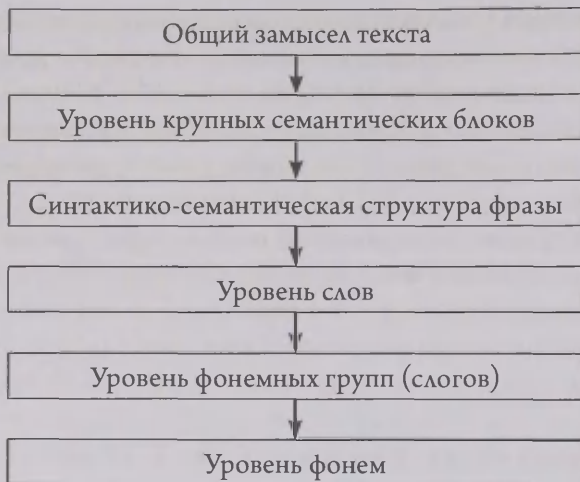
5.2.0. Для исторической реконструкции, применительно к славянским текстам, синхронное сравнение текстов, принадлежащих к разным славянским языковым традициям, в ряде случаев может дать больше, чем сопоставление внутри одного эволюционного ряда; на этом пути возможно получение плодотворных результатов при решении традиционной для филологии задачи реконструкции не дошедших до исследователя текстов. Для минимальных текстов – комбинации морфем в словах или отдельных морфем – такой подход практически реализуется в сравнительно-историческом славянском языкознании. В настоящее время его можно расширить на всю область реконструкции славянских древностей – от метрики до жанровых характеристик фольклорных текстов, мифологии, ритуала, понимаемого как текст, музыки, одежды, орнамента, быта и пр. Обилие разнообразных воздействий других традиций по отношению к позднейшим периодам (например, восточных и позднее – западноевропейских форм одежды по отношению к истории костюмов восточнославянских народов) делает диахроническое развитие в большой степени прерывным (связанным с далеко идущими нарушениями традиций). Для цели восстановления исходных общеславянских форм анализ этого развития может быть важен главным образом в аспекте вычленения позднейших наслоений. Более эффективным способом решения той же задачи диахронического расслоения и проекции древнейшего пласта на общеславянский период может оказаться сопоставление синхронных срезов каждой из славянских традиций.

5.2.1. Реконструкцией текстов практически занимаются все филологи – от специалистов по славянским древностям и фольклору до исследователей литературы нового времени (реконструкция авторского замысла или художественного произведения, восстановление утраченных текстов и их частей, реконструкция читательского восприятия по отзывам современников, реконструкция устных источников и их места в системе письменной культуры; при изучении истории театра и актерской игры объектом исследования являются прежде всего реконструкции и т. д.). В известной мере всякое чтение поэти-

ческой рукописи есть реконструкция творческого процесса и последовательное снятие пластов заполнения, сравним подход к чтению рукописи как реконструкции в пушкиноведческой текстологии в 1920–1940 гг. Накопленный в разных областях славянской филологии эмпирический материал позволяет поставить вопрос о создании общей теории реконструкции, основанной на единой системе постулатов и формализованных процедурах. Существенным представляется при этом сознательный подход к проблеме уровней реконструкции, представление о том, что разные уровни реконструкции требуют различных процедур и приводят к специфическим в каждом случае результатам. Реконструкция может производиться на самом высшем уровне, чисто семантическом, который, в конечном счете, переводим на язык некоторых универсалий.

При постановке же ряда задач может совершаться однотипный выход за пределы реконструируемого материала в другие структуры той же национальной культуры. По мере перекодирования семантических сообщений на более низких уровнях решаются все более специфические задачи, вплоть до таких, которые непосредственно связывают реконструкцию текста с лингвистическими исследованиями. Наиболее ощутимые результаты реконструкции достигнуты на крайних уровнях, соответствующих семиотическим категориям означаемого и означающего, что, возможно, связано с тем, что именно эти уровни в наибольшей мере соответствуют текстовой реальности, в то время как промежуточные уровни в большей мере соотнесены с принятой при описании метаязыковой системой.

5.2.2. Представление текста на естественном языке можно было бы описать, исходя из идеализированной схемы работы автомата, который преобразует текст, последовательно развертывая его от общего замысла к низшим уровням, причем каждому из уровней или некоторой комбинации разных уровней в принципе может соответствовать запись текста с помощью выводящего устройства:

Если графическое выводящее устройство соответствует уровню фонем, то это означает, что сообщение, передаваемое с помощью этого устройства, представляет собой последовательность фонем, то есть в передатчике (понимаемом согласно теоретико-информационной модели передачи сообщения) с каждой из фонем по кодовой таблице сопоставляется некоторый сигнал – буква; примером может быть буквенное письмо типа сербского. Если же выводящее устройство соответствует уровню общего замысла текста, то это означает, что сообщение, передаваемое с помощью этого устройства, представляет собой общую идею текста в ещё не расчлененном виде, то есть в передатчике с этой идеей сопоставляется кодирующий ее символ (причем не исключено, что этот символ является единственным образующим весь код, или, тем самым, внесистемным знаком). В качестве примера можно привести такие общие символы, как, например, солярные знаки, изображения птиц и коней или комбинации всех этих трех символов в растительном оформлении, образующих единый текст; при этом по отношению к древнейшему периоду, совпадающему с праславянским, они представляли собой единый текст со строгим соотношением символов-элементов внутри него и с единой семантикой для всего текста и вполне определенной семантикой каждого элемента; в дальнейших же отражениях в отдельных славянских традициях (в орнаменте, например на прялках, на санях, возках; разных предметах утвари – ларцах, сундуках; в вышивках на одежде; в резных украшениях из дерева, в частности на крышах жилищ; на ритуальных изделиях из теста – пирогах, караваях, на детских игрушках и т. д.) они выступают как части вторичного текста, построенного путем «перемешивания» первоначальных составных частей, утрачивающих свою синтаксическую функцию по мере забвения основной семантики текста. Для более раннего периода реконструкция текста, описывающего мировое дерево, светила над ним, птиц, животных,

расположенных на нем и при нем, подтверждается наличием полностью совпадающих друг с другом словесных текстов разных жанров (заговоры, загадки, песни, сказки) во всех главных славянских традициях. Вместе с тем оказывается, что такая реконструкция текста соответствует, с одной стороны, общеиндоевропейской, произведенной без учета славянских данных на основе совпадения индо-иранских текстов с древнеисландскими, с другой стороны, типологически сходным текстам различных евразийских шаманских традиций.

5.2.3. Для подобных реконструкций даже при невозможности нахождения языковых элементов, воплощающих текст на низшем уровне, его семантическая реконструкция облегчается благодаря типологическому сходству культурных комплексов, пользующихся практически единым набором основных семантических противопоставлений (типа восстановленных для праславянского: «доля – недоля», «жизнь – смерть», «солнце – луна», «земля – море» и т. д.). В указанных случаях может быть выдвинута и гипотеза о сходных возможностях социальной интерпретации подобных систем; в связи с этим следует отметить возможность включения в соответствующие культурные комплексы (понимаемые расширенно для древнейших периодов при определенном типе социальной организации) и таких проявлений социальных структур, как форма поселений и жилищ, правила, предписания и запреты, касающиеся допустимых и в особенности обязательных типов браков и связанных с ними черт функционирования терминов родства. Поэтому данные, полученные при применении структурных методов к реконструкции славянских древностей, оказываются существенными не только для истории культуры в узком смысле, но и для исследования ранних этапов социальной организации славян (в том числе и для интерпретации археологических данных). Этим еще раз подтверждается реальное единство славяноведения как науки о славянских древностях, понимаемых как единое семиотическое целое, и о позднейшей трансформации и дифференциации соответствующих традиций.

6.0.0. С семиотической точки зрения культуру можно рассматривать как иерархию частных семиотических систем, как сумму текстов и соотношенного с ними набора функций или как некоторое устройство, порождающее эти тексты. При рассмотрении некоторого коллектива как более сложно построенного индивида, культура может быть осмыслена по аналогии с индивидуальным механизмом памяти как некоторое коллективное устройство по хранению и переработке информации. Семиотическая структура культуры и семиотическая структура памяти представляют собой функционально однотипные явления, расположенные на разных уровнях. Положение это не противоречит динамизму культуры: будучи в принципе фиксацией прошлого

опыта, она может выступать и как программа, и как инструкция для создания новых текстов. Кроме того, возможно, при принципиальной ориентации культуры на *будущий опыт*, конструирование некоторой условной точки зрения, с которой будущее выступает как прошлое. Например, создаются тексты, которые *будут* храниться потомками, люди, осмысляющие себя в качестве «деятели эпохи», стремятся совершать исторические поступки (деяния, которые в будущем станут памятью). Сравним стремление людей XVIII в. избирать героев античности в качестве программ *своего* поведения (образ Катона – своеобразный код, дешифрующий все жизненное поведение Радищева, включая самоубийство). Сущность культуры как памяти особенно наглядно проявляется на примере архаических текстов, в частности фольклорных.

6.0.1. Не только участники коммуникации создают тексты, но и тексты содержат в себе память об участниках коммуникации. Поэтому усвоение текстов иной культуры приводит к трансляции через века определенных структур личности и типов поведения. Текст может выступать в качестве свернутой программы целой культуры. Усвоение текстов из другой культуры приводит к явлению *поликультурности*, возможности, оставаясь в рамках одной культуры, избирать условное поведение в стиле другой. Явление это возникает лишь на определенных этапах общественного развития и в качестве внешнего знака имеет, в частности, возможность избирать тип одежды (ср. выбор между «венгерским», «польским» или «русским» платьем в русской культуре конца XVII – начала XVIII в.).

6.0.2. Для периода, начинающегося с праславянского и доходящего в отдельных славянских традициях до нового времени, коллективный механизм хранения информации («память») обеспечивает передачу от поколения к поколению фиксированных жестких схем текстов (метрических, транслингвистических и т. д.) и целых их фрагментов (*loci communi* по отношению к фольклорным текстам). Древнейшие знаковые системы этого типа, где литература сводится к воплощению передающихся по наследству мифологических сюжетов с помощью ритуальных формул, в плане социальной интерпретации могут быть синхронизированы с жестко детерминированными системами отношений, где все возможности исчерпаны правилами, соотнесенными с мифологическим прошлым и с циклическим ритуалом. Напротив, более развитые системы в коллективах, поведение которых регулируется памятью об их реальной истории, прямо соотносятся с типом литературы, где основным принципом становится поиск наименее статистически частых (и, следовательно, несущих наибольшее количество информации) приемов. Сходные рассуждения можно было бы предложить и по отношению к другим областям культуры, где самое понятие развития

(то есть направленности во времени) неотделимо от накопления и переработки информации, постепенно использующейся для внесения соответствующих корректив в программы поведения; этим объясняется регрессивная роль искусственной мифологизации прошлого, создающей миф вместо исторической реальности. В этом смысле типология отношений к общеславянскому прошлому может оказаться полезной для исследования наследия славянофилов и его роли. Можно учитывать возможности такой диахронической трансформации индоевропейской культуры, которая не всегда предполагает развитие в сторону усложнения организации (усложнение понимается при этом в чисто формальном плане как функция меры числа элементов, характеристик их порядка и связей между ними и мерности всей культуры). Современные исследования индоевропейских установлений в их отношении к праславянским позволяют поставить вопрос о возможности в некоторых случаях движения не в сторону увеличения количества информации, а в сторону увеличения количества энтропии в общеславянских текстах, по сравнению с общеиндоевропейскими (а иногда и в отдельных славянских по сравнению с общеславянскими). В частности, дуально-экзогамные структуры, видимо, коррелирующие с двоичной символической классификацией, восстанавливаемой для праславянского, представляют собой более архаический пласт, чем структуры, восстанавливаемые для общеиндоевропейского; но это может объясняться не большей архаичностью славянского мира, а некоторыми вторичными процессами, приведшими к упрощению структур. Во всех таких случаях при реконструкции возникает задача снятия шума, наложенного на текст при передаче по диахроническому каналу связи между поколениями. В этой связи с явлениями, обнаруживаемыми во вторичных моделирующих системах, можно сравнить явное уменьшение сложности (и увеличение простоты) организации текста на морфологическом уровне при переходе от индоевропейского к (позднему) праславянскому периоду действия закона открытых слогов (под простотой здесь понимается уменьшение числа элементов и правил их дистрибуции).

6.1.0. Для функционирования культуры и соответственно для обоснования необходимости применения при ее изучении комплексных методов, основополагающее значение имеет тот факт, что одна изолированная семиотическая система, сколь бы совершенно она организована ни была, не может составить культуры – для этого необходима в качестве минимального механизма пара соотнесенных семиотических систем. Текст на естественном языке и рисунок манифестируют наиболее обычную систему из двух языков, составляющую механизм культуры. Стремление к гетерогенности языков – характерная черта культуры.

6.1.1. В этой связи особую роль приобретает явление двуязычия, чрезвычайно важное для славянского мира и во многом определяющее специфику славянских культур. При всем разнообразии конкретных условий билингвизма в разных славянских областях, иной язык всегда выступал как иерархически высший, играя роль образца-эталона для формирования текстов. Ориентация на «чужой» язык имеет место и тогда, когда в культуре происходит движение к демократизации языковых средств. Так, пушкинские слова о том, что учиться языку надо у московских просвирен, подразумевают обращение к народному языку, как к языку иному. Эта закономерность проявляется тогда, когда аксиологически высшей становится социально низшая система. Специфические функции второго славянского языка (обычно церковнославянского) в подобной паре структурно равноценных языков делают материал славянских культур и языков особенно ценным не только для исследования проблем двуязычия, но и для выяснения ряда процессов, гипотетически связываемых с двуязычием и многоязычием (возникновение романа и роль двуязычия и многоязычия для этого жанра, приближение к разговорному языку как одна из социальных функций поэзии; ср. идею «обмирщения» языка русской поэзии в статьях Мандельштама).

6.1.2. На фоне бесспорных связей, установленных через посредство языковых средств воплощения текстов, к кругу текстов, изучаемых науками славяноведческого комплекса, могут быть отнесены тексты, написанные на заведомо неславянских языках, но функционально значимые в своей противопоставленности соответствующим славянским (латинский язык научных сочинений Яна Гуса в отличие от старочешского, французский язык статей Тютчева). В этой связи особый интерес может представлять анализ латинских и итальянских текстов в сопоставлении со славянскими текстами времени ренессансного двуязычия в славянском мире (ср. характерные латинско-польские и итальянско-хорватские макаронические стихотворные тексты более позднего барочного времени), анализ французских текстов в сопоставлении с их русскими эквивалентами в русской литературе первой половины XIX в. (одно и то же стихотворение Баратынского на французском и русском языках, французские записи Пушкина в сравнении с – отчасти параллельными им – русскими его сочинениями и т. д.), французско-русское двуязычие, изображаемое и используемое как художественный прием в русском романе XIX в.

6.1.3. Как система систем, базирующаяся, в конечном счете, на естественном языке (это и имеется в виду в термине «вторичные моделирующие системы», которые противопоставляются «первичной системе», то есть естественному языку), культура может рассматриваться как иерархия попарно соотнесенных семиотических систем, корреляция между которыми в значи-

тельной степени реализуется через соотнесение с системой естественного языка. Связь эта особенно наглядно выступает при реконструкции праславянских древностей в силу большего синкретизма архаических культур (ср. связь определенных ритмических, мелодических типов с метрическими, в свою очередь обусловленными правилами синтаксической акцентологии; прямое отражение обрядовых функций в языковых обозначениях таких элементов ритуальных текстов, как названия обрядовой еды).

6.1.4. Положение о недостаточности только естественного языка для построения культуры можно связать с тем, что и сам естественный язык не представляет собой строго логической реализации одного структурного принципа.

6.1.5. Степень осознания единства всей системы систем внутри данной культуры различна, что само по себе может рассматриваться в качестве одного из критериев типологической оценки данной культуры. Эта степень очень высока в богословских построениях средневековья и в тех позднейших культурных движениях, где, как у гуситов, можно видеть возврат к той же архаической концепции единства культуры, наполняемой новым содержанием. Однако, с точки зрения современного исследователя, культура, представители которой мыслят ее как единую, оказывается устроенной более сложным образом: внутри средневековой культуры выделяется пласт открытых М. М. Бахтиным «неофициальных карнавальных явлений» (на славянской почве продолжающихся в таких текстах, как старочешская мистерия «Unguentarius»); в гуситской литературе обнаруживается значимое противопоставление латинских научных текстов и обращенных к другому адресату (массовому) произведений публицистической литературы. Для некоторых периодов, характеризующихся художественной установкой на отправителя сообщения, в то же время специфичен максимально широкий набор денотатов и концептов внутри сообщений, исходящих от одного автора (Комениус, Бошкович, Ломоносов), что может служить дополнительным доводом, говорящим в пользу единства культуры (включающей в этих случаях и естественные науки, и ряд наук о человеке и т. д.). Последнее имеет исключительное значение для строгого обоснования самого предмета славяноведения как науки о синхронном и диахронном функционировании культур, связанных благодаря их соотнесению с одним славянским языком или же с двумя славянскими языками, в качестве одного из которых в ряде культур выступал церковнославянский. Знание общности языковых традиций, используемых в каждой из данных культур, служит (не только в теории, но и в практическом поведении носителей соответствующих традиций) предпосылкой для осознания их различий. Эти последние для славянского мира связываются не столько с чисто языковыми (морфонологическими) правилами перекодирования, которые при их относительной простоте могли бы

и не затруднить взаимопонимания, сколько с культурно-историческими (для ранних периодов прежде всего конфессиональными) различиями. Тем самым делается очевидной необходимость такого изучения славянских культур, которое, постоянно имея в виду связующую роль языковой общности, выходило бы за рамки собственно лингвистического и учитывало бы все внеязыковые факторы, сказавшиеся, в частности, и на языковой дифференциации. Таким образом, анализ славянских культур и языков может оказаться удобной моделью для исследования взаимоотношений между естественными языками и вторичными (надязыковыми) моделирующими семиотическими системами.

Под «вторичными моделирующими системами» имеются в виду такие семиотические системы, с помощью которых строятся модели мира или его фрагментов. Эти системы являются вторичными по отношению к первичному естественному языку, над которым они надстраиваются – непосредственно (надязыковая система художественной литературы) или в качестве параллельных ему форм (музыка или живопись).

6.2.0. В системе культуuroобразующих семиотических оппозиций особую роль играет противопоставление дискретных и недискретных семиотических моделей (дискретных и недискретных текстов), частным проявлением которого может выступать антитеза иконических и словесных знаков. Это придает традиционной проблеме сопоставления изобразительных и словесных искусств новый смысл: можно говорить об их взаимной необходимости для образования механизма культуры и о необходимости им быть разными по принципу семиозиса, то есть эквивалентными, с одной стороны, и не до конца взаимопереводимыми – с другой. Поскольку разные национальные традиции имеют различную логику, скорость эволюции, восприимчивость к инонациональным влияниям в пределах дискретных и недискретных текстообразующих систем, напряжение между ними создает возможность большого разнообразия комбинаций, существенного, например, для построения исторической типологии славянских культур. Особый интерес может представить выявление одних и тех же закономерностей построения текста (например, характерного для барокко) на материале преимущественно непрерывных (живописных) и преимущественно дискретных (словесных) текстов. В этом плане важна проблема экранизации как эксперимента по переводу дискретного словесного текста в непрерывный, лишь сопровождаемый фрагментами дискретного (например, «Березняк» Ивашкевича и соответствующий ему телефильм Вайды, где роль словесного текста сведена к минимуму ввиду значимости музыки для звуковой стороны картины).

7.0.0. Одной из существенных проблем изучения семиотики и типологии культур является постановка вопроса об эквивалентности структур, текстов,

функций. Внутри одной культуры выдвигается вперед проблема эквивалентности текстов. На ней строится возможность перевода внутри одной традиции. При этом, поскольку эквивалентность не есть тождество, перевод из одной системы текста в другую всегда включает некоторый элемент непереводаемости. При семиотическом подходе соотносимы и отождествляемы по принципам организации конкретные тексты, а не системы, сохраняющие автономность при сколь угодно далеко идущей тождественности порождаемых ими текстов. Поэтому задача реконструкции текстов на разных подъязыках порой оказывается более достижимой, чем реконструкция самих этих подъязыков. Последнюю задачу часто приходится решать, опираясь на типологические сопоставления с другими культурными ареалами. Применительно к традиционным задачам славяноведения компаративистические проблемы могут быть при этом истолкованы как трансляции текстов по разным каналам.

7.0.1. При этом существенно различать три случая: трансляцию некоторого инославянского текста по каналу, выход которого осуществляется на другом славянском языке (простейший пример – перевод с одного славянского языка на другой, польско-украинско-русские связи XVI–XVII вв.); трансляцию некоторого текста, созданного в другой традиции, по двум (или более) таким каналам (простейший пример – разные изводы церковнославянских переводов Евангелия, переводы одного и того же текста западной литературы на разные славянские языки); наконец, трансляцию текста по каналам, из которых только один на выходе представлен реализацией его на славянском языке (случай, когда литературные или иные культурные контакты в пределах славянского ареала ограничены только одной национальной или языковой традицией), как, например, ряд явлений, связанных с турецко-болгарским лексическим контактом; к последнему типу явлений относятся, видимо, связи между миннезангом и формами старочешских любовных лирических текстов. Относительно меньшая значимость третьего случая по сравнению с двумя первыми говорит в пользу мнения, согласно которому история славянских литератур должна строиться прежде всего как сравнительная. На фоне наличия какого-либо явления в других славянских традициях его отсутствие или борьба с ним (например, байронизм в словацкой литературе) оказывается особенно значимым. Трансляция на относительно высоких уровнях (в частности, на уровне образной и стилистической организации текста) характерна для памятников славянской письменности позднего средневековья. Этим объясняется, с одной стороны, сложность их организации (обусловленная длительностью эволюции и коллективного отбора текстов не в славянском мире, а внутри византийской традиции), с другой стороны, относительно малая их значимость (если говорить о высших уровнях, а не об уровне собственно языковой лексики) для праславянских

реконструкций. Отражение при трансляции на славянской почве традиции, объясняемой длительным предварительным отбором текстов, представляется важным и для истории литературы Далмации XVI в., и для ряда славянских литератур последних веков. Особый случай представлен такой трансляцией, при которой принципиально изменяется характер верхних уровней текста, но сохраняется ряд существенных признаков низших, в частности иконических, уровней, как это произошло при отождествлении (на низших уровнях, для определенной аудитории наиболее значимых) восточнославянских языческих богов с православными святыми (ср. такие пары, как Волос – Власий, Мокошь – Параскева Пятница, отражение древнего близнечного культа в образах Флора и Лавра). Проблема славянских – неславянских контактов и связанных с ними трансляций требует весьма расширительного понимания всей рассматриваемой культуры с включением в нее «подъязыковых систем» – обихода, быта и технологии (в том числе ремесел); подъязыковыми называются такие семиотические системы, каждый из элементов которых является денотатом слова (или словосочетания) естественного языка. Неславянские влияния, часто более заметные в этих областях (и непосредственно с ними связанных сферах языковой терминологии), лишь на следующих этапах могут обнаружиться во вторичных надъязыковых системах, здесь наглядно обнаруживающих свое принципиальное отличие от «подъязыковых», которые не строятся на основе знаков и текстов естественного языка и не могут быть в них транспонированы. В отличие от этой закономерности, характерной для поздних периодов контакта с западными культурными зонами, более ранние контакты с Византией сказывались прежде всего в сфере вторичных моделирующих систем.

7.1.0. От транспозиции текстов внутри одной культурной традиции отличается типологически сходный с ней перевод текстов, относящихся к различным традициям. Для славянского культурного мира по собственно языковым причинам (имеется в виду сохранившееся сходство на разных уровнях и роль церковнославянской стихии) перевод часто совпадает с реконструкцией. Это относится не только к очевидным словарным и фонологическим соответствиям, но и, например, к таким явлениям, как предвосхищение реконструкции праславянских метрических схем в ритмической системе «Песен западных славян» Пушкина, интуитивно сопоставившего те же две традиции – восточнославянскую и сербско-хорватскую, – на которых основываются и современные реконструкции. Сравним также опыты Ю. Тувима по моделированию фонетической структуры русской речи в пределах польского стиха при сознательном отказе от ориентации на лексические соответствия. В свете изложенной концепции уместно указать на историческую заслугу Крижанича, в более близкое к нам время – на аналогичный подход, характерный для

Бодуэна де Куртенэ, по мнению которого соответствия между славянскими языками представляют собой фонетический перевод.

8.0.0. Взгляд, согласно которому культурное функционирование не совершается в пределах одной какой-либо семиотической системы (и тем более – уровня системы), подразумевает, что для описания жизни текста в системе культур или внутренней работы составляющих его структур недостаточно описания имманентной организации отдельных уровней. Выдвигается вперед задача изучения связей между структурами различных уровней. Подобные взаимосвязи могут проявляться как в появлении промежуточных уровней, так и в структурном изоморфизме, иногда наблюдаемом на различных уровнях. Благодаря явлению изоморфизма мы можем переходить от одного уровня к другому. Подход, который суммируется в предлагаемых тезисах, характеризуется преимущественным вниманием к перекодировкам при переходе от одного уровня к другому, в отличие от имманентных описаний уровней на более ранних стадиях формализованных описаний. С этой точки зрения «Анаграммы» Ф. де Соссюра оказываются более современными, чем чисто имманентные опыты ранних стадий формального литературоведения.

8.0.1. Переход от одного уровня к другому может происходить с помощью правил замены (*rewriting rules*), при которых элемент, представленный на высшем уровне одним символом, на низшем уровне развертывается в целый текст (при обратной последовательности перехода понимаемый соответственно как отдельный знак, включаемый в более широкий контекст). Здесь, как и в других подобных случаях, выявленных в современной лингвистике, порядок правил, описывающих операции синхронного синтеза текста, может совпадать с порядком диахронического развития (ср. совпадение порядка правил синхронного синтеза словоформы из составляющих ее морфем с диахроническим явлением опрощения, описанным на материале истории славянского имени существительного). При этом как в синхронном, так и в диахроническом описании предпочтение отдается контекстуально связанным правилам, где для каждого символа x указывается контекст $A-B$, в котором осуществляется его замена текстом T :

$$x \rightarrow T(A-B)$$

8.0.2. В последние годы интерес специалистов по структурной поэтике сосредоточен на изучении межуровневых отношений, поэтому, например, звукописью занимаются не безотносительно к смыслу, а по отношению к нему. В процессе поуровневого перекодирования переплетаются результаты разных этапов доведения частей синтезируемого текста до знака, реально воплощаемого в звуковом или оптическом сигнале. Проблематичной остается

ся возможность экспериментального разделения разных этапов в процессе синтезирования художественного текста, так как в нем поверхностная структура, определяемая формальными ограничениями, может влиять на глубинную образную структуру. Это следует, в частности, из выявленного в свете поэтики соотношения $\beta \leq \gamma$, по которому при увеличении коэффициента β , показывающего меру ограничений, наложенных на поэтическую форму, необходимо увеличение числа γ , определяющего гибкость поэтического языка, то есть, в частности, числа синонимических перифраз, достигаемых за счет переносных и образных словоупотреблений, необычных словосочетаний и т. д. Поэтому выявление меры формальных ограничений в работах по сравнительной славянской поэтике, установление таких теоретико-информационных параметров отдельных славянских языков, как гибкость (γ) и энтропия (H), и уточнение задач и возможностей перевода с одного славянского языка на другой оказываются разными сторонами одной проблемы, которая может быть исследована только на основании предварительных изысканий в каждой из этих областей.

9.0.0. В соединении различных уровней и подсистем в единое семиотическое целое «культура» работают два взаимно противоположных механизма:

- а) Тенденция к разнообразию – увеличению разно организованных семиотических языков, «полиглолизм» культуры.
- б) Тенденция к единообразию – стремление осмыслить самое себя или другие культуры как единые, жестко организованные языки.

Первая тенденция проявляется в постоянном создании новых языков культуры и неравномерности ее внутренней организации. Разным областям культуры присуща различная мера внутренней организации. Создавая внутри себя очаги предельной организации, культура нуждается и в относительно аморфных, лишь структуроподобных образованиях. В этом смысле характерно систематическое выделение внутри исторически данных структур культуры областей, которые должны стать как бы моделью организации культуры как таковой. Особенно интересно изучение различных искусственно создаваемых знаковых систем, стремящихся к предельной упорядоченности (таковы, например, культурная функция чинов, мундиров и знаков различия в «регулярном» государстве Петра I и его преемников – сама идея «регулярности», входя в единое культурное целое эпохи, составляет дополнительную величину к пестрой неупорядоченности реальной жизни тех лет). Большой интерес представляет, с этой точки зрения, изучение метатекстов: инструкций, «регламентов» и наставлений, представляющих систематизированный миф, создаваемый культурой о себе. Показательна при этом роль, которую играют на разных этапах культуры языковые грамматики как образцы для упорядочивающих, «регулирующих» текстов разного рода.

9.0.1. Роль искусственных языков и математической логики в развитии таких областей знания, как структурная и математическая лингвистика или семиотика, может быть описана как один из примеров создания «очагов упорядоченности». Одновременно сами эти науки в общем контексте культуры XX в. в целом играют аналогичную роль.

9.0.2. Существенным механизмом, придающим единство различным уровням и подсистемам культуры, является ее модель самой себя, возникающий на определенном этапе миф культуры о себе. Он выражается в создании автохарактеристик (например, метатекстов типа «Поэтического искусства» Буало, что особенно характерно для эпохи классицизма, ср. нормативные трактаты русского классицизма), которые активно регулируют строительство культур как целого.

9.0.3. Другим механизмом унификации является ориентированность культуры. Определенная частная семиотическая система получает значение доминирующей и ее структурные принципы проникают в другие структуры и в культуру в целом. Так, можно говорить о культурах, ориентированных на письменность (текст) или на устную речь, на слово и на рисунок. Может существовать культура, ориентированная на культуру или на внекультурную сферу. Ориентированность культуры на математику в эпоху рационализма или (в определенной мере) в начале второй половины XX в. может быть сопоставлена с ориентированностью культуры на поэзию в годы романтизма или символизма.

В частности, ориентированность на кино связана с такими чертами культуры XX в., как господство монтажного принципа (уже начиная с кубистических построений в живописи и в поэзии, хронологически предшествовавших победе монтажного приема в немом кино; ср. также позднейшие опыты типа «киноглаза» в прозе, сознательно построенные по образцу неигровых монтажных фильмов; характерен и параллелизм монтирования одновременных отрезков в кино, современном театре и в прозе, например у Булгакова), обыгрывание и противопоставление разных точек зрения (с чем связано и увеличение удельного веса сказа, несобственно-прямой речи и внутреннего монолога в прозе; с художественной практикой согласуется и далеко зашедший, а у ряда исследователей ставший осознанным, параллелизм в осмыслении значимости точки зрения для теории прозы, теории языка живописного произведения и теории кино), преимущественное внимание к детали, подаваемой крупным планом (метонимическое направление в художественной прозе; с этой же стилистической доминантой связано и значение детали как ключа к сюжетному построению в таких жанрах массовой литературы, как детектив).

9.1.0. Научное исследование не только инструмент изучения культуры, но и само входит в ее предмет. Научные тексты, являясь метатекстами культуры, одновременно могут рассматриваться и в качестве ее текстов. Поэтому любая значительная научная идея может рассматриваться и как попытка познания культуры, и как факт ее жизни, через который сказываются ее порождающие механизмы. С этой точки зрения можно было бы поставить вопрос о современных структурно-семиотических изучениях как явлении славянской культуры (роль чешской, словацкой, русской и других традиций).

Kultuurisemiootika teesid (slaavi tekstidest lähtuvalt)²³

JURI LOTMAN,
VJATŠESLAV IVANOV,
ALEKSANDER PJATIGORSKI,
VLADIMIR TOPOROV,
BORISS USPENSKI

1.0.0. Kultuuri uurimisel tuleb lähtuda eeldusest, et kogu informatsiooni välja-
töötamise, vahetamise ja säilitamisega seotud inimtegevus omab teatud ühtsust.
Kuigi üksikud märgisüsteemid eeldavad immanentselt organiseeritud struktuu-
re, toimivad nad vaid ühtsuses, üksteisele toetudes. Ükski märgisüsteem ei oma
mehhanismi, mis võimaldaks talle isoleeritud funktsioneerimise. Sellest järeldub,
et kõrvuti lähenemisega, mis võimaldab luua semiootilise tsükli suhteliselt auto-
noomsete teaduste seeriana, on võimalik ka teine, mille seisukohast kõik nad vaat-
levad *kultuurisemiootika* kui erinevate märgisüsteemide funktsionaalset suhes-
tatust uuriva teaduse eri aspekte. Viimasel juhul omandavad erilise tähenduse
küsimused kultuurikeelte hierarhilisest ülesehitusest, nendevahelisest valdkon-
dade jaotumisest, juhtudest, mil need valdkonnad lõikuvad või vaid piirnevad.

1.1.0. Semiootilis-tüpoloogilistes uurimustes on “kultuuri” mõiste algmõisteks.
Seejuures tuleb eristada lähenemist kultuurile tema enda vaatepunktist või teda
kirjeldava teadusliku metasüsteemi koostamise vaatepunktist. Esimeselt posit-
sioonilt näeb kultuur välja teatud piiritletud alana, millele vastanduvad temast
väljaspool asetsevad inimkonna ajaloo, kogemuse või tegevuse nähtused. Seega
on kultuuri mõiste lahutamatu seotud tema vastandamisega “mitte-kultuurile”.

²³ Originaal: Иванов, В. В.; Лотман, Ю. М.; Пяттигорский, А. М.; Топоров, В. Н.; Успенский, Б. А. 1973. Тезисы к семиотическому изучению культур (в применении к славянским текстам). In: Маёнова, Maria Renata (ed.), *Semiotyka i struktura tekstu. Studia poświęcone VII Międzynarodowemu kongresowi slawistów: Warszawa 1973*. Wrocław: Ossolineum, Wydawnictwo Polskijei Akademii Nauk, 9–32. Eestikeelne tõlge varem ilmunud: Ivanov, V. V.; Lotman, J. M.; Pjatigorski, A. M.; Toporov, V. N.; Üspenski, B. A. 1998. Kultuurisemiootika teesid (slaavi tekstidest lähtuvalt). In: Pärl, Ülle (ed.), *Theses on the Semiotic Study of Cultures*. (Tartu Semiotics Library, 1.) Tartu: Tartu University Press, 61–88. Vene keelest tõlkinud Silvi Salupere. Tõlkija tänab asjalike paranduste ja kasulike näpunäidete eest Ann Maltsi, Malle Saluperet ja Peeter Tõropit. Käesolev tõlge on parandatud ja täiendatud.

Aluseks võetud põhimõte (antiteesid tõene ja vale religioon, haridus-harimatus, teatud etnilisse gruppi kuulumine-mittekuulumine jne.) kuulub antud kultuuritüübi juurde. Kuid teatud suletud sfääri lülitatus/ mittelülitatus vastandus ise on oluliseks iseärasuseks kultuuri mõiste lahtimõtestamisel "seestpoolt". Seejuures toimub iseloomulik vastanduse absolutiseerimine: näib, et kultuur ei vajagi oma "välimist" kontragenti ja teda võib mõista immanentselt.

1.1.1. Kultuuri määratlemine organiseerituse (informatsiooni) valdkonnana inimühiskonnas ja tema vastandamine desorganiseeritusele (entroopia) kujutab endast üht paljudest kirjeldatavale objektile "seestpoolt" antavatest definitsioonidest; see tõestab veelkord, et teadus (antud juhul informatsiooniteooria) on XX sajandil mitte ainult metasüsteem, vaid sisaldub ka kirjeldatavas objektis "tänapäeva kultuur".

1.1.2. Opositsioon "kultuur-loodus" ("tehtu-mittetehtu") kujutab endast samuti vaid üht, ajalooliselt tingitud tõlgendust antiteesile sissearvatud-väljaarvatud. Juhime tähelepanu, et vene kultuuris XX saj. alguses (A. Blok) levinud antiteesi "kultuur-tšivilisatsioon" jaoks on kultuur organiseeritud, kuid mitte inimese, vaid "muusika vaimu" poolt, ja, järelikult, "esialgne" struktuur. Tehtuse tunnus aga omistatakse antipoodile kultuur-tšivilisatsioon.

1.2.0. Välimisest vaatepunktist kujutavad kultuur ja mittekultuur endast vastastikku tingitud ja teineteist vajavaid valdkondi. Kultuurimehhanism – see on seadeldis [устройство], mis muudab välimise sisemiseks: desorganisatsiooni – organisatsiooniks, võhikud – harituteks, patused – pühameesteks, entroopia – informatsiooniks. Kuna kultuur elab mitte ainult välise ja sisemise vastanduses, vaid ka üleminekus ühest teise, siis ta mitte ainult ei võitle välimise "kaosega", vaid ka vajab seda, mitte ainult ei hävita kaost, vaid ka loob seda pidevalt. Üks seos kultuuri ja tsivilisatsiooni (ja "kaose") vahel seisneb selles, et kultuur pidevalt võõrandab oma antipoodi kasuks mingeid "läbitöötatud" elemente, mis muutuvad stampideks ja funktsioneerivad mittekultuuris. Sel moel toimub kultuuris eneses entroopia suurenemine äärmise organiseerituse arvelt.

1.2.1. Seega võib öelda, et igale kultuuritüübile vastab tema "kaose" tüüp, mis ei ole sugugi algne, ühetaoline ja alati iseendaga võrdne, vaid kujutab endast inimese sama aktiivset loomingut, nagu ka kultuurilise organisatsiooni valdkond. Igale ajalooliselt antud kultuuritüübile vastab talle ainuomane mitte-kultuuri tüüp.

1.2.2. Kultuurivälise mitteorganisatsiooni valdkond võib olla üles ehitatud peegelpildis kultuurisfäärina või siis ruumina, mis antud kultuuri lülitatud vaateleja seisukohast on mitteorganiseeritud, kuid väljastpoolt vaadatuna osutub *teistmoodi organiseeritud* valdkonnaks. Esimese näiteks võiks olla paganlike ettekujutuste

rekonstruktsioon XII saj. Kiievi munga poolt kroonikas "*Povest' vremennõh let'*". Ta sunnib religioosnes vaidluses kristlastega osalevat maatarka küsimisele: "Millised on teie jumalad, kus nad elavad?" vastama: "Elavad sügavikes ja on välimused mustad, tiibade ja sabaga". Kui kultuuri poolt omandatud maailmapildis on jumalad "üleval", siis väljapoole jäävas ruumis on nad all. Edasi toimub kultuurivälise ruumi samastamine negatiivse "alumise" maailmaga antud kultuuri süsteemis ("Mis jumal see on, kes istub sügavikus, see on kurat, jumal istub taevas"). Näide teise kohta – poljaanlasest kroonikakirjutaja kinnitus, et drevljaanidel "ei olnud abielu", millele järgneb perekonnakorralduse kirjeldus, mis krooniku silmis ei ole abielu, kuid tänapäeva uurija jaoks muidugi on.

1.2.3. Kuigi piire laiendades püüab kultuur täielikult usurpeerida kogu kultuurivälise ruumi, samastada seda endaga, viib välise kirjelduse seisukohast taoline organiseerituse sfääri laienemine mitteorganiseerituse sfääri laienemisele. Hellenistliku tsivilisatsiooni kitsale maailmale vastas ka kitsas ring teda ümbritsevaid "barbareid". Vahemeremaade antiiktsivilisatsiooni ruumilise kasvuga kaasnes kultuurivälise maailma kasv (loomulikult, kui eemalduda antud kultuuritüübi mõistetest, siis mingit kasvu ei olnud – see või teine rahvas võis elada nii enne seda, kui ta sai tuntuks rooma tsivilisatsioonile, kui ka pärast. Kuid antud kultuuri vaatepunktist laienes tema "eelväli" vääramatult). On iseloomulik, et XX sajand, ammendanud kultuuri ruumilise laiendamise reservid (kogu geograafiline ruum muutus "kultuurseks", "eelväli" kadus), pöördus alateadvuse probleemi poole, konstrueerides uue kultuurile vastandatud ruumi tüübi. Vastandumine ühelt poolt alateadvusele ja teiselt poolt kosmose sfääridele on XX sajandi kultuuri sisemise struktuuri mõistmisel sama oluline kui Venemaa ja stepi vastandus XII sajandil või rahva ja intelligentsi vastandus XIX sajandi teise poole vene kultuuris. Kultuurifaktina on alateadvuse probleem mitte niivõrd XX saj. avastus, kuivõrd looming.

1.2.4. Opositsioon "kultuur-kultuuriväline ruum" kujutab endast minimaalset ühikut antud tasandil. Praktiliselt on antud kultuurivälise ruumide paradigma ("lapselik", "eksootilis-etniline" antud kultuuri vaatepunktist, "alateadvuslik", "patoloogiline" jmt.). Analoogiliselt on üles ehitatud erinevate rahvaste kirjeldused keskaegsetes tekstides: keskmes paikneb teatud normaalne "meie", millele on vastandatud teised rahvad kui anomaaliate paradigmaatilise kogum.

1.3.0. Välise ruumi aktiivne osa kultuurimehhanismis ilmneb iseäranis selles, et teatud ideoloogilised süsteemid võivad siduda kultuuriloovalge just välise, mitteorganiseeritud sfääriga, vastandades talle sisemise, korrastatud valdkonna kui kultuuriliselt elutu. Nõnda samastatakse slavofiilses vastanduses Venemaa-Lääs esimene välise, normaliseerimata, kultuuriliselt omandamata, kuid tulevase kul-

tuuri seemet sisaldava sfääriga. Läänt aga mõistetakse kui kinnist ja korrastatud maailma, s.t. üheaegselt “kultuurset” ja kultuuriliselt elutut.

1.3.1. Niisiis, välise vaataja seisukohast kujutab kultuur endast mitte liikumatut sünkroonselt tasakaalustatud mehhanismi, vaid dihhotoomset seadeldist, mille “töö” realiseerub ühtaegu kui korrastatuse agressioon mittekorrastatuse sfääri ja vastassuunaline mittekorrastatuse tungimine organiseerituse valdkonda. Ajaloolise arengu erinevatel etappidel võib domineerida üks või teine tendents. Väljastpoolt tulnud tekstide inkorporeerumine kultuurisfääri võib mõnikord olla kultuurilise arengu võimsaks stimuleerivaks faktoriks.

1.3.2. Kultuuri ja tema välissfääri mängulisi seoseid tuleb arvestada kultuuriliste mõjutuste ja sidemete uurimisel. Kui perioodidel, mil kultuur intensiivselt mõjutab välissfääri, omandab ta endasarnast, s.t. seda, mis tema seisukohast on hoomatav kultuurifaktina, siis ekstensiivse arengu etappidel omastab ta tekste, millede dešifreerimiseks tal vahendid puuduvad. Laste, arhailise ja keskaegse või Kaug-Ida või Aafrika rahvaste kunsti laiaulatuslik invasioon Euroopa XX sajandi kultuuri on seotud tõiigaga, et need tekstid kistakse välja neile omasest ajaloolisest (või psühholoogilisest) kontekstist. Neid vaadatakse “täiskasvanu” või eurooplase silmadega. Et nad mängiksid aktiivset rolli, tuleb neid tekste tajuda kui “kummalisi”.

1.3.3. Sisemise (suletud) ja välise (avatud) ruumi vahelise pinge kultuuriline funktsioon tuleb eredalt esile elamu (ja teiste ehitiste) struktuuris. Ehitades maja, piiritleb inimene samaaegselt osa ruumist, mis – erinevalt välissfäärist – on tajutatav kui kultuuriliselt omandatu ja korrastatu. Kuid see algne vastandus omandab kultuurilise tähenduse vaid tema pidevate ja vastassuunaliste rikkumiste taustal. Nii hakatakse, ühelt poolt, suletud “kodust” ruumi teadvustama mitte kui välismaailma antipoodi, vaid kui tema mudelit ja analoogi (näiteks jumalakoda kui universumi sümbol). Sel juhul kantakse, allutades korrastatamatuse sfääri, jumalakoja ruumi korrastatus üle välismaailmale (sisemise ruumi agressioon väljapoole). Teisalt, mingid välismaailma omadused tungivad ka sisemisse ruumi. Sellega on seotud püüed eristada “kodu kodus” (näiteks altariruum kui sisesfääri sisesfäär). Äärmiselt huvitava näite “mängust” hoone sisemise ja välimise ruumi vahel kui vastavate kultuurisfääride vahelise pinge analoogist pakub barokkarhitektuur. “Üle piiri minevate” struktuuride loomine (raamidest väljuvad pildid, pjedestaalidelt maha astuvad kujud, akende ja peeglite paariviisilise suhestatuse süsteem, mis muudab loodusvaate interjööri elemendiks) annab võimaluse kultuurisfääri tungimiseks kaosesse ja kaose tungimiseks kultuurisfääri.

2.0.0. Seega ehitub kultuur, ühelt poolt, kui semiootiliste süsteemide hierarhia, teisalt – kui teda ümbritseva kultuurivälise sfääri mitmekihiline seadeldis. Kuid

vaieldamatult määrab kultuuri tüübi ära eelkõige just sisemine struktuur, erinevate semiootiliste allsüsteemide koostis ja suhestatus.

2.0.1. Vastavalt ülalöeldule võib mitme kultuuri suhestatus moodustada funktsionaalse või struktuurse ühtsuse ka laiemate kontekstide (geneetiliste, areaalsete ja muude) vaatepunktist. Taoline lähenemine osutub eriti viljakaks kultuuride võrdleva analüüsi puhul, nagu näiteks slaavi rahvaste kultuuride uurimisel. Kultuuride sisemise paradigma koostamine või nende jaotamine struktuurse opositsiooni “kultuurisisene–kultuuriväline” väljas võimaldab lahendada rea küsimusi, mis puudutavad nii üksikute slaavi kultuuride omavahelisi seoseid, kui ka nende suhteid teiste areaalide kultuuridega.

3.0.0. Kaasaegse semiootika fundamentaalset mõistet *tekst* võib lugeda siduvaks lüliks üldsemiootiliste ja kitsamalt slavistikaalaste uurimuste vahel. Tekst on tervikliku tähenduse ja tervikliku funktsiooni kandja (kui eristada kultuuri-uurija ja kultuurikandja seisukohti, siis on tekst esimese jaoks tervikliku funktsiooni, teise seisukohalt aga tervikliku tähenduse kandja). Selliselt käsitletuna võib teda vaadelda kui kultuuri algelementi (baasühikut). Teksti suhestatus kultuuriterviku ja selle koodide süsteemiga väljendub asjaolus, et üks ja seesama teade võib erinevatel tasanditel esineda teksti, teksti osa või tekstide kogumina. Nii võib Puškini “Belkini jutustus” vaadelda kui terviklikku teksti, kui tekstide kogumit või ühtse teksti “vene 1830ndate aastate jutustus” osana.

3.1.0. Mõistet “tekst” kasutatakse spetsiifiliselt semiootilises tähenduses ja rakendatakse, ühelt poolt, mitte ainult loomuliku keele teadete, vaid iga tervikliku (“tekstilise”) tähenduse kandjale – riitus, kujutava kunsti teos või helitöö. Teisalt ei ole mitte iga loomuliku keele teade kultuuri vaatepunktist tekst. Loomuliku keele teadete kogumist eristab ja arvestab kultuur vaid neid, mida võib määratleda kui teatud kõnežanri (näiteks “palve”, “seadus”, “romaan” jmt.), s.t. mis omavad teatud terviklikku tähendust ja kannavad terviklikku funktsiooni.

3.2.0. Teksti kui uurimisobjekti võib vaadelda järgmiste probleemide valguses.

3.2.1. *Tekst ja märk*. Tekst kui terviklik märk, tekst kui märkide järgnevus. Teist juhtu, kui hästi tuttavat teksti lingvistilise uurimise kogemusest, vaadeldakse tihti ainuvõimalikuna. Kuid üldises kultuurimudelisis on oluline ka see tekstide tüüp, kus teksti mõiste on mitte sekundaarne, tuletatud märkide järgnevusest, vaid primaarne. Seda tüüpi tekst ei ole diskreetne ja ei lagune märkideks. Ta kujutab endast tervikut ja jaguneb mitte üksikmärkideks, vaid diferentsiaaltunnusteks. Selles mõttes võib avastada kaugeleulatava sarnasuse: ühelt poolt teksti primaarsus sellistes tänapäeva massikommunikatsiooni audiovisuaalsetes süsteemides nagu film ja televisioon ja teisalt teksti roll süsteemides, kus, nagu matemaatilises

loogikas, metamatemaatikas ja formaliseeritud grammatikate teoorias, keele all mõistetakse tekstide teatud hulka. Printsipiaalne vahe nende teksti primaarsuse kahe juhtumi vahel seisneb selles, et informatsiooni edastavates audiovisuaalsetes süsteemides ja taolistes nendega võrreldes varasemates süsteemides nagu kujutav kunst, skulptuur, tants (ja pantomiim), ballett, võib esmaseks olla pidev [непрерывный] tekst (kogu pildi pind või selle fragment, kui pildis on eristatavad üksikud märgid), samal ajal kui formaliseeritud keeltes võib tekst alati esineda diskreetsete sümbolite jadana, mis on antud algtähestiku (kogumi või sõnastiku) elementidena.

Sellistele formaliseeritud keelte diskreetsetele mudelitele (s.t. informatsiooni diskreetsele edastamisele) orienteerumine, mis on iseloomulik meie sajandi esimese poole lingvistikale, asendub kaasaja semiootilises teoorias tähelepanuga pidevale tekstile kui esialgsele antusele (s.t. informatsiooni edastamise mitte-diskreetsele) just siis, kui kultuuris endas hakkavad üha suuremat tähendust omama suhtlussüsteemid, mis kasutavad valdavalt pidevaid tekste. Televisiooni jaoks on põhiühikuks elementaarne eluline situatsioon, mis on enne saadet (või telefili valmimist) aprioorset tundmatu ja elementideks lahutamatu. Kuid massikommunikatsiooni audiovisuaalse tehnika (film ja televisiooni, sealhulgas ka telefilmide) jaoks on iseloomulik mõlemate mooduste ühendamine. Filmikunst ei loobu sugugi diskreetsetest, eelkõige suulise ja teiste käibekeelte [обиходные] märkidest (mida ta saab iseäranis “kaameraeelse” ja “kinematograafiaeelse” materjalina teistest, tüpoloogiliselt varasematest, süsteemidest), vaid lülitab neid terviklikesse tekstidesse (krutsifiks A. Wajda “Tuha ja teemandi” kirikustseenis esineb ise kui diskreetne sümbol, kuid ta mõtestatakse ümber kogu kaadri kontekstis, kus ta on suhestatud filmi kangelasega).

Sarnast enamasti teistest (arhailistest) süsteemidest ülevõetud diskreetsete märkide lülitamist pidevasse teksti võib leida ka ajalooliselt varasemates visuaalsetes süsteemides, näiteks maalikunstis, kus inimese kujutis maailmapuul, keskne suure osa mütoloogiliste ja rituaalsete traditsioonide (sealhulgas ka slaavi) jaoks, või teised ekvivalentsed kujundid võivad olla säilitatud kompositsiooni keskpunktina. Kõigil taolistel juhtudel võib näha semiootiliste süsteemide evolutsiooni üldise seaduspärasuse ilmnenemist, kus mingi märk või terve teade (või teate fragment) võib olla lülitatud teise märgisüsteemi kui selle koostisosa ja säiluda edaspidi enamjaolt just sel kujul (järelkult, nihutatud funktsiooniga – esteetiliselt, aga mitte enam mütoloogilise või rituaalsega, nagu toodud näidetes). Viimane üldistus võib pakkuda huvi iidsete semiootiliste süsteemide selliste rekonstruktsioonimeetodite põhjendamisel, mis arhailiste süsteemide (näiteks algslaavi mütoloogia) märkide (vahel ka tekstide) taastamisel tuginevad nende hilisematele peegeldustele, mis on ajaloolises traditsioonis säilunud folkloori- ja muudes tekstides. Viidatud vaatepunktist lülitub ka tänapäeva massikommunikatsioonivahendite analüüs nende suhestatuses ajalooliselt eelnevate süsteemidega orgaaniliselt kultuurikeelte võrdlevasse uurimisse (seaduspärasteks osutuvad, näiteks, sellised

uurimisteemad, nagu Wajda filmide seos poola baroki traditsiooniga – mitte ainult teose emotsionaalse õhkkonna plaanis, vaid ka valitud “eelkinematograafilise” materjali omadustest lähtuvalt).

Diskreetse metakeele diferentsiaaltunnuste, nagu: ülemine-alumine, vasakparem, tume-hele, valge-must valikut maalikunsti või kinematograafia pidevate tekstide kirjeldamiseks võib vaadelda kui arhaiseerivate tendentside ilmnemist, mis asetavad keel-objekti pidevale tekstile metakeelelised kategooriad, mis on iseloomulikumad binaarsümboolse klassifikatsiooniga (nagu mütoloogilised või rituaalsed) arhailistele süsteemidele. Kuid ei saa välistada, et seda tüüpi tunnused säiluvad arhetüüpilistena ka pidevate tekstide loomisel ja vastuvõtmisel.

Seega, diskreetse või mittediskreetse tekstitüübi domineerimine võib olla seotud kultuuri arengu teatud etapiga. Kuid tuleb rõhutada, et mõlemad tendentsid võivad esineda kui sünkroonselt kooseksisteerivad. Pinge nende vahel (näiteks sõna ja joonise konflikt) moodustab kultuuri kui terviku ühe kõige püsivama mehhanismi. Neist ühe valitsemine on võimalik mitte vastandtüübi täieliku allasurumise, vaid ainult kultuuri teatud tekstistruktuuridele kui domineerivatele orienteerituse vormis.

3.2.2. *Tekst ja “adressandi–adressaadi” probleem.* Kultuurilise kommunikatsiooni protsessis omandab erilise tähenduse “rääkija grammatika” ja “kuulaja grammatika” probleem. Nii nagu üksikud tekstid võivad olla loodud orienteerituna kas “rääkija seisukohale” või “kuulaja seisukohale”, nii võib taoline suunitlus olla omane ka teatud kultuuridele tervikuna. Kuulajale orienteeritud kultuuris paikneb tekstide aksioloogiline hierarhia nii, et mõisted “kõige väärtuslikum” ja “kõige arusaadavam” kattuvad. Sellisel juhul on sekundaarsete keelepealsete süsteemide spetsiifika vähimal määral väljendatud – tekstid hakkavad püüdlema minimaalse tinglikkuse poole, imiteerima “mitteehituslikkust” [непостроенность], orienteerudes teadlikult “alasti” teate tüübile loomulikus keeles. Ajalookroonika, proosa (eriti olukirjeldus), ajalehekroonika, dokumentaalfilm, televisioon asetuvad kõrgematele väärtusastmetele. “Tõepärast”, “tõelist”, “lihtsat” vaadeldakse kui kõrgemaid aksioloogilisi iseloomustusi.

Rääkijale orienteeritud kultuur seab kõrgeimaks väärtuseks suletud, raskesti mõistetavate või hoopis arusaamatute tekstide sfääri. See on esoteeriline kultuuri tüüp. Taolises kultuuris on kõrgeimal kohal profeetilised ja kultustekstid, glossolaaliad, spetsiifilised luuleliigid. Kultuuri orientatsioon “rääkijale” või “kuulajale” ilmneb selles, et esimesel juhul auditoorium modelleerib end tekstide looja järgi (lugeja püüab läheneda poeedi ideaalile), teisel – saatja vormib ennast auditooriumi järgi (poet püüab läheneda lugeja ideaalile). Ka kultuuri diakroonilist arengut võib vaadelda kui liikumist sama kommunikatiivse välja sees. Ümberorienteerumist rääkijalt kuulajale poeedi individuaalses evolutsioonis võiks illustreerida Pasternaki loominguga. Kogumikkude “Üle barjääride”, “Mu öde – elu”, “Teemad ja variatsioonid” esimeste variantide loomise perioodil oli poeedi jaoks

peamine monoloogiline kõne, mis püüdlis omaenese maailmanägemuse täpsele väljendamisele koos sellest tulenevate luulekeele semantilise (aga vahel ka süntaktilise) struktuuri iseärasustega. Hilisemates teostes domineerib dialoogiline suunatus vestluskaaslastele – kuulajale (potentsiaalsele lugejale, kes peab mõistma kõike talle antut). Eriti teravalt tuleb kontrast kahe maneeeri vahel esile neil juhtudel, kui kirjanik püüab kahel viisil edasi anda üht ja sama muljet (kaks luuletuse “Veneetsia” varianti ja kaks esmakordse Veneetsia-nägemuse proosakirjeldust “Kaitsekirjas” ja autobiograafias “Inimesed ja olud”; kaks luuletuse “Improvisatsioon” varianti: 1915. a. ja “Improvisatsioon klaveril” 1946. a.). Sellest, et taolist liikumist võib tõlgendada mitte ainult individuaalsete põhjuste valguses, vaid teatud seaduspärasusena euroopa avangardistlikus liikumises, annab tunnistust Majakovski, Zabolotski ja tšehhi avangardistlike poetide loominguline areng. Ülaltoodud liikumissuund ei ole aga ainuvõimalik; Pasternaki kaasaegsetest isoleerustab vastupidine areng eriti Ahmatovat (“Kangelaseta poeem” võrdluses varasemate teostega).

3.2.3. Tuleb välja selgitada, mil määral kahe polaarse kirjandus- ja kunstistiili tüübi, nagu opositsioonid: renessans–barokk, klassitsism–barokk, klassitsism–romantism (erinevate perioodide slaavi kirjanduste jaoks on parim Julian Krzyżanowski klassifikatsioon) eristamine võib olla seostatav kultuuritüübiga, mis on määratletud suunitlusega kas rääkijale või kuulajale (esimese tüübi alla võiksid kuuluda, näiteks, varajane keskaeg, barokk, romantism, avangardne kirjandus – Młoda Polska – ja muu sarnane). Iga taolise opositsiooni sees on omakorda võimalikud analoogilise tunnuse alusel teostatavad eristused (millega võib siduda selliste vahepealsete tüüpide nagu manerism olemasolu). Kuulajale orienteeritud stiilide kronoloogiliselt hilise lülitumisega slaavi kultuuridesse võib real juhtudel seostada nende stiilide sees rääkijale orienteeritud stiilidele lähemal olevate joonte olemasolu (barokk slaavi hilisrenessansi sees jmt). Ühised jooned, mis seovad rääkijale orienteeritud stiile, võimaldavad püstitada küsimuse kaugeleulatuvatest stilistilistest sarnasustest (näiteks üksikutes Norwidi “Vademecum’i” ja Tsvetajeva luuletustes) absoluutsest kronoloogiast sõltumatult.

3.2.4. Kuna kultuurides, mis omavad teate välise fikseerimise vahendeid, on kommunikatsioonikanalisse saatja ja adressaadi vahele monteeritud mälu, eristatakse potentsiaalset (“mu kauge järglane” Baratõnski luuletuses) ja aktuaalset adressaati. Aktuaalsete adressaatide kogum on saatjaga seotud tagasisidemega. Muuhulgas, taolise kogumi poolt valitakse kõikide tekstide seast mõned, mis vastavad ajastu, põlvkonna, sotsiaalse grupi esteetilistele nõrmidele. Sellise valiku mehhanismi võib modelleerida aparadi abil, mis on lähedane evolutsiooni küberneetilises mudelis välja töötatule. Kuna teoreetilis-informatsioonilisest vaatepunktist määratletakse informatsiooni hulk antud tekstis kogu tekstide hulga suhtes, saab tänapäeval selgemalt kirjeldada “väikeste kirjanike” reaalsel osa kollektiivses va-

likus, mis valmistab ette maksimaalset informatsioonihulka kandva teksti tekkimist. Kirjanikupoolset (ja, näiteks, mustandites peegelduvat) individuaalset valikut võib vaadelda kui kollektiivse valiku jätku, vahel tema poolt juhitud, kuid tihti temast tõukuvat. Sellest seisukohast võib olla kasulik ka valikut takistavate faktorite uurimine.

Mälu olemasoluga kommunikatsioonikanalis võib siduda ka nende kommunikatiivsete iseärasuste peegeldust žanride struktuuris, mis vahel pärinevad eelnevast perioodist ("žanri mälu" Bahtini järgi).

4.0.0. Määratledes kultuuri teatud sekundaarse keelena toome sisse mõiste "kultuuritekst", s.o. tekst antud sekundaarses keeles. Kuna see või teine loomulik keel sisaldub kultuuri keeles, kerkib küsimus loomuliku keele teksti ja kultuuri sõnalise teksti suhestatusest. Siin on võimalikud järgmised seosed.

- a) Loomuliku keele tekst ei ole antud kultuuri tekstiks. Sellised on, näiteks, kirjakeelele orienteeritud kultuuride jaoks kõik tekstid, millede sotsiaalne funktsioneerimine eeldab suulist vormi. Kõik ütlused, milledele antud kultuur ei omista väärtust ja tähendust (näiteks ei säilita), ei ole tema vaatepunktist tekstid.²⁴
- b) Tekst antud sekundaarses keeles on samaaegselt ka loomulikus keeles tekst. Puškini luuletus on samaaegselt tekst vene keeles.
- c) Kultuuri sõnaline tekst ei ole tekstiks antud loomulikus keeles. Ta võib seejuures olla tekstiks teises loomulikus keeles (ladinakeelne palve slaavilase jaoks) või moodustuda loomuliku keele ühe või teise tasandi mittereeglipärase transformatsiooni teel (vrd. taoliste tekstide funktsioneerimist laste loomingus).²⁵

Hlebnikovi poeetilistes tekstides on fragmente, mis oma fonoloogiliselt struktuurilt ("бобэоби"), morfoloogiliselt või leksikaalselt koosseisult ("лукает луком" [sibuldab sibulana], "смеянтвует смехами" [naerutseb naerudena] ja teised neologismid, mis rajanevad slaavi luulele muinasperioodist iseloomuliku arhailise võtte *figura etymologica* elustamisel) ja süntaktilistelt konstruktsioonidelt ("ты стоишь что делаю" [sa seisad mis tehes]) ei kuulu üldkeele vaatepunktist õigesti ülesehitatud tekstide hulka.

Kuid iga taoline fragment, lülitudes poeetiliseks tunnistatud teksti, saab seeläbi ka vene luule ajaloo faktiks. Analoogilisi nähtusi võib jälgida ka varasematel arenguetappidel selliste folkloorivormide puhul, nagu näiteks luiske- ja absurdi-lugu, kus üldkeelele omaste semantiliste normide rikkumine saab kompositsiooni põhiprintsiibiks.

²⁴ Tuleb eristada antud kultuuri mitte-teksti ja "anti-teksti": ütlust, mida ei säilitata, ütlusest, mis hävitatakse.

²⁵ Harvad, kuid võimalikud on juhtumid, kui ühe või teise teate teadvustamine antud keeles tekstina määratletakse tema kultuuriteksti kuulumise faktiga.

4.0.1. Oluline on küsimus teksti ja funktsiooni suhestusest lähtuva kultuuritüpoloogia loomisest. Teksti all mõistetakse ainult sellist teadet, mis on antud kultuuri sees moodustatud teatud genereerivate reeglite järgi. Üldisemal kujul on see seaduspärasus kehtiv mistahes semiootilise süsteemi puhul. Teise keele või teise keelesüsteemi sees võib sama teade mitte olla tekst. Siin võib näha üldsemiootilist analoogi keelelisele mõistele “grammatiline õigsus”, mis on vägagi oluline kaasaegses formaalsete grammatikate teoorias. Iga keeleline teade ei ole kultuuri vaatepunktist tekst ja vastupidi – mitte iga tekst kultuuri vaatepunktist ei kujuta endast reeglipärast teadet loomulikus keeles.

4.1.0. Traditsiooniline kultuuriajalugu arvestab iga ajalõike puhul ainult “uusi”, antud eepohhil loodud tekste. Kultuuri reaalses eksistentsis aga funktsioneerivad uute kõrval alati ka sellesse kultuuritraditsiooni üle kandunud või väljastpoolt sisetoodud tekstid, mis lisavad igale kultuuri sünkrooniaseisundile kultuurilise põlglotismi jooni. Kuna erinevatel sotsiaalsetel tasanditel võib kultuuriline areng kulgeda erinevalt, siis võib kultuuri sünkroonne seisund lülitada endasse tema diakroonia ja “vanade” tekstide aktiivse taasesitamise. Vrd., näiteks, Peeter Esimese eelse kultuuri elavat käibivust vene vanausuliste seas XVIII–XIX saj.

5.0.0. Teksti koht tekstiruumis määratletakse teksti suhtena potentsiaalsete tekstide kogumisse.

5.0.1. Semiootilise tekstimõiste seos traditsiooniliste filoloogiliste ülesannetega on eriti eredalt näha slavistika kui teaduse näitel. Slavistika objektiks on muutuamatult olnud teatud tekstide summa. Kuid teadusliku mõtte ja tema aluseks oleva kultuuri edenedes võivad erinevad teosed kord omandada, kord kaotada võime esineda tekstidena. Selles suhtes on ilmekaks näiteks Vana-Vene kirjandus. Kui allikate hulk on siin küllaltki stabiilne, siis tekstide nimekiri (kuna ta peegeldab formuleeritud või implitsiitset teksti mõistet, mis alati korreleerub vanavene kultuuri kontseptsiooniga) varieerub oluliselt sõltuvalt koolkonnast ja uurijast. Allikad, mis ei mahu taolise teksti mõiste määratluse alla, viiakse üle “mitte-tekstide” kategooriasse. Kujukas näide – kõhklused ühe või teise teose kuuluvuses kunstiliste tekstide hulka, sõltuvalt mõiste “keskaja kunstiline kultuur” erinevast sisust.

5.1.0. Tekstiteaduse avar käsitlus haakub slavistika traditsiooniliste võtetega, mis ennegi hõlmasid nii sünkroonias tõlgendatavaid slaavi tekste (näiteks kirikuslaavi) kui ka diakroonias võrreldavaid erinevate perioodide tekste. Oluline on seejuures rõhutada, et avar tüpoloogiline lähenemine taandab sünkroonia ja diakroonia vastanduse absoluutsuse. Sellega seoses tuleb märkida nende keelte erilist funktsiooni, mis pretendeerivad keeltevahelise suhtluse põhiinstrumendi ja eri ajastuid siduva lüli rollile kasvõi slaavi areaali mõnedes osades, eriti kirikuslaavi keele ja selle erinevates redaktsioonides kirjutatud tekstide rolli. Seepärast võib

kõrvuti sünkroonia ja diakroonia suhestusega püstitada ka keele pankroonilise funktsioneerimise probleemi (antud konkreetsel juhul mängis kirikuslaavi keel eelkõige suhtluskeelega osa õigeusklikus maailmas). See näib seda olulisemana, et absoluutse ajaskaala suhtes on erinevad slaavi kultuuritraditsioonid organiseeritud erinevalt (vrd., ühelt poolt, algslaavi muistse aja igandite rohkust idaslaavlastel sfääris, mida võiks nimetada “allkultuuriks”, teisalt – mõnede, eriti lääneslaavi ja osa lõunaslaavi areaalide sisenemist teistesse kultuuritsoonidesse), mis tingib nende slaavi kultuuride diakroonia struktuuris diskreetsuse erinevalt teiste traditsioonide pidevusest.

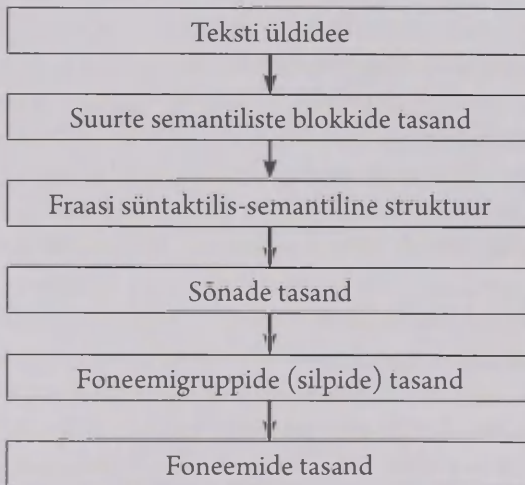
5.2.0. Slaavi tekstide ajaloolisel rekonstrueerimisel võib erinevate slaavi keeletraditsioonide alla kuuluvate tekstide võrdlemine sünkroonias anda real juhtudel rohkem, kui kõrvutus ühe arengusuuna siseselt. Sel moel on võimalik häid tulemusi saavutada filoloogia traditsioonilise ülesande – uurijani mittejõudnud tekstide rekonstrueerimise – lahendamisel. Minimaalsete tekstide – morfeemide kombinatsioonid sõnas või eraldi morfeemide kombinatsioonid – puhul on taoline lähenemine praktiliselt realiseeritud slaavi võrdlev-ajaloolises keeleteaduses. Tänapäeval võib seda laiendada tervele slaavi muististe rekonstrueerimise valdkonnale alates meetrikast kuni folklooritekstide, mütoloogia, tekstina mõistetava rituaali, muusika, riietuse, ornamendi, elu-olu ja muu taoliseni. Teiste traditsioonide mitmekesiste mõjutuste küllus hilisemate perioodide suhtes (näiteks, ida ja hiljem lääne-euroopa rõivastusvormide suhe idaslaavi rahvaste kostüümiajaloo) muudab diakroonilise arengu suures osas mittepeidevaks (mis on seotud kaugleulatuvate traditsiooni rikkumistega). Algsete üldslaavi vormide taastamisel võib taolise arengu analüüs osutada oluliseks just hilisemate ladestuste eristamisel. Sama ülesande – diakroonilise kihistumise kindlakstegemine ja vanima kihi projitseerimine üldslaavi perioodile – lahenduse efektiivsemaks viisiks võib osutada igast slaavi traditsioonist võetud sünkroonialõikude kõrvutamine.

5.2.1. Tekstide rekonstrueerimisega tegelevad praktiliselt kõik filoloogid, alates slaavi muististe ja folkloori spetsialistidest ja lõpetades kaasaegse kirjanduse uurijatega (autori kavatsuse või kirjandusteose rekonstruktsioon, kadunud tekstide või nende osade taastamine, lugeja vastuvõtu rekonstruktsioon kaasaegsete hinnangute alusel, suuliste allikate ja nende koha rekonstruktsioon kirjaliku kultuuri süsteemis; teatri ajaloo ja näitleja mängu uurimisel on uurimisobjektiks eelkõige rekonstruktsioonid jne.). Mõngis mõttes on igasugune poeetiline käsikirja lugemine loominguprotsessi rekonstruktsioon ja järkjärguline täitekihtide eemaldamine. Vrd. käsikirja lugemine kui rekonstruktsioon puškinistide tekstoloogias 1920.–1940. aastatel. Erinevates slaavi filoloogia valdkondades kogutud empiirilise materjal võimaldab püstitada küsimuse üldise rekonstruktsiooniteooria loomisest, mis põhineb ühtsel postulaatide süsteemil ja formaliseeritud protseduuridel. Oluline on seejuures teadlik lähenemine rekonstruktsiooni tasandite

probleemile, teadmine, et erinevad rekonstruktsioonitasandid nõuavad erinevaid protseduure ja viivad igal erijuhul spetsiifiliste tulemusteni. Rekonstruktsioon võib olla läbi viidud kõige kõrgemal, puhtsemantilisel tasandil, mis on lõppkokkuvõttes tõlgitav teatud universaalide keelde.

Terve rea ülesannete püstitamisel võib aga toimuda ühetüübiline väljumine rekonstrueeritava materjali piiridest sama rahvuskultuuri teistesse struktuuridesse. Semantiliste teadete ümberkodeerimise käigus alamatel tasanditel lahendatakse järjest spetsiifilisemaid ülesandeid, kuni sellisteni, mis vahetult seovad teksti rekonstrueerimise lingvistiliste uurimustega. Rekonstruktsiooni kõige märkimisväärsamad tulemused on saavutatud äärmistel tasanditel, mis vastavad tähistatava ja tähistaja semiootilistele kategooriatele. Võimalik, et see on seotud nende enimvastavusega tekstireaalsusele, samal ajal kui vahepealsed tasandid on rohkem seotud kirjeldamisel kasutatava metakeelise süsteemiga.

5.2.2. Teksti esitust loomulikus keeles võiks kirjeldada lähtuvalt teatava automaadi idealiseeritud tööskemist, mis transformeerib teksti, teda järkjärgult “lahti rullides” – üldideest kuni kõige alumiste tasanditeni – kusjuures igale tasandile või mingile erinevate tasandite kombinatsioonile võib vastata teksti üleskirjutus väljutava seadeldise [выводящее устройство] abil:

Kui graafiline väljutav seadeldis vastab foneemide tasandile, siis see tähendab, et selle seadeldisega edastatav teade kujutab endast foneemide järgnevust, s.t. et edastajas (mõistetuna vastavalt teate edastamise teoreetilis-informatsioonilisele mudelile) kõrvutatakse iga foneemiga vastavalt kooditabelile mingi signaal – täht; näiteks võib olla serbia tüüpi täheline kiri. Kui aga väljutav seadeldis vastab teose üldidee tasandile, siis see tähendab, et selle seadeldisega edastatav teade kujutab endast teose üldist ideed tema veel liigendamata kujul, s.t. saatjas kõrvutatakse

ideega seda kodeeriv sümbol (kusjuures pole välistatud, et see sümbol on ainuke koodimoodustaja ja seega süsteemiväline märk). Näiteks võib tuua niisuguseid üldisi sümboleid nagu päikesemärgid, lindude ja hobuste kujutised või kõigi nende kolme sümboli kombinatsioonid taimornamendis, mis moodustavad ühtse teksti. Seejuures vanimal, algslaavi perioodil, kujutasid nad endast ühtset teksti, milles sümbol-elementid olid ranges vastavuses, kogu tekst omas ühtset semantikat ja iga element oma kindlat semantikat. Kuid oma edaspidistes peegeldustes mitmesugustes slaavi traditsioonides (ornamendis, näiteks koonaldel, saanidel, vankritel; erinevatel majapidamistarvetel – riidekiristudel, laegastel, rõivatikanditel, puunikerdustel, muuhulgas katusekaunistustel; rituaalsetel taigatoodetel – pirukatel, karavaidel; laste mänguasjadel jne.) esinevad osadena sekundaarses tekstis, mis on moodustunud teksti põhisemantika ununemise käigus oma süntaktilise funktsiooni minetanud esialgsete koostisosade “segunemise” teel. Varasemasse perioodi kuuluva – maailmapuud kujutava – teksti (maailmapuu, selle kohal valgusalikad, puu otsas ja ümber linnud ja loomad) rekonstruktsiooni õigsust kinnitab erinevast žanrist sõnaliste tekstide (lausumised, mõistatused, laulud, muinasjutud) kokkulangevus kõigis peamistes slaavi traditsioonides. Muuhulgas osutub, et taoline teksti rekonstruktsioon vastab, ühelt poolt, üldindoeuroopa omale, mis on teostatud slaavi andmeid kasutamata indo-iraani ja muinasislandi tekstide kokkulangevuse põhjal, teisalt aga tüpoloogiliselt sarnastele tekstidele erinevates euraasia šamaanitraditsioonides.

5.2.3. Taoliste rekonstruktsioonide puhul, isegi kui ei ole võimalik leida teksti madalamal tasandil representeerivaid keelelisi elemente, kergendab semantilist rekonstruktsiooni kultuurikomplekside, mis kasutavad praktiliselt ühtset valikut põhilistest semantilistest vastandustest (nagu eelslaavi puhul taastatud õnn–ebaõnn [ДОЛЯ–НЕДОЛЯ], elu–surm, päike–kuu, maa–meri jne.) tüpoloogiline sarnasus. Neil juhtudel võib esitada hüpoteesi sarnastest võimalustest taoliste süsteemide sotsiaalsel interpreteerimisel. Siin tuleb ära märkida võimalus lülitada vastavatesse kultuurikompleksidesse (laiemalt mõistetud vanimate perioodide teatud sotsiaalse organisatsioonitüübi olemasolu korral) ka sellised ühiskondlike struktuuride ilmingud nagu asulate ja elamute vorm, abielu reguleerivad ettekirjutused ja keelud ning nendega seotud sugulusterminite funktsioneerimine. Seepärast on struktuursete meetodite kasutamisel slaavi muististe rekonstrueerimisel saadud andmed olulised mitte ainult kitsamas mõttes kultuuri ajaloo jaoks, vaid ka slaavlaste ühiskondliku organisatsiooni varasemate etappide (sealhulgas ka arheoloogiliste andmete interpretatsioon) uurimisel. See kinnitab veelkord, et slavistika kui teadus slaavi muististest – mõistetuna ühtse semiootilise tervikuna – ning vastavate traditsioonide hilisemast transformatsioonist ja diferentseerumisest on realselt ühtne.

6.0.0. Semiootilisest vaatepunktist võib kultuuri vaadelda kui erinevate semiootiliste süsteemide hierarhiat, kui tekstide summat ja nendega seotud funktsioonide kogumit või kui teatud seadeldist, mis genereerib neid tekste. Mingi kollektiivi käsitlemisel keerukama ehitusega indiviidina võib kultuuri analoogselt individuaalse mälumehhanismiga mõtestada kui teatud kollektiivset seadeldist informatsiooni säilitamiseks ja töötlemiseks. Kultuuri semiootiline struktuur ja mälu semiootiline struktuur kujutavad endast erinevatel tasanditel paiknevaid funktsionaalselt ühetüübilisi nähtusi. Antud väide ei ole vastuolus kultuuri dünaamilisusega: olles põhimõtteliselt möödunud kogemuse fikseering, võib ta esineda ka kui programm ja kui instruksioon uute tekstide loomiseks. Peale selle on kultuuri printsiipiaalse orienteerituse puhul tulevasele kogemusele võimalik teatud tingliku vaatepunkti konstrueerimine, millest lähtudes tulevik esineb minevikuna. Näiteks luuakse tekste, mida hakkavad säilitama järeltulijad, inimesed, kes peavad end "ajastu tegijateks", püüavad sooritada ajaloolisi tegusid (teod, mis tulevikus saavad mäluks). Vrd. XVIII saj. inimeste püüdega valida antiikkangelasi *oma* käitumise eeskujudeks (Cato kuju on omapäraseks koodiks, mis seletab lahti kogu Radištševi käitumise, kaasaarvatud enesetapp). Kultuuri kui mälu olemus ilmneb eriti selgelt arhailiste, iseäranis folkloorsete, tekstide näitel.

6.0.1. Mitte ainult kommunikatsioonis osalejad ei loo tekste, vaid ka tekstid sisaldavad mälestust kommunikatsioonis osalejatest. Seepärast toob teise kultuuri tekstide omandamine enesega kaasa isiksuse teatud struktuuride ja käitumistüüpide translatsiooni läbi sajandite. Tekst võib esineda terve kultuuri kokkusurutud programmina. Tekstide omandamine teisest kultuurist viib *polükultuursusele*, võimalusele, jäädes ühe kultuuri raamidesse, valida tinglik käitumine teise kultuuri stiilis. See nähtus tekib vaid ühiskonna arengu teatud etappidel ja välise märgina evib näiteks võimalust valida rõivastuse tüüpi (vrd. valikut "ungari", "poola" või "vene" riietuse vahel XVII saj. lõpu – XVIII saj. alguse vene kultuuris).

6.0.2. Perioodi jaoks, mis algab algslaavi ajast ja jõuab mõnedes slaavi traditsioonides kuni uusajani, kindlustab kollektiivne informatsiooni säilitamise mehhanism ("mälu") fikseeritud jäikade tekstiskeemide (meetriliste, translingvistiliste jne.) ja tervete tekstifragmentide (*loci communi* folklooritekstide suhtes) edasiandmise põlvkonnalt põlvkonnale. Väanimad seda tüüpi märgisüsteemid, kus kirjandus taandub päritud mütoloogiliste süžeede kehastamisele rituaalsete valemite abil, võivad sotsiaalse interpretatsiooni plaanis olla sünkroniseeritud jäigalt determineeritud suhete süsteemidega, kus kõik võimalused on ammendatud mütoloogilise mineviku ja tsükilise rituaaliga vastavuses olevate reeglitega. Seevastu enam arenenud süsteemid kollektiivides, millede käitumist reguleerib mälestus nende reaalsest ajaloost, on otseses vastavuses kirjanduse tüübiga, kus põhiprintsiibiks saab statistiliselt vähima sagedusega (ja järelkult suuremat informatsioonihulka kandvate) võtete otsing. Sarnaseid arutlusi võiks välja pakkuda ka teistes kultuuri-

valdkondades, kus mõiste “areng” (s.t. ajas suunatus) on lahutamatu järkjärgult käitumisprogrammidesse hädavajalike korrektiivide sisseviimiseks kasutatava informatsiooni kogumisest ja ümbertöötlemisest. Sellega on seletatav ajaloolise tegelikkuse asemel müüti loova mineviku kunstliku mütologiseerimise regressiivne roll. Selles mõttes võib üldslaavi mineviku suhete tüpoloogia osutada kasulikuks slavofiilide pärandi ja selle rolli uurimisel. Võib arvestada niisuguste indoeuroopa kultuuri diakroonilise transformatsiooni võimalustega, mis mitte alati ei eelda arengut keerukama organiseerituse suunas (keerukust mõistetakse siin puhtformaalselt kui elementide hulga, nende järgnevuse ja nendevaheliste seoste karakteristikate mõõdu ja kogu kultuuri mõõdususe funktsiooni). Kaasaegsed uurimused indoeuroopa määratlustest nende seostes algslaavi omadega võimaldavad eeldada, et mõningatel juhtudel toimub üldslaavi tekstides võrreldes üldindoeuroopa omadega (ja vahel ka üksikutes slaavi tekstides võrdluses üldslaavi tekstidega) liikumine mitte informatsiooni, vaid entroopia hulga suurenemise poole. Nii kujutavad duaal-eksogaamsed struktuurid, mis nähtavasti korreleeruvad algslaavluses taastatava binaar-sümboolse klassifikatsiooniga, arhailisemat kihti, kui üldindoeuroopluses taastatavad struktuurid: see võib aga olla seletatav mitte slaavi maailma suurema arhailisusega, vaid teatud sekundaarsete protsessidega, mis on viinud struktuuri lihtsustumiseni. Kõigil taolistel juhtudel tõstatub rekonstrueerimisel ülesanne kõrvaldada tekstile tema edasiandmise käigus põlvkondadevahelises diakroonilises sidekanalis ladestunud müra. Sellega seoses võib sekundaarsetes modelleerivates süsteemides ilmnevate nähtustega võrrelda märgatavat teksti organisatsiooni keerukuse vähenemist (ja lihtsuse suurenemist) morfoloogilisel tasandil, üleminekul avatud silpide reegli kehtivuselt indoeuroopa perioodil (hilisemale) algslaavi perioodile (lihtsuse all mõistetakse siin elementide arvu ja nende distributsioonireeglite vähenemist).

6.1.0. Kultuuri funktsioneerimiseks ja vastavalt tema uurimiseks komplekssete meetodite rakendamise vajalikkuse põhjendamisel on põhjaneva tähendusega tõsiasi, et üks isoleeritud semiootiline süsteem, kui täiuslikult ta ka ei oleks organiseeritud, ei saa moodustada kultuuri – selleks on minimaalse mehhanismina vajalik semiootiliste süsteemide suhestatud paar. Loomuliku keele tekst ja joonistus manifesteerivad kõige tavalisemat kahest keelest koosnevat süsteemi, mis moodustab kultuuri mehhanismi. Kultuuri iseloomustavaks jooneks on püüd keelte heterogeensuse poole.

6.1.1. Sellega seoses omandab erilise rolli kakskeelsuse nähtus, millel on erakordne tähendus slaavi maailma jaoks ja mis paljuski määrab ära slaavi kultuuride eripära. Bilingvismi konkreetsete tingimuste kogu mitmekesisuse juures erinevates slaavi paikkondades on teine keel alati olnud hierarhiliselt kõrgeim, täites tekstide vormimisel näidise-etaloni funktsiooni. Orienteeritus “võõrale” keelele leiab aset ka siis, kui kultuuris toimub liikumine keeleliste vahendite demokratiseerumise

suunas. Nii näiteks tähendavad Puškini sõnad, et keelt tuleb õppida Moskva provirnidelt, rahvaliku keele kui teise keele poole pöördumise vajalikkust. Antud seaduspärasus ilmneb siis, kui aksioloogiliselt kõrgeimaks saab sotsiaalselt madalaim süsteem. Teise slaavi keele (tavaliselt kirikuslaavi) spetsiifilised funktsioonid taolises struktuurselt samaväärsete keelte paaris teevad slaavi kultuuride ja keelte materjali eriti väärtuslikuks mitte ainult kakskeelsuse probleemide uurimisel, vaid ka terve rea protsesside seletamisel, mis on hüpoteetiliselt seostatavad kaks- ja paljukeelsusega (romaani teke ja kaks- ja paljukeelsuse osa selle žanri puhul, luule lähenemine kõnekeelele kui üks tema sotsiaalsetest funktsioonidest; vrd. vene luulekeele rahvakeelele lähendamise ideed Mandelštami artiklites).

6.1.2. Vaieldamatute teksteloovate, keeleliste vahenditega määratletud, seoste taustal võib slavistikateaduste poolt uuritavate tekstide ringi lülitada ka sellised, mis on kirjutatud mitteslaavi keeltes, kuid on funktsionaalselt tähenduslikud vastandatutena vastavatele slaavi tekstidele (Jan Husi teadustööde ladina keel – vanatšehhi keel, Tjuttševi artiklite prantsuse keel). Sellega seoses võib erilist huvi pakkuda ladina- ja itaaliakeelsete tekstide analüüs võrdluses slaavikeelsetega renessansiaegses kakskeelses slaavi maailmas (vrd. hilisbarokile iseloomulike ladina-poola ja itaalia-horvaatia makarooniliste luuletekstidega), prantsuskeelsete tekstide analüüs võrdluses nende venekeelsete ekvivalentidega vene XIX sajandi esimese poole kirjanduses (üks ja sama Baratõnski luuletus prantsuse ja vene keeles, Puškini prantsuskeelsed märkmed võrdluses neile osaliselt paralleelsete venekeelsete kirjutistega jne.), vene-prantsuse kakskeelsus, kujutatud ja kasutatud kunstilise võttena vene XIX sajandi romaanis.

6.1.3. Kultuuri kui süsteemide süsteemi, mis lõppkokkuvõttes baseerub loomulikul keelel (seda peetaksegi silmas terminis “sekundaarsed modelleerivad süsteemid”, vastandatutena “primaarsele süsteemile”, s.o. loomulikule keelele), võib vaadelda kui paariviisiliselt suhestatud semiootiliste süsteemide hierarhiat, millede vaheline korrelatsioon olulisel määral realiseerub läbi suhte loomuliku keele süsteemi. Arhailiste kultuuride suuremast sünkretismist tingituna tuleb see seos eriti ilmekalt esile algslaavi muististe rekonstrueerimisel (vrd. teatud rütmiliste, meloodiliste tüüpide seost meetrilistega, mis on omakorda tingitud süntaktilise aktsentoloogia reeglitest; riitusfunktsioonide otsene peegeldus sellistes rituaalsete tekstide elementide keelelistes tähistustes, nagu riitustoidu nimetused).

6.1.4. Teesi ainult loomuliku keele mittepiisavusest kultuuri konstrueerimisel võib siduda tõigaga, et ka loomulik keel ise ei kujuta endast ühe struktuuriprintsiibi rangelt loogilist realisatsiooni.

6.1.5. Süsteemide süsteemi ühtsuse teadvustamise aste on antud kultuuri sees erinev, mida võib vaadelda kui üht kultuuri tüpoloogilise hindamise kriteeriumi.

See aste on väga kõrge keskaja usuteaduslikes konstruktides ja neis hilisemates kultuuriliikumistes, kus, nagu hussiidide puhul, võib näha tagasipöördumist sama, nüüd juba uue sisuga täidetud, arhailise kultuuriühtsuse kontseptsiooni poole. Kuid tänapäeva uurija vaatepunktist osutub kultuur, mille esindajad mõtestavad teda ühtsena, tunduvalt keerukamaks moodustiseks: keskaegse kultuuri sees eristub M. M. Bahtini poolt avastatud "mitteametlike karnevaliliste nähtuste" kiht (slaavi pinnal kestev sellistes tekstides nagu vanatšehhi müsteerium "Unguentarius"); hussiidlikus kirjanduses ilmneb ladina teadustekstide ja teisele adressaadile (massile) suunatud publitsistika tähenduslik vastandus. Mõnedele perioodidele, mida iseloomustab kunstiline suunatus teate saatjale, on samal ajal eriomane maksimaalselt lai denotaatide ja kontseptide valik ühelt autorilt lähtuvate teadete sees (Komensky, Boškovič, Lomonossov), mis võib olla kultuuri (sisaldab neil juhtudel ka loodusteadusi ja tervet rida humanitaarteadusi jne.) ühtsuse kasuks rääkivaks lisaargumendiks. See ühtsus on otsustav, määratlemaks rangelt objekti, mida uurib slavistika kui teadus omavahel, ühe või kahe (üheks neist oli reas kultuurides kirikuslaavi keel) slaavi keele kaudu, seotud kultuuride sünkroonses ja diakroonses funktsioneerimisest. Igas antud kultuuris kasutatavate keeletraditsioonide ühtsuse tundmine on eelduseks nende erinevuste teadvustamisel (mitte ainult teoorias, vaid ka vastavate traditsioonide kandjate praktilises käitumises). Need erinevused on slaavi maailmas olnud seotud mitte niivõrd puhtkeeleliste (morfonoloogiliste) ümberkodeerimisreeglitega, mis nende suhtelise lihtsuse tõttu ei peakski vastastikust mõistmist segama, kuivõrd kultuurilis-ajalooliste (varasemate perioodide puhul eelkõige konfessionaalsete) erinevustega. Seega saab ilmseks slaavi kultuuride niisuguse uurimise hädavajalikkus, mis, keelelise ühtsuse siduvat rolli pidevalt silmas pidades, väljuks puhtlingvistilistest raamidest ja arvestaks kõiki keeleväliseid faktoreid, mis omakorda on mõjutanud ka keelelist diferentseerumist. Nii võib slaavi kultuuride ja keelte analüüs osutada käepäraseks mudeliks loomulike keelte ja sekundaarsete (keeleepealsete) modelleerivate semiootiliste süsteemide omavaheliste suhete uurimisel.

"Sekundaarsete modelleerivate süsteemide" all mõeldakse niisuguseid semiootilisi süsteeme, millede abil konstrueeritakse maailma või selle fragmentide mudeleid. Need süsteemid on sekundaarsed primaarse loomuliku keele suhtes, mille kohale nad asetuvad – kas vahetult (ilukirjanduse keelepealne süsteem) või talle paralleelsete vormide näol (muusika või maalikunst).

6.2.0. Kultuuriloovalte semiootiliste opositsioonide süsteemis mängib erilist rolli diskreetsete ja mittediskreetsete semiootiliste mudelite (diskreetsete ja mittediskreetsete tekstide) vastandus, mille üheks väljenduseks võib olla ikooniliste ja sõnaliste märkide antitees. Sel juhul omandab traditsiooniline kujutavate ja sõnaliste kunstide vastandus uue tähenduse: võib rääkida nende vastastikuselt vajalikkusest kultuuri mehhanismi moodustamisel ja vajadusest eristuda semioosi printsübil, s.t. olla ühelt poolt ekvivalentsed ja teisalt – mitte lõplikult vastastik-

ku tõlgitavad. Kuna erinevad rahvuslikud traditsioonid omavad erinevat loogikat, evolutsiooni kiirust, vastuvõtlikkust võõrastele mõjutustele diskreetsete ja mitte-diskreetsete tekstiloovate süsteemide piires, siis loob pinge nende traditsioonide vahel võimaluse kombinatsiooniliseks mitmekesisuseks, mis on oluline näiteks slaavi kultuuride ajaloolise tüpologia koostamisel. Erilist huvi võiks pakkuda samade tekstiehituslike seaduspärasuste väljatoomine valdavalt pidevate (maalikunsti) ja valdavalt diskreetsete (sõnaliste) tekstide materjalil (näiteks barokis). Selles plaanis tähtsustub ekraniseeringu fenomen, kui eksperiment, mille käigus diskreetne sõnaline tekst tõlgitakse pidevaks, mida vaid saadavad diskreetse fragmendid (näiteks Iwaszkiewicz'i romaan "Kasesalu" ja Wajda telefilm selle põhjal, kus sõnalise teksti osa on viidud miinimumini seoses muusika tähenduslikkusega filmi helilise külje jaoks).

7.0.0. Üheks kultuuride semiootika ja tüpologia oluliseks uurimisprobleemiks on küsimus struktuuride, tekstide ja funktsioonide ekvivalentsusest. Ühe kultuuri siseselt tõstatub tekstide ekvivalentsuse probleem. Sellele on üles ehitatud tõlkimise võimalus ühe traditsiooni sees. Seejuures, kuna ekvivalentsus ei ole samasus, sisaldab tõlge ühest tekstisüsteemist teise alati teatud tõlkimatuse elementi. Semiootilise lähenemisviisi puhul on oma ülesehitusprintsipiidelt vastastikku suhestatavad ja samastatavad konkreetsete tekstid, mitte süsteemid, mis säilitavad autonoomsuse nende poolt genereeritavate tekstide kuitahes kaugeleulatuva samasuse puhul. Seetõttu on tekstide rekonstrueerimine erinevates allkeeltes tihti kergemini teostatav kui allkeelte eneste rekonstruktsioon. Viimase ülesande lahendamisel tuleb sageli toetuda tüpoloogilistele võrdlustele teiste kultuuri-areaalidega. Slavistika traditsiooniliste ülesannete lahendamisel võivad komparativistlikud probleemid olla tõlgendatud kui tekstide translatsioon erinevaid kanaleid pidi.

7.0.1. Seejuures on oluline eristada kolme juhtu: teatud võõrslaavi teksti translatsioon mööda kanalit, mille väljund on teises slaavi keeles (lihtsaim näide – tõlge ühest slaavi keelest teise, poola–ukraina–vene sidemed XVI–XVII ss.); mingi teises traditsioonis loodud teksti translatsioon mööda kahte (või enam) kanalit (evangeeliumi kirikuslaavikeelsete tõlgete erinevad redaktsioonid, ühe ja sama lääne ilukirjandusteksti tõlge erinevatesse slaavi keeltesse); lõpuks, teksti translatsioon kanaleid mööda, milledest ainult ühe väljundiks on tema realisatsioon slaavi keeles (juhtum, kui slaavi areaali piirides on kirjanduslikud või muud kultuuri-kontaktid piiratud ainult ühe rahvusliku või keelelise traditsiooniga), nagu näiteks rida türgi–bulgaaria leksikaalse kontaktiga seotud nähtusi; viimase tüübi juurde kuuluvad nähtavasti ka seosed *Minnesang*'i ja vanatšehhi armastuslühirika tekstide vormi vahel. Kolmanda tüübi suhteliselt väiksem osatähtsus võrreldes kahe esimesega räägib arvamuse kasuks, mille järgi slaavi kirjanduste ajalugu peaks olema üles ehitatud eelkõige võrdlevas plaanis. Mingi nähtuse olemasolu taustal teistes

slaavi traditsioonides osutub tema puudumine või võitlus temaga (näiteks bai-ronism slovaki kirjanduses) eriti tähenduslikuks. Translatsioon suhteliselt kõrgetel tasanditel (sealhulgas teksti figuratsiooni ja stilistika tasandil) on iseloomulik hiliskeskaja slaavi kirjasõna mälestistele. Sellega on seletatav, ühelt poolt, nende organisatsiooni keerukus (mis on tingitud evolutsiooni ja kollektiivse tekstide valiku pikaajalisusest mitte slaavi maailmas, vaid bütsantsi traditsioonis), teisalt, suhteline väheolulisus (kui pidada silmas kõrgemaid, mitte puht keeleleksika tasandeid) algslaavi rekonstruktsioonide jaoks. Pikaajalise eelneva tekstide valikuga seletatava traditsiooni translatsioonipuhune peegeldus slaavi pinnal on oluline ka XVI sajandi dalmaatsia kirjandusajaloo ja rea viimaste sajandite slaavi kirjanduste jaoks. Erijuhuks on translatsioon, mille käigus muutub põhimõtteliselt ülemiste tekstitasandite iseloom, kuid säilib rida alumiste, eriti ikooniliste tasandite, tunnuseid, nagu juhtus idaslaavi paganlike jumaluste samastamisel (alumistel, teatud auditoriumi jaoks enamtähenduslikel tasanditel) õigeusklike pühakutega (vrd. selliseid paare nagu Volos–Vlasij, Mokoš–Paraskeva Pjatnitsa, muistse kaksikutekultuse peegeldus Flori ja Lavri näol). Slaavi-mitteslaavi kontaktide ja sellega seotud translatsioonide probleem nõuab kogu vaadeldava kultuuri vägagi avardatud mõistmist, lülitades sinna ka “keeleealused süsteemid” – tavad, olme ja tehnoloogia (sealhulgas käsitöö). Keeleealusteks nimetatakse selliseid semiootilisi süsteeme, millede iga element on loomuliku keele sõna (või sõnaühendi) denotaadiks. Mitteslaavi mõjud, mis on tihti enammärgatavad neis valdkondades (ja vahetult nendega seotud keeleterminoloogia sfäärides), võivad alles järgmistel etappidel avalduda sekundaarsetes “keeleealsetes” süsteemides, mis siin toovad näitlikult ilmsiks oma põhimõttelise erinevuse “keeleealustest”, mis ei ole loodud märkide ja loomuliku keele tekstide baasil ja mida ei ole võimalik loomuliku keele märkideks ja tekstideks transponeerida. Erinevalt sellest, hilisemaid kontakte lääne kultuuritsoonidega iseloomustavast seaduspärasusest, sõlmusid varasemad kontaktid Bütsantsiga eelkõige sekundaarsete modelleerivate süsteemide sfääris.

7.1.0. Tekstide transponeerimisest ühe kultuuritraditsiooni sees erineb sellega tüpoloogiliselt sarnane erinevatesse traditsioonidesse kuuluvate tekstide tõlkimine. Slaavi kultuurimaailma puhul kattub tõlge puht keelelistel põhjustel (peetakse silmas erinevatel tasanditel säilunud sarnasust ja kirikuslaavi keele rolli) tihti rekonstruktsiooniga. See käib mitte ainult ilmsete sõnaliste ja fonoloogiliste vastavuste, vaid ka näiteks selliste nähtuste kohta, nagu algslaavi meetriliste skeemide rekonstruktsiooni ennetamine Puškini “Lääneslaavlaste laulude” rütmiskeemis. Poeet kõrvutas intuitiivselt neidsamu – idaslaavi ja serbohorvaadi – traditsioone, millel põhinevad ka tänapäeva rekonstruktsioonid. Vrd. samuti J. Tuvimi katsetusi vene kõne foneetilise struktuuri modelleerimisel poola värsi raames, samal ajal teadlikult loobudes leksikaalsetele vastavustele orienteerumisest. Antud kontseptsiooni valguses on sobilik viidata Krizanići ajaloolisele teenele ja meile

ajas lähemale Baudouin de Courtenay analoogilisele lähenemisele, kelle arvates slaavi keelte vahelised vastavused kujutavad endast foneetilist tõlget.

8.0.0. Seisukoht, nagu ei toimiks kultuur ühe semiootilise süsteemi (ja seda enam – süsteemi tasandi) raames, peab silmas, et kirjeldamaks teksti elu kultuuride süsteemis või teksti moodustavate struktuuride sisetööd, ei piisa üksikute tasandite immanentse organisatsiooni kirjeldusest. Kerkib esile erinevate tasandite struktuuridevaheliste seoste uurimise ülesanne. Taolised vastastikused seosed võivad ilmnedagi nii vahepealsete tasandite tekkes, kui ka erinevatel tasanditel mõnikord jälgitavas struktuurilises isomorfismis. Tänu isomorfismile võime me üle minna ühelt tasandilt teisele. Siintoodud teesides summeeritud lähenemist iseloomustab teravdatud tähelepanu ümberkodeerimistele üleminekul ühelt tasandilt teisele, erinevalt tasandite immanentsest kirjeldamisest formaliseeritud kirjelduste varasematel etappidel. Sellest vaatepunktist osutuvad F. de Saussure'i "Anagrammid" kaasaegsemateks kui formaalse kirjandusteaduse varasemate etappide puhtimmanentsed katsetused.

8.0.1. Üleminek ühelt tasandilt teisele võib toimuda asendusreeglite (*rewriting rules*) abil, millede puhul element, mis on kõrgemal tasandil esindatud ühe sümboliga, laieneb alumisel tasandil tekstiks (vastupidisel üleminekujärjestusel mõistetuna vastavalt kui laiemasse konteksti lülitatud üksikmärk). Siin, nagu ka teistel sarnastel tänapäeva lingvistikas esiletoodud juhtudel, võib teksti sünkroonse sünteesi operatsioone kirjeldavate reeglite järgnevus kattuda diakroonilise arengu järgnevusega (vrd. kokkulangevust morfeemidest sõnavorme moodustava sünkroonse sünteesi reeglite järjestuse ja diakroonilise lihtsustamise vahel, mida on kirjeldatud slaavi nimisõna ajaloo näitel). Seejuures nii sünkroonilise kui ka diakroonilise kirjelduse puhul eelistatakse kontekstuaalselt seotud reegleid, kus iga sümboli x jaoks näidatakse ära kontekst $A - B$, milles teostub tema asendus tekstiga T :

$$x \rightarrow T(A - B)$$

8.0.2. Viimastel aastatel on struktuuripoetika spetsialistide huvi keskendunud tasanditevaheliste seoste uurimisele, seetõttu tegeldakse näiteks helikirjaga mitte tähendusest sõltumatult, vaid sellega seoses. Tasandikaupse ümberkodeerimise käigus põimuvad sünteesitava teksti osade redutseerimisel märgiks (mis on reaalselt kehastunud heli- või optilises signaalis) erinevate etappide tulemused. Probleemaatiliseks jääb võimalus neid etappe kunstiteksti sünteesi protsessis eksperimentaalselt eristada, kuna tekstis võib formaalsete piirangutega määratletud pindstruktuur mõjutada figuratiivset süvastruktuuri. See järeldub ka poetikas ilmsiks tulnud suhtest $\beta \leq \gamma$, mille alusel poeetilisele vormile peale pandud piirangute määra näitava koefitsiendi β suurenemisel on paratamatu poeetilise

keele paindlikkust määrava arvu γ suurenemine, s.t. ka sünonüümsete perifraaside hulga suurenemist, mis on võimalik ülekantud ja kujundlike sõnakasutuste, ebaharilike sõnaühendite jne. arvel. Seetõttu osutuvad formaalsete piirangute määra esiletoomine slaavi võrdleva poeetika alastes töödes, selliste erinevate slaavi keelte teoreetilis-informatsiooniliste parameetrite nagu paindlikkus (γ) ja entroopia (H) sätestamine ja ühest slaavi keelest teise tõlkimise ülesannete ning võimaluste täpsustamine ühe probleemi erinevateks külgedeks, mida võib uurida vaid igas valdkonnas läbi viidud eelnevate uurimuste põhjal.

9.0.0. Erinevate tasandite ja allsüsteemide ühendamisel ühtsesse semiootilisse tervikusse "kultuur" töötavad kaks teineteise suhtes vastandlikku mehhanismi:

- a) Tendents mitmekesisusele – erinevalt organiseeritud semiootiliste keelte arvu suurenemisele, kultuuri "polüglotism".
- b) Tendents ühetaolisusele – püüd mõtestada iseennast või teisi kultuure kui ühtseid, järgalt organiseeritud keeli.

Esimene tendents ilmneb pidevas kultuuri uute keelte loomises ja tema sisemise organisatsiooni ebahürtluses. Erinevatele kultuurivaldkondadele on omane erinev sisemise organiseerituse määr. Luues enese sees äärmise organiseerituse koldeid, vajab kultuur ka suhteliselt amorfseid, vaid struktuurilaadseid moodustisi. Selles mõttes on iseloomulik ajalooliselt antud kultuuristruktuuride sees niisuguste valdkondade süstemaatiline esiletõstmine, mis peaksid saama justkui kultuuri kui sellise organiseerituse mudeliks. Eriti huvitav on erinevate äärmise korrastatuse poole püüdlevate kunstlikult loodavate märgisüsteemide uurimine (nagu näiteks seisuste, mundrite ja eraldusmärkide kultuurifunktsioon Peeter I ja tema järglaste "regulaarses" riigis – "regulaarsuse" idee ise, sisenedes eepohhi ühtsesse kultuuri-tervikusse, moodustab täiendava suuruse tolle ajastu reaalse elu kirevas korrastamatuses). Suurt huvi pakub sellest vaatepunktist metatekstide: instruksioonide, "reglementide" ja õpetuste uurimine, mis esindavad kultuuri poolt enda kohta loodavat süstematiseeritud müüti. Iseloomulik on seejuures roll, mida mängivad kultuuri erinevatel etappidel keelegrammatikad kui näidised erinevat tüüpi korrastavate, "reguleerivate" tekstide jaoks.

9.0.1. Kunstlike keelte ja matemaatilise loogika osa selliste teadmisvaldkondade arengus nagu struktuuriline ja matemaatiline lingvistika või semiootika võib kirjeldada kui ühte näidet "korrastatuse kollete" loomisest. Samal ajal mängivad need teadused ise XX saj. üldises kultuurikontekstis analoogilist rolli.

9.0.2. Oluliseks erinevaid kultuuritasandeid ja allsüsteeme ühtsustavaks mehhanismiks on tema enese mudel, teatud etapil tekkiv kultuuri omamüüt. Ta väljendub eneseiseloomustuste loomises (eriti, näiteks, klassitsismile iseloomulikud

metatekstid nagu Boileau "Luulekunst" – vrd. vene klassitsismi normatiivsete traktaatidega), mis reguleerivad aktiivselt kultuuri kui terviku loomist.

9.0.3. Teiseks unifitseerimise mehhanismiks on kultuuri orienteeritus. Teatud üksik semiootiline süsteem saab domineeriva tähenduse ja tema struktuuriprintsiibid tungivad teistesse struktuuridesse ja kultuuri tervikuna. Nii võib rääkida kultuuridest, mis on orienteeritud kirjale (tekstile) või suulisele kõnele, sõnale ja joonisele. Võib eksisteerida kultuur, mis on orienteeritud kultuurile või kultuuri-välisele sfäärile. Kultuuri orienteeritust matemaatikale ratsionalismiajastul või (teatud määral) XX saj. teisel poolel võib kõrvutada kultuuri orienteeritusega luulele romantismis või sümbolismis.

Nii on orienteeritus filmikunstile seotud selliste XX saj. kultuuri iseloomustavate joontega nagu montaažiprintsiibi võimutsemine (juba alates kubistlikest konstruktsioonidest maalikunstis ja luules, mis kronoloogiliselt eelnesid montaaži võidule tummfilmis; vrd. ka hilisemad "filmisilma" tüüpi katsetused proosas, mis on teadlikult konstrueeritud dokumentaalfilmi montaažipõhimõtteid järgides; iseloomulik on samuti eriaegsete lõikude monteerimise parallelism filmis, kaasaegses teatris ja proosas, näiteks Bulgakovil), samuti erinevate vaatepunktidega manipuleerimine ja nende vastandamine (millega on seotud ka pajatuse, "kaudse otsese" kõne ja sisemonoloogi osakaalu suurenemine proosas; kunstilise praktikaga haakub samuti kaugeleulatuv ning osa uurijate puhul teadvustatud parallelism vaatepunkti tähenduslikkuse mõtestamisel proosateoorias, kunstiteose keele teoorias ja filmiteoorias), valdav tähelepanu suures plaanis antud detailile (metonüümiline suund ilukirjanduslikus proosas; sama stilistilise dominandiga on seotud ka detaili kui süžeealise ülesehituse võtme tähendus sellises massikirjanduse žanris nagu detektiiv).

9.1.0. Teaduslik uurimus ei ole mitte ainult kultuuri uurimise instrument, vaid on ka oma objekti osa. Teaduslikke tekste, mis on kultuuri metatekstideks, võib vaadelda ka kui kultuuritekste. Seetõttu võib iga olulist teaduslikku ideed vaadelda kui katset tunnetada kultuuri ja kui kultuuri elu fakti, mille kaudu tulevad esile teda genereerivad mehhanismid. Sellest vaatepunktist võiks püstitada küsimuse kaasaegsetest struktuuril-semiootilistest uurimustest kui nähtusest slaavi kultuuris (tšehhi, slovaki, poola, vene ja teised traditsioonid).

III

Postscriptum to Theses, 1979

Heterogeneity and homogeneity of cultures: Postscriptum to the collective theses²⁶

JURI M. LOTMAN, BORIS A. USPENSKIJ

0. While polyglotism is stressed as a fundamental feature of the internal mechanism of culture, it should be constantly kept in mind that at the basis of any model of culture lies a binary opposition of two radically different languages, being in a state of mutual untranslatability. Communication between them takes place with the aid of a metacultural mechanism that establishes a relative equivalence of texts in the two languages.

1.0. Immanent processes of the development of culture can therefore be thought of as the interaction of two tendencies directed towards two opposite aims:

- a) the multiplication of the number of languages of culture and deepening of their peculiarities, which produces communication difficulties within that culture and at the same time fosters the flexibility and complexity of its capacity to model reality;
- b) the creation of metalanguages (including normative auto-descriptions that culture makes of itself, and its descriptions with the tools of science) that facilitate communication within culture (including those between individuals) by means of the introduction of a univocal and stable system of texts, which at the same time simplify the culture and limit its flexibility as a modelling system.

1.1. Culture's ability of transforming the surrounding entropy in information, of creating within itself radically new languages and texts, as well as its bond with the

²⁶ Original title: Lotman, Jurij M.; Uspenskij, Boris A. 1979. Postscriptum alle tesi collettive sulla semiotica della cultura. (Rigotti, Eddo, trans.) In: Prevignano, Carlo (ed.), *La semiotica nei Paesi slavi: Programmi, problemi, analisi*. (Critica e filologia, 12.) Milano: Feltrinelli, 221–224. Written in 1977 by the request of the editor of that volume. The title used here appears in the 2nd Italian printing: Lotman, J. M.; Uspenskij, B. A. 2006. Eterogeneità e omogeneità delle culture: Postscriptum alle tesi collettive. In: Lotman, J. M., *Tesi per una semiotica delle culture*. (Sedda, Franciscu, ed.) Roma: Meltemi, 149–153. Here translated from Italian by Remo Gramigna.

mechanism of collective memory, allow it to be considered as a collective person that, in particular, comes to be the bearer of collective intelligence.²⁷

1.2. In this regard, the functional isomorphism that is found between individual consciousness and is linked to the structural asymmetry of the individual's brain, that is currently the subject of great attention, as well as the fundamental asymmetry of semiotic systems included in even the most minimal models of culture must be emphasized.

2.0. The claim that any unit within the mechanism of culture would entail a semiotic specialization of the involved parties and that its inner structural heterogeneity is a condition of the globality of that cultural mechanism, provides a frame for some preliminary remarks concerning the influences of one culture on another.

2.1. In the comparative study of cultures the idea according to which cultural influence presupposes that the involved cultures would have reached a common stage of development is considerably widespread. The similar influences the similar, and each culture selects, in the heterogeneous repertoire of existing texts, that in which it sees itself. Undoubtedly, such a selection takes place. Yet, it would be erroneous to close one's eyes to the fact that often it is really the *difference* which best represents the original premise of cultural influence. It is just this moment – where casual and sporadic cultural contacts, within which each of the parties in contact maintain their autonomy, make way for a unity and previously distinct cultures are assembled in a certain organism – that the structural semiotic difference between them does not diminish; in fact it deepens. They enter into a relationship of asymmetric likeness.

2.2. The semiotic mechanism of this process can be so represented: each of the cultures in contact, in their own original “separated” existence, is internally heterogeneous. Moving from the “outer” to the “inner” sphere and ceasing, from specific points of view, to be “alien”, or being in the intermediate position of the “close alien” (in the Russia of Kiev there was a term for the designation of the Cumans that had settled on the borders and had abandoned nomadic life, becoming allies of Russian princes against the nomadic Cumans: *naši poganii*, that is “our pagans” and “our aliens” at the same time), a culture takes a specific place in the structure of the internal asymmetry of its partner, at the same time including it in itself by means of an analogue identification with a specific component of its internal organization. This leads to a greater identification of each of the structures that

²⁷ More in particular, in this respect, Лотман, Ю. 1977. *Культура как коллективный разум и проблема искусственного разума*. Москва: Научный совет по комплексной проблеме “Кибернетика” АН СССР, Предварительная публикация. [Note from *Entretextos* 9: 27 (2007).]

form part of the new unity, together with the growth of metaformations being of service for the systems of contacts between them. Moreover, in a whole series of cases, the self-awareness that culture has of its own specificity is exactly tied to a structural consideration of an external point of view on itself (no phenomenon derives its own specificity from an internal viewpoint), that is, to the fact of joining with the “alien” culture in a certain more complex unity.

These observed tendencies are clearly found in cultures historically situated at the boundaries of major cultural areas (in particular, they are very real for the historical destinies of Russian culture). In cultures positioned at the core of a large complex of relatively homogeneous cultures, the observed tendencies occur less clearly. Thus, for instance, the internal structure of Russian culture entails the intake of an alien point of view, interpreted by reason of the geographical location of border now as “western”, now as “eastern”. Consequently, this same culture is presented to itself now as “western” (from the “eastern” point of view) now as “eastern” (from the “western” point of view).

3.0. This shows that the binary principle of the structure is presented, in relation to culture, not only as a fact of its metalinguistic description, but also as an immanent property of its organization. In addition, in the binary structure of metalanguages can be seen the mirroring of the fundamental asymmetry, present in any thinking mechanism as in the same mechanism of consciousness. Certainly, the binary principle is present only as an initial generative model tending to expand later on in a paradigm of oppositions.

3.1. Given that the dichotomic essence of culture “for itself” must appear as a unified whole (this is a necessary consequence of the existence of culture) the importance of self-descriptions is strongly emphasized. The essential difference between cultural evolution and natural evolution lies in the active role of self-descriptions, in the influence exerted over the object by representations of the same. Broadly speaking, this influence could be defined as the subjective factor of the evolution of culture. Since culture is presented as a system of values to the bearer of that culture, it is exactly this subjective factor that determines the axiological feature of culture.

3.2. The dynamic development of culture takes place under the influence of two types of factors: on the one hand, heterogeneous forces external to culture act on it; on the other hand, this influence is translated in the language of its internal structure and, in connection with this, it undergoes various transformations, including also the active influence of self-descriptions, the influence of which has been described above. Leaving external influences aside, the analogy with models of diachronic change in linguistics is also relevant. From top to bottom, an invariant and stable backbone structure is preserved, which is comprised of a certain

configuration of basic oppositions. While there is dynamism on the surface texts of culture, on a level of basic organization a particular stability can be shown.

3.3. Within this formulation, the evolution of culture, under a specific aspect, can be presented as a systematic process of the re-denomination of elements within the range of invariant oppositions. The invariant backbone structure of culture objectively becomes the bearer of the collective memory of a given culture and, at the same time, provides a reason to the researcher to identify this unitary conception of culture in a large quantity of texts belonging to different times.

3.3.1. We must distinguish changes on the level of texts, with preservation of bone structure, and changes (or ruptures, destruction) on the level of bone structure with relative stability of texts. Quite frequently, in different historical stages, the same texts receive a different interpretation. From the pragmatic point of view, they intervene as different texts.

Index

Names of persons in the Theses (in English, pp. 53–77)

- Akhmatova, Anna 61
Bakhtin, Mikhail M. 62, 71
Baratynsky, Yevgeny A. 61, 70
Baudouin de Courtenay, Jan 74
Blok, Aleksandr A. 54
Boileau, Nicolas 77
Bošković, Ruder Josip 71
Bulgakov, Mikhail A. 77
Byron, George G. 73
Cato 68
Comenius, Jan A. 71
Hus, Jan 70
Iwazskiewicz, Jaroslaw 72
Khlebnikov, Viktor V. 63
Križanić, Juraj 74
Krzyżanowski, Julian 61
Lomonosov, Mikhail V. 71
Mandelstam, Osip E. 61, 70
Mayakovsky, Vladimir V. 61
Myatlev, Ivan P. 70
Norwid, Cyprian 61
Paraskeva Pyatnitsa 74
Pasternak, Boris L. 60, 61
Peter the Great 76
Pushkin, Aleksandr S. 58, 62, 65, 70, 74
Radischev, Aleksandr N. 68
Saint Blaise 74
Saussure, Ferdinand de 75
Tsvetaeva, Marina I. 61
Tuwim, Julian 74
Tyutchev, Fyodor I. 70
Wajda, Andrzej 59, 72
Zabolotsky, Nikolay 61
Cassirer, Ernst 18, 32
Chernigovskaja, Tatiana 2
Chomsky, Noam 16, 24, 31
Deely, John 37
Eimermacher, Karl 9, 16, 35
Eisenstein, Sergei M. 17
Eng, Jan van der 8, 37, 53
Geertz, Clifford J. 20, 35
Gindin, Sergej 7
Ginsburg, Lidiia I. 36
Gottdiener, Mark 8
Gramigna, Remo 6, 129
Grande, Maurizio 9
Grinzer, Nikolai 7
Grygar, Mojmír 8, 37, 53
Haidar, Julieta 33, 35
Herder, Johann G. 18
Hjelmslev, Louis 16
Innis, Robert E. 2
Ivanov, Vjacheslav Vs. 5, 7–9, 15, 28, 34, 37, 53, 78, 105
Jakobson, Roman S. 7, 16, 17, 34, 35
Kaldjäv, Klaarika 9
Koch, Walter A. 18, 35
Koshelev, Aleksei D. 7, 36
Kull, Kalevi 2, 5–7
Lagopoulos, Alexandros Ph. 8
Lampis, Mirko 10
Lévi-Strauss, Claude 16, 18, 19, 35
Lindström, Kati 6, 7
Lotman, Juri M. 5–10, 15, 16, 21–25, 28–30, 32, 33, 35–37, 41, 44, 47, 53, 78, 105, 129, 130
Lotman, Mihhail 7, 8
Lucid, Daniel P. 36
Machado, Irene 9
Malinowski, Bronislaw 16, 20, 36
Malts, Ann 105
Maran, Timo 7
Mayenowa, Maria R. 8, 35, 78, 105
Mihaychuk, George 36
Mittelstrass, Jürgen 33, 34, 36
Mukařovský, Jan 17
Nakhimovsky, Alexander D. 15, 36
Nakhimovsky, Alice S. 15, 36
Nikolaeva, Tat'jana 7
Nünning, Ansgar 20, 36
Nünning, Vera 20, 36
O'Toole, Lawrence M. 36
Pärli, Ülle 8, 105
Pern, Tanel 6, 41, 77
Pjatigorskij, Aleksandr M. 5, 8, 9, 20, 21, 23, 35–37, 53, 78, 105
Popović, Anton 32, 36
Portis-Winner, Irene 6, 7, 26, 27, 30, 37, 63, 72, 75
Posner, Roland 18, 37
Prevignano, Carlo 9, 129
Propp, Vladimir 17
Rapport, David J. 37
Rastier, François 32, 37
Revzin, Isaak I. 31, 37
Rigotti, Eddo 9, 129
Rudy, Stephen S. 7
Salupere, Malle 105
Salupere, Silvi 2, 6–8, 15, 37, 47, 105
Saussure, Ferdinand de 16
Sbrocchi, Leonard G. 37
Sebeok, Thomas A. 8
Sedda, Franciscu 9, 10, 129
Shukman, Ann 36
Shumilova, Elena 7
Sommerville, Margaret A. 37
Stjernfelt, Frederik 2
Summa, Antonella 9
Thompson Klein, Julie 33, 37
Toporov, Vladimir N. 5, 8, 9, 28, 35, 37, 53, 78, 105
Torop, Peeter 2, 6, 7, 15, 18, 37, 105
Trubetzkoy, Nikolai 17
Tylor, Edward B. 18
Tynyanov, Jurij 16, 17, 23, 24, 34, 37
Uspenskij, Boris A. 5–10, 15, 21, 25, 28, 29, 32, 35–37, 53, 78, 105, 129
Valsiner, Jaan 2
Velmezova, Ekaterina 2, 5, 7
Voigt, Vilmos 2
Vygotzky, Lev 17
Wiener, Norbert 16
Williamson, Rodney 37
Winner, Thomas 6, 7, 17, 26, 27, 30, 37, 63, 72, 75
Żylko, Boguslaw 17, 29, 37

Names of persons in the supplementary material (pp. 2–37 and all footnotes)

- Bakhtin, Mikhail M. 17
Baran, Henryk 7
Barthes, Roland 16, 32, 35
Bennett, Tyler 6
Bogatyrev, Petr 17
Boklund-Lagopoulou, Karin 8

Tartu Semiotics Library

Book series editors: Kalevi Kull, Silvi Salupere, Peeter Torop

Vol. 1, 1998 V. V. Ivanov, J. M. Lotman, A. M. Pjatigorski, V. N. Toporov, B. A. Uspenskij
Theses on the Semiotic Study of Cultures

Vol. 2, 1999 J. Levchenko, S. Salupere (eds.)
Conceptual Dictionary of the Tartu-Moscow Semiotic School

Vol. 3, 2002 C. Emmeche, K. Kull, F. Stjernfelt
Reading Hoffmeyer, Rethinking Biology

Vol. 4, 2005 J. Deely
Basics of Semiotics (4th edition, bilingual)

Vol. 4.1, 2009 J. Deely
Semiootika alused (K. Lindström, trans.)

Vol. 4.2, 2009 J. Deely
Basics of Semiotics (5th edition)

Vol. 5, 2006 M. Grishakova
The Models of Space, Time and Vision in V. Nabokov's Fiction: Narrative Strategies and Cultural Frames

Vol. 6, 2008 P. Lepik
Universaalidest Juri Lotmani semiootika kontekstis

Vol. 7, 2008 P. Lepik
Universals in the Context of Juri Lotman's Semiotics

Vol. 8, 2009 C. N. El-Hani, J. Queiroz, C. Emmeche
Genes, Information, and Semiosis

Vol. 9, 2010 A. Randviir
Ruumisemiootika: Täendusliku maailma kaardistamine (Semiotics of Space: Mapping the Meaningful World)

Vol. 10, 2012 D. Favareau, P. Cobley, K. Kull (eds.)
A More Developed Sign: Interpreting the Work of Jesper Hoffmeyer

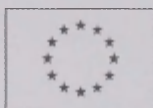
Vol. 11, 2012 S. Rattasepp, T. Bennett (eds.)
Gatherings in Biosemiotics

Vol. 12, 2013 F. Merrell
Meaning Making: It's What We Do; It's Who We Are — A Transdisciplinary Approach

Vol. 13, 2013 S. Salupere, P. Torop, K. Kull (eds.)
Beginnings of the Semiotics of Culture

Vol. 14, 2013 M. Danesi, M. Bockarova
Mathematics as a Modelling System

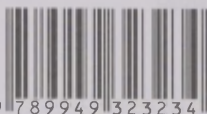
This issue has been published with
the support of the European Union through
the European Regional Development Fund
(Center of Excellence CECT)

European Union
Regional Development Fund

Investing in your future

9 789949 323234

The *Theses on the Semiotic Study of Cultures* guided the semiotic research of subsequent years. Partly in the form of programmatic hypotheses, it included issues such as the relevance of natural language for the definition and functioning of culture; the minimal preconditions of culture; the relation of culture to its obligatory counterpart, nonculture; the relevance of internal and external points of view in the analysis of culture; the temporal status of culture as experience, as collective memory, as nonhereditary information, and as a program for the future; the topological organization of culture; the typological diversifications of cultures; the relation of „utterance“ (in semiotic sense) and culturally relevant texts; the relation of texts and their functions; and the evolution of culture.

Peter Grzybek

Theses lays out in a carefully articulated manner the primary structural principles necessary in order to conduct a semiotic analysis of culture. Although *Theses* focuses on Slavic texts, the principles explicated are applicable to any culture.

Edna Andrews

One of the original features of the work of the Moscow–Tartu group has been the development of this pragmatic aspect of semiotics [...]. In these and in other studies, the problem of the incorporation of the perceiver’s (researcher’s) position and the influence this has on the material being studied are serious issues.

Ann Shukman